

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/2008

Документы по итогам визита
Президента РФ Д.А. Медведева
в КНР

●
К 90-летию академика
С.Л. Тихвинского

●
Япония в 2006—2007 годах

●
КНР на рынке драгоценных камней
и благородных металлов

●
Корея в поисках национального
единения (1945—1948)

●
Особенности китайского
выездного туризма

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4 / 2008

Июль - Август

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

- Совместное российско-китайское коммюнике об итогах встречи на высшем уровне в Пекине..... 6
- Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам 10

К 90-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА С.Л. ТИХВИНСКОГО

- М. Титаренко, А. Ипатова.* Человек, определивший Путь... 14
- Л. Переломов.* Пекинский университет провел научный симпозиум, посвященный 90-летию академика С.Л. Тихвинского 31

ПОЛИТИКА

- В. Павлятенко, А. Сенаторов, Д. Щербаков.* Япония в 2006—2007 гг.: политика и экономика, часть первая 35
- В. Гринюк.* Япония на шестисторонних переговорах по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове 54
- О. Розанов.* Наградная система как инструмент государственной политики Китая 68

© Российская академия наук, 2008 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока", издательство 2008 г.

БИОЛОГИЧЕСКОЕ

ОТДЕЛЕНИЕ

ИЮЛЬ - АВГУСТ 2008

1-й экз.

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- С. Кравчук, Е. Мотрич.* Демографический потенциал как фактор социально-экономического развития и пограничной безопасности СССР на Дальнем Востоке в 1950—1970-е годы..... 80

ЭКОНОМИКА

- З. Муромцева.* КНР на рынке драгоценных камней и благородных металлов..... 90
- И. Бояринцев.* Транспортная составляющая российских геополитических интересов в Северо-Восточной Азии..... 105
- А. Нечаева.* Этапы развития и особенности китайского выездного туризма..... 120

ИСТОРИЯ

- Е. Чернолуцкая.* Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г..... 133
- Н. Ким.* Корея в поисках общенационального единения в условиях деколонизации. 1945—1948 гг..... 146

ФИЛОСОФИЯ

- А. Крушинский.* Рассуждение по образцу и политическое предвидение в китайской интеллектуальной традиции..... 157

КУЛЬТУРА

- Е. Завидовская.* Охрана памятников нематериальной культуры в Китае: неделя традиционной драмы в провинции Шаньдун..... 169

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Лю Гучан.* Следуя зову времени, совместными усилиями формировать новый облик китайско-российских отношений. *Выступление Посла КНР на церемонии присвоения ему звания Почетного доктора ИДВ РАН*..... 179
- А. Волохова.* IX Российско-корейский форум..... 184

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- Г. Куликова.* Бывшие китайские воспитанники интернационального Ивановского детского дома в Москве..... 186

РЕЦЕНЗИИ

- А. Волохова.* Образ Китая в современной России..... 188
- В. Потапчук.* Тихоокеанское обозрение, 2006—2007..... 190

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Ю.М. Гарушняц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Статьи этого номера

М. Титаренко, А. Ипатова. Человек, определивший Путь...

В статье, посвященной 90-летию академика С.Л. Тихвинского, подробно освещается жизненный путь и научная деятельность всемирно известного ученого, выдающегося востоковеда, дипломата и общественного деятеля. Рассказывается о его главных научных трудах, вкладе в развитие отечественного китаеведения.

В. Павлятенко, А. Сенаторов, Д. Щербаков. Япония в 2006—2007 гг.: политика и экономика

В первой части статьи российских японоведов рассматривается развитие ситуации в Японии за годы пребывания у власти премьер-министров Дзюньитиро Коидзуми, Синдзо Абэ и Ясуо Фукуда, исследуются особенности их политических курсов, говорится о конкретных шагах в осуществлении внутренней и внешней политики страны.

В. Гринюк. Япония на шестисторонних переговорах по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове

Автор отмечает, что на шестисторонних переговорах Япония жестко увязывает переговорный процесс с разрешением проблемы прошлого: похищений японских граждан спецслужбами КНДР. Такая линия затрудняет продвижение к денуклеаризации Корейского полуострова. Кроме того, она создает определенную опасность изоляции Японии на переговорах, усилившуюся в связи с принятым США в 2006 г. поворотом от конфронтации к диалогу с Северной Кореей. С приходом на смену правительству С. Абэ в сентябре 2007 г. кабинета Я. Фукуда полемика между Японией и КНДР по указанной проблеме несколько смягчилась, но реального изменения позиции Японии на шестисторонних переговорах не произошло.

О. Розанов. Наградная система как инструмент государственной политики Китая

В статье прослеживается история формирования наградной системы в Китае с конца XIX века. Даются характеристики наградных знаков в разные периоды существования китайского государства, подробно освещается наградная политика Китайской Народной Республики.

С. Кравчук, Е. Мотрич. Демографический потенциал как фактор социально-экономического развития и пограничной безопасности СССР на Дальнем Востоке в 1950—1970-е годы

В статье анализируется исторический опыт советского государства в 1950—1970 гг. по наращиванию демографического потенциала на Дальнем Востоке, в основу которого было положено создание льготных условий для переселенцев. Увеличение численности населения способствовало экономическому росту и усилению охраны государственной границы в регионе. Однако Дальний Восток не располагал благоприятными возможностями для закрепления прибывающих переселенцев, а радикальные преобразования 1990-х гг. привели к тому, что за 1991—2000 гг. население края сократилось почти на полтора миллиона человек.

З. Муромцева. КНР на рынке драгоценных камней и благородных металлов

В статье рассмотрен один из аспектов освоения минеральных ресурсов: производство благородных металлов (платиноидов, золота и серебра) и драгоценных камней, представляющих собой важный показатель экономической мощи любой страны. В начале 2000-х гг. китайские реформаторы обратили внимание на необходимость использовать шансы КНР в производстве ювелирных украшений, обработке драгоценных и полудрагоценных камней. Оптимизация производственной структуры рынка драгоценных камней и благородных металлов направлена на инновационное развитие, на применение передовых технологий.

И. Бояринцев. Транспортная составляющая российских геополитических интересов в Северо-Восточной Азии

Автор делает акцент на три аспекта транспортной инфраструктуры России на Дальнем Востоке в свете ее геополитических интересов: значимость дальневосточных портов как “окон” РФ в мировой океан (после утраты ее портов, веками создававшихся на Черном и Балтийском морях); роль транспорта в обеспечении экономического единства между Дальним Востоком и европейской частью РФ; перспективы Транссиба как транзитного моста между Восточной Азией и Западной Европой.

А. Нечаева. Этапы развития и особенности китайского выездного туризма

В статье рассматриваются история и характерные особенности развития индустрии внешнего туризма в КНР. На основе богатого статистического и фактологического материала автор показывает, что быстро растущий рынок китайского выездного туризма не только является одним из реальных результатов стремительного экономического роста страны, но и обладает огромным внутренним потенциалом. Однако его рациональное использование сопряжено с решением множества задач и требует грамотного подхода и объединенных усилий со стороны правительства, исследовательских центров, представителей турбизнеса и других заинтересованных структур.

Е. Чернолуцкая. Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г.

В статье на основе малоизвестных архивных источников освещается процесс постепенного вытеснения китайского населения с советского Дальнего Востока в 1920—1930-е гг., завершившийся принудительным переселением в 1938

году. Приводятся данные о ликвидации владивостокской “Миллионки”, проведении арестов в годы “большого террора”. Анализируются количественные характеристики депортации китайцев в Синьцзян и переселения по областям Дальневосточного края.

Н. Ким. Корея в поисках общенационального единения в условиях деколонизации. 1945—1948 гг.

Автор анализирует политические процессы на юге Кореи после освобождения страны силами союзных войск в августе 1945 г. Освобождение вызвало бурный рост политических партий и организаций, которые пытались самостоятельно решать вопросы внутренней политики Кореи. Главной задачей было сохранение общенационального единства с целью реализации национальной независимости и самобытности. Но в силу ряда причин, которые подробно освещаются в статье, политические силы Юга и Севера Кореи не смогли прийти к взаимоприемлемому консенсусу.

А. Крушинский. Рассуждение по образцу и политическое предвидение в китайской интеллектуальной традиции

Автор показывает, что за “наивным” философствованием древних мудрецов стоит сознательная разработка познавательных конструктов, задававших алгоритмы выведения истинного суждения. По его мнению, такой алгоритм — “рассуждение по образцу” — присутствовал в разных философских традициях, но в древнекитайской мысли играл особо значимую роль, выступая, в том числе, в качестве инструмента политического прогноза.

Е. Завидовская. Охрана памятников нематериальной культуры в Китае: неделя традиционной драмы в провинции Шаньдун

В октябре 2007 г. Институт китайского искусства в Пекине получил приглашение от Бюро культуры провинции Шаньдун принять участие в научном форуме, посвященном жанру местной традиционной драмы “люцинъ си”, и неделе традиционной драмы, в рамках которой предполагалось посмотреть в г. Цзаочжуан выступления семи театральных коллективов из провинций Шаньдун, Цзянсу, Аньхой, где распространен этот жанр. Руководство пекинского института пригласило автора статьи участвовать в мероприятии и выступить на нем с докладом. На примере организации недели традиционной драмы автор анализирует деятельность государственных структур в области охраны и поддержки традиционного театра в китайской провинции.

Документы

Совместное российско-китайское коммюнике об итогах встречи на высшем уровне в Пекине

По приглашению председателя Китайской Народной Республики /КНР/ Ху Цзиньтао президент Российской Федерации /РФ/ Д.А. Медведев с 23 по 24 мая 2008 года посетил КНР с официальным визитом. Состоялись переговоры между Ху Цзиньтао и Д.А. Медведевым в узком и широком составах, а также встречи Д.А. Медведева с председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей /ПК ВСНП/ У Банго, председателем Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая /ВК НПКСК/ Цзя Цинлинем и заместителем председателя КНР Си Цзиньпином.

Президент Д.А. Медведев еще раз выразил председателю Ху Цзиньтао искренние соболезнования в связи с разрушительным землетрясением в китайской провинции Сычуань, заявил о солидарности с дружественным китайским народом, пережившим масштабное стихийное бедствие, высоко оценил действия правительства КНР по преодолению его последствий, в том числе организацию спасательных работ. Д.А. Медведев подтвердил готовность России продолжать оказывать необходимую помощь и содействие. Ху Цзиньтао от имени правительства и народа Китая выразил сердечную благодарность за ценную помощь, оказанную правительством и народом России, отметив, что это стало очередным проявлением дружбы между народами двух стран и отражением высокого уровня китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия.

Главы двух государств всесторонне рассмотрели итоги и опыт развития российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия за последние годы, в духе взаимопонимания и взаимного доверия обсудили современное состояние и перспективы отношений партнерства и стратегического взаимодействия между Китаем и Россией, наметили пути дальнейшего развития двусторонних отношений, провели подробный и откровенный обмен мнениями по важнейшим международным проблемам и региональным делам и достигли понимания по широкому кругу вопросов.

В подписанной главами государств Совместной декларации КНР и РФ по основным международным вопросам стороны изложили общие позиции двух стран по узловым и наиболее актуальным проблемам мирового развития, призвав все страны мира объединить усилия с целью эффективного ответа на общие

угрозы и вызовы, поддержания устойчивого мира, строительства гармоничного миропорядка.

1. С удовлетворением констатируется, что благодаря совместным усилиям сторон китайско-российские отношения партнерства и стратегического взаимодействия достигли беспрецедентно высокого уровня и находятся на этапе динамичного развития. Стороны подтвердили неизменность курса на развитие долгосрочных и стабильных отношений партнерства и стратегического взаимодействия, который является приоритетным направлением внешней политики двух государств, отвечает коренным интересам Китая и России и их народов, способствует развитию и процветанию двух стран, имеет важное значение для мира, стабильности и развития в региональном и глобальном измерениях.

С учетом успешного опыта осуществления Плана действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией (2005—2008 годы) стороны разрабатывают новый План действий на 2009—2012 годы, который будет утвержден на высшем уровне в 2008 году.

Главы государств выразили удовлетворение ходом демаркационных работ на двух участках российско-китайской государственной границы ее Восточной части и отметили важность скорейшего подписания документов по итогам демаркации.

Главы двух государств подчеркнули, что оказание взаимной поддержки в вопросах, затрагивающих центральные интересы друг друга, является важным содержанием китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия.

Российская сторона подтвердила неизменность своей принципиальной позиции по тайваньскому вопросу: Тайвань является неотъемлемой частью Китая, российская сторона выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме и его участия в ООН и других международных организациях, членами которых могут быть только суверенные государства.

Российская сторона рассматривает Тибет в качестве неотъемлемой части Китая, считая тибетскую проблему внутренним делом Китая, поддерживает предпринимаемые в соответствии с законодательством действия китайской стороны по поддержанию в Тибете общественной стабильности.

Дана высокая оценка мероприятиям в рамках взаимного проведения в 2006—2007 годах национальных Годов, которые стали беспрецедентным событием в истории китайско-российских отношений. Подчеркнуто, что мероприятия в рамках Года России в Китае и Года Китая в России углубили политическое взаимодоверие, содействовали развитию сотрудничества двух стран во всех сферах, укреплению взаимного уважения, взаимопонимания и традиционной дружбы между народами двух стран, наполнили мощной энергией китайско-российские отношения партнерства и стратегического взаимодействия. Главы государств утвердили перечень мероприятий национальных Годов, которые отныне будут проводиться на регулярной основе.

Главы государств отметили, что Пекинская Олимпиада 2008 года является крупнейшим событием для народов всего мира и высказались против любых попыток политизации Олимпийских игр. Главы двух государств подтвердили поддержку проведению в Пекине летних Олимпийских игр 2008 года и в российском городе Сочи зимних Олимпийских игр 2014 года.

Высоко оценив позитивную роль механизма регулярных встреч глав правительств Китая и России в развитии двусторонних отношений, главы государств заявили о намерении продолжать прилагать усилия для совершенствования данного механизма и дальнейшего повышения его эффективности.

В ходе встречи на высшем уровне подписаны следующие документы:

- Совместная декларация КНР и РФ по основным международным вопросам;

- План совместных действий государственного управления по делам туризма Китая и Федерального агентства по туризму /РФ/ на период 2008—2010 годы по реализации Соглашения между правительством КНР и правительством РФ о сотрудничестве в области туризма от 3 ноября 1993 года;

- Соглашение о базовых условиях контрактов на оказание технического содействия в сооружении четвертой очереди газодиффузионного завода в КНР и поставкам, начиная с 2010 года, в течение 11 лет российских услуг по обогащению урана и/или обогащенного уранового продукта в КНР между Китайской компанией индустрии атомной энергии и Открытым внешнеэкономическим обществом "Техснабэкспорт" /РФ/;

- Генеральное соглашение о сотрудничестве между Китайской национальной компанией по экспорту и импорту авиационных технологий и Федеральным государственным унитарным предприятием "Производственное объединение "Уральский оптико-механический завод им. Э.С. Яламова" /РФ/;

- Меморандум о развитии сотрудничества между Китайской национальной компанией по импорту и экспорту авиационных технологий и Открытым акционерным обществом "Вертолеты России";

- Меморандум о взаимопонимании между Строительным банком Китая и Открытым акционерным обществом Банк ВТБ /РФ/;

- Меморандум между Яньтайской северо-западной компанией лесного хозяйства /КНР/ и Администрацией Томской области РФ о создании на территории Томской области комплексного лесопромышленного предприятия с объемом заготовки и комплексной переработки до 4,5 тыс куб. м в год.

2. Главы государств отметили необходимость дальнейшего укрепления материальной основы китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия. Положительно оценивая стабильную поступательную динамику развития торгово-экономического сотрудничества, стороны намерены и далее на основе равенства, взаимной выгоды и сбалансированности повышать качество и уровень двусторонних торгово-экономических связей.

Китай и Россия будут прилагать усилия для увеличения в структуре двусторонней торговли доли машинно-технической продукции и высокотехнологичных товаров, доли взаимных инвестиций, сбалансированности торговых операций, качественного улучшения торгово-экономического сотрудничества между двумя странами.

Большим потенциалом обладает межрегиональное и приграничное сотрудничество. Соответствующие ведомства и региональные власти двух стран продолжают прилагать совместные усилия по всемерному расширению и углублению взаимодействия в экономической, научно-технической, гуманитарной и других сферах на межрегиональном и приграничном уровнях.

Отмечая, что энергетическое сотрудничество является важной составной частью китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия, Китай и Россия продолжают развивать сотрудничество в нефтегазовой

сфере и электроэнергетике, в том числе в рамках крупных двусторонних проектов. Стороны договорились создать механизм координации сотрудничества в этой области на уровне заместителей глав правительств двух стран.

Главы государств рассматривают в качестве одного из приоритетных направлений экономического взаимодействия кооперацию в области атомной энергетики, выражают удовлетворение успехами, достигнутыми в этой сфере, и готовность двух стран продолжать взаимовыгодное сотрудничество.

Выражено намерение и дальше укреплять сотрудничество в сфере науки и техники, космоса, информационной индустрии, гражданской авиации, транспорта и банковского дела и реализовывать соответствующие совместные проекты.

Принимая во внимание, что тематика охраны окружающей среды, а также миграция имеют важную значимость для развития обеих стран и двусторонних отношений, Китай и Россия усилят взаимодействие в данных сферах.

3. Главы государств особо подчеркнули, что всемерное расширение и углубление сотрудничества в гуманитарной области имеет фундаментальное значение для укрепления широкой и прочной социальной базы китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия. Стороны будут уделять особое внимание реализации мероприятий национальных Годов в гуманитарных областях, которые отныне будут проводиться на постоянной основе, наращиванию разнообразных молодежных контактов, продвигать сотрудничество в таких областях как образование, культура, здравоохранение, спорт, туризм, СМИ, кино, архивное дело.

Новым крупным событием в двусторонних отношениях станет проведение в 2009 году Года русского языка в Китае и в 2010 году Года китайского языка в России. Стороны должным образом подготовят и проведут все мероприятия Года русского языка и Года китайского языка, создав для координации этой работы национальные оргкомитеты на высоком уровне.

4. Стороны отмечают, что переговоры глав государств России и Китая прошли в атмосфере дружбы, взаимного доверия, взаимопонимания и сотрудничества, принесли значительные результаты. Стороны выражают удовлетворение их итогами.

Президент РФ Д. Медведев пригласил председателя КНР Ху Цзиньтао посетить Россию в 2009 году в удобное для него время. Председатель Ху Цзиньтао с благодарностью принял приглашение. Конкретные сроки визита будут согласованы по дипломатическим каналам.

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам

Подписано Президентом России Дмитрием Медведевым и Председателем КНР Ху Цзиньтао в Пекине 23 мая 2008 года

Российская Федерация и Китайская Народная Республика (далее именуемые Сторонами),

исходя из своей ответственности за мир и развитие на планете, которую они несут как постоянные члены Совета Безопасности ООН, а также из общности позиций по основным международным вопросам,

подчеркивая свою приверженность положениям Российско-китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка от 23 апреля 1997 года и Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке от 1 июля 2005 года,

отмечая историческую важность установления отношений партнерства и стратегического взаимодействия и Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года,

заявляют о нижеследующем:

1. В мире происходят большие изменения. Велением времени стало стремление к миру, развитию и сотрудничеству. Необратимый характер приобретает тенденция многополярности мира, углубляется экономическая глобализация, ускоряются темпы научно-технического прогресса, интенсивно развивается глобальное и региональное сотрудничество. В то же время в мире по-прежнему встречается стремление к односторонним действиям, проведению силовой политики. Постоянно возникают локальные конфликты на почве национальных и религиозных противоречий, обостряется глобальный экономический дисбаланс, появляются новые вызовы и угрозы.

В таких условиях все страны должны объединить усилия для эффективного ответа на общие вызовы и угрозы, обеспечения устойчивого мира и формирования гармоничного мироустройства во имя совместного процветания. Необходимо строго следовать целям и принципам Устава ООН, неукоснительно соблюдать принципы взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, отказа от агрессии друг против друга, невмешательства во внутренние дела, равноправия и взаимной выгоды, мирного сосуществования и другие общепризнанные принципы международных отношений и международного права, избавиться от менталитета «холодной войны», блоковой политики, развивать дух равенства, демократии и взаимодействия.

2. Стороны поддерживают центральную роль ООН в международных делах, потенциал которой в деле обеспечения мира, стимулирования международного сотрудничества и совместного развития незаменим. Они одобряют проведение необходимой и рациональной реформы ООН в целях повышения авторитета и эффективности этой организации, усиления ее потенциала реагирования на новые вызовы и угрозы. Проведение реформы должно основываться на принципах консенсуса, последовательности и постепенности.

3. Стороны осуждают все формы терроризма, с озабоченностью обращают внимание на попытки его идейной экспансии, крепнущие связи с транснациональной организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков. Борьба с терроризмом должна вестись мировым сообществом на основе Устава ООН, общепризнанных норм международных отношений и в рамках многосторонних подходов, без двойных стандартов и использования этой борьбы в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности.

Стороны будут прилагать совместные усилия по укреплению центральной координирующей роли ООН в организации международного отпора терроризму, другим новым вызовам и угрозам, будут работать над имплементацией ее ключевых антитеррористических документов, включая Глобальную контртеррористическую стратегию ООН, способствовать скорейшему завершению согласования Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму. Стороны предпримут активные шаги с широким привлечением потенциала гражданского общества, в том числе неправительственных организаций и деловых кругов, для обуздания идеологии терроризма, пресечения новых вызовов и угроз.

Стороны подтверждают свою приверженность осуществлению активного антитеррористического, антинаркотического и антикриминального сотрудничества в рамках региональных организаций и форумов, в первую очередь Шанхайской организации сотрудничества, Регионального форума АСЕАН, АТЭС, в других многосторонних форматах. Стороны продолжают совместную работу по формированию в Азиатско-тихоокеанском регионе партнерской сети международных региональных организаций и их контртеррористических структур.

4. Стороны готовы, стремясь к обоюдному выигрышу, способствовать процессам экономической глобализации для достижения сбалансированного взаимовыгодного развития, призывают мировое сообщество, прежде всего развитые страны, увеличить помощь развитию, в полном объеме выполнять обязательства по предоставлению помощи развивающимся странам, создав тем самым благоприятные внешние условия для их развития.

Стороны поддерживают реализацию взаимовыгодной стратегии открытости, продвижение диалога по линии «Север – Юг» и сотрудничества «Юг – Юг», сокращение разрыва между Севером и Югом. В этих целях следует совершенствовать международную торговую и финансовую систему, оказывать противодействие торгово-инвестиционному протекционизму, разрешать торгово-экономические трения путем равноправных консультаций и сотрудничества.

5. Стороны считают, что для поддержания прочного мира всем странам необходимо совместными усилиями содействовать развитию системы международной безопасности, основанной на принципах Устава ООН, взаимном доверии, учете взаимных интересов, равноправном сотрудничестве, открытости и предсказуемости, в направлении большего соответствия требованиям эпохи и общим интересам всех государств.

Стороны считают, что международная безопасность неделима и всеобъемлюща. Безопасность одних государств, в том числе путем расширения военно-

политических альянсов, нельзя обеспечить за счет безопасности других. Стороны подчеркивают необходимость в полной мере уважать и учитывать интересы и озабоченности соответствующих государств.

Стороны намерены и впредь активно стимулировать процесс международного контроля над вооружениями без ущерба для безопасности какого-либо государства, прилагать усилия по укреплению универсализации и повышению эффективности многосторонних соглашений по контролю над вооружениями и нераспространению. Стороны выступают за то, чтобы проблемы распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки решались политическими и дипломатическими методами в рамках норм международного права в интересах укрепления международной безопасности.

Стороны считают, что создание глобальной системы противоракетной обороны, включая развертывание такой системы в некоторых регионах мира либо налаживание соответствующего сотрудничества, не способствует поддержанию стратегического баланса и стабильности, препятствует международным усилиям по контролю над вооружениями и нераспространению, укреплению доверия между государствами и региональной стабильности, и выражают в связи с этим свою озабоченность.

Стороны выступают за мирное использование космоса, против размещения оружия в космосе и гонки космических вооружений, подчеркивают важность подготовки соответствующего международно-правового акта в рамках Конференции по разоружению в Женеве.

6. Стороны считают, что устойчивое развитие является важной сферой международного сотрудничества, для обеспечения которого все страны должны наращивать обмен опытом, охранять природные ресурсы и биологическое разнообразие, предпринимать усилия по формированию общества, дружественного к окружающей среде и бережно использующего ресурсный потенциал.

Стороны уделяют большое внимание вопросам изменения климата и, подтверждая свои обязательства по всемерному выполнению Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Киотского протокола, готовы развивать диалог и сотрудничество в этой области в полном соответствии с принципами Конвенции, в том числе принципом «общей, но дифференцированной ответственности» и «имеющимися возможностями». Развитым странам следует оказывать финансовое и техническое содействие развивающимся странам для повышения способности последних реагировать на изменения климата.

7. Стороны призывают все страны на основе принципов равноправия и взаимной выгоды активизировать диалог и координацию деятельности в энергетической сфере в целях стабилизации и совершенствования международных рынков поставок и потребления энергоресурсов, совместного обеспечения глобальной энергетической безопасности. Стороны поддерживают становление и реализацию новой концепции энергетической безопасности, предусматривающей взаимовыгодное сотрудничество, многовекторное развитие и совместные гарантии, выступают за ускорение разработки и внедрения новых энергетических технологий, способствующих охране окружающей среды.

8. Стороны позитивно оценивают прогресс на шестисторонних переговорах по ядерной проблеме Корейского полуострова и призывают все стороны продолжать диалог, переговоры и курс на ее мирное решение, двигаться навстречу друг другу, проявлять гибкость в целях содействия процессу шестисторонних переговоров, скорейшей денуклеаризации полуострова, нормализации отношений между

соответствующими государствами, укрепления безопасности в Северо-Восточной Азии. Стороны намерены и впредь играть в этом процессе активную роль.

Стороны выступают за решение путем диалога и равноправных переговоров иранской ядерной проблемы, вопросов восстановления Ирака и Афганистана, ближневосточной, косовской, суданской (дарфурской) и других актуальных международных проблем. Они призывают все стороны, руководствуясь соображениями глобальной и региональной безопасности, прилагать для их урегулирования дипломатические усилия, избегать использования военной силы и других крайних мер, с осторожностью подходить к вопросу применения санкций, учитывать интересы всех заинтересованных государств.

9. Стороны считают, что цивилизационно-культурное многообразие является важной движущей силой прогресса человечества. Все страны должны в соответствии с принципом равноправия и взаимного уважения расширять межкультурный, межкультурный и межконфессиональный диалог, обеспечивать гармоничное развитие и взаимообогащение различных культур и цивилизаций.

10. Стороны, подтверждая универсальный характер принципа уважения прав человека, считают, что каждое государство имеет право стимулировать и защищать их в соответствии с собственной спецификой. В вопросе прав человека все страны должны на основе принципов суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела устранять трения путем диалога и сотрудничества, выступать против его политизации и применения двойных стандартов, против использования вопроса прав человека для вмешательства во внутренние дела других стран, способствовать тому, чтобы подходы международного сообщества к проблематике прав человека строились на объективной и неизбирательной основе.

11. Стороны выражают готовность прилагать совместные усилия для укрепления таких механизмов международного взаимодействия, как диалог «Группы восьми» с лидерами развивающихся стран, «четверка» Бразилия – Россия – Индия – Китай (БРИК), министерские встречи и контакты в формате Россия – Индия – Китай, содействовать на основе совпадающих интересов становлению и дальнейшему развитию этих и других институтов международного сотрудничества, находя согласованные ответы на вызовы и угрозы глобальной и региональной безопасности и устойчивому развитию.

Стороны приветствуют создание механизмов взаимодействия региональных интеграционных структур, прежде всего укрепление взаимодействия, расширение политического диалога, экономического сотрудничества, общественных и культурных связей в Восточной Азии. Китай поддерживает более активное подключение России к процессам интеграции в регионе Восточной Азии.

Стороны считают, что Шанхайская организация сотрудничества превратилась в исключительно важный фактор укрепления стратегической стабильности, поддержания мира и безопасности, развития многопрофильного экономического и гуманитарного взаимодействия в Евразии. Стороны подтверждают свое стремление к дальнейшей консолидации Шанхайской организации сотрудничества, считают важным углубление диалога Организации со всеми заинтересованными государствами, международными объединениями и форумами в целях поиска взаимоприемлемых решений актуальных проблем современности на основе принципов открытости и ненаправленности против третьих стран.

К 90-летию академика С.Л. Тихвинского

Человек, определивший Путь...

© 2008

М. Титаренко, А. Ипатова

1 сентября с.г. исполняется 90 лет со дня рождения Сергея Леонидовича Тихвинского — всемирно известного ученого, историка-востоковеда, действительного члена Российской академии наук, выдающегося дипломата, общественного деятеля, признанного лидера отечественного китаеведения, кавалера многих высоких государственных наград нашей страны и зарубежных государств, лауреата государственных премий, иностранного члена ряда зарубежных академий наук и научных обществ. Академик С.Л. Тихвинский — автор более пятисот научных трудов, многие из которых изучает уже не одно поколение востоковедов, только краткий перечень его работ составляет самостоятельное издание¹.

90-летний жизненный путь академика С.Л. Тихвинского делится на два больших периода: советский (1918—1991), затем — постсоветский, российский. Особенность жизненного пути великого ученого и выдающегося общественного деятеля, активного поборника дружбы и сотрудничества нашей страны с Китаем была именно органическая взаимосвязь и дипломатической, и научной работы, посвященной изучению истории Китая, истории развития российско-китайских отношений, общей геополитической ситуации в Восточной

Титаренко Михаил Леонтьевич, академик РАН, директор Института Дальнего Востока РАН.

Ипатова Аида Семеновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Азии и в мире в целом. Причем между этими двумя сторонами активной творческой работы была взаимная подпитка и обогащение — наработанный практический опыт дипломата и ученого переливался, переплавлялся в научные обобщения и прогнозы. В этом смысле жизнь и многогранная деятельность С.Л. Тихвинского поистине является прекрасной иллюстрацией известного изречения Конфуция: *“Не Путь создает Человека, а Человек определяет Путь”*.

Как вспоминает Сергей Леонидович, свой путь он выбрал еще будучи школьником. Окончательное решение не связывать свое будущее с точными и естественными науками пришло к нему после участия в городской олимпиаде по математике. Его выбор пал на науку о Китае, шире — о Востоке. В значительной степени этому способствовало знакомство с выдающимся русским китаеведом академиком В.М. Алексеевым. Влюбленный в Китай и глубоко постигший духовный мир этой страны ученый много и увлеченно рассказывал о Китае во время дружеского общения с отцом С.Л. Тихвинского. Эти рассказы производили на юного слушателя неизгладимое впечатление. Именно Василий Михайлович стал впоследствии главным наставником студента Сергея Тихвинского.

Спустя годы, уже находясь в Китае на дипломатической службе, благодарный ученик поддерживал со своим учителем связь вплоть до последних дней жизни Василия Михайловича. Все это время Сергей Леонидович вместе с письмами посылал В.М. Алексееву карточки с выписками почерпнутых им из прессы и личных бесед новых слов, выражений, терминов и неологизмов на китайском языке для китайско-русского словаря, над которым тогда начал трудиться Василий Михайлович. И по сей день академик С.Л. Тихвинский с неизменным уважением вспоминает своих учителей, преподавателей Ленинградского университета, прежде всего академика Василия Михайловича Алексеева, которому посвятил ряд своих статей.

Окончив среднюю школу с отличием, Сергей Тихвинский успешно выдержал вступительные экзамены в Ленинградский институт истории, филологии и лингвистики, а через год учебы после преобразования ЛИФЛИ в филологический факультет Ленинградского государственного университета по просьбе самого С.Л. Тихвинского он был зачислен в группу, изучающую китайский язык. Выдающиеся ученые и опытнейшие педагоги, в числе которых были академики В.М. Алексеев, И.Ю. Крачковский, В.В. Струве, Ф.И. Щербацкий, будущий академик, а в те годы член-корреспондент АН СССР Н.И. Конрад, профессора Ю.В. Бунаков, Б.А. Васильев, Г.В. Ефимов, К.И. Разумовский, М.Ф. Хван и другие, оказали значительное влияние на формирование и становление будущего ученого, который со временем стал преемником и продолжателем лучших традиций корифеев отечественной науки о Востоке.

Рано проявившиеся способности студента Тихвинского, особенно в изучении иностранных языков, в том числе китайского и японского, хорошее знание Востока были востребованы еще во время учебы. В 1938 г., после одновременной сдачи экзаменов за 3-й и 4-й курсы студент С.Л. Тихвинский был направлен на работу в Наркомат иностранных дел СССР. Завершать учебу пришлось экстерном в Московском институте востоковедения весной 1941 г., сочетая ее с напряженной дипломатической службой.

Вторжение в сентябре 1931 г. японских милитаристов в Северо-Восточный Китай переросло в 1937 г. в широкомасштабную войну. В 1939—1940 гг. Сер-

гей Леонидович выезжает в первые командировки в Китай в качестве сотрудника Генконсульства СССР в Урумчи (Синьцзян). По возвращении работает в Центральном аппарате Наркомата иностранных дел. Вероломное нападение в июне 1941 г. гитлеровской Германии на Советский Союз втянуло наш народ в смертельную схватку с фашистским агрессором. Началась Великая Отечественная война 1941—1945 гг.

С.Л. Тихвинскому приходилось неоднократно сопровождать зарубежные делегации и дипломатические миссии в районы боевых действий. Так, в марте 1942 г. он побывал в расположении 49-й армии, дислоцированной под Юхновом, с делегацией Монгольской Народной Республики во главе с заместителем премьер-министра Лубсаном и вдовой Сухэ-Батора Янжимой, которые привезли прямо на фронт целый эшелон с продуктами, полушубками и валенками для бойцов. Делегацию принял командующий Западным фронтом генерал Г.К. Жуков. В начале того же года С.Л. Тихвинский сопровождал делегацию Тувинской Народной Республики во главе с генеральным секретарем Тувинской Народной партии С.Токой на Западный фронт под г. Гжатск, место дислокации 5-й гвардейской армии генерала И.И. Федюнинского. В 1943 г. вместе с послом США в СССР, адмиралом У. Стэндли он совершил поездку в Сталинград.

В том же году молодой дипломат принял участие в работе Секретариата советской делегации на состоявшейся в Москве 19—30 октября 1943 г. конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. В своих воспоминаниях Сергей Леонидович приводит любопытный эпизод из неофициальной части конференции. На его вопрос, заданный госсекретарю США К. Хэллу, не желает ли тот посетить в Москве театры, музеи, концерты, Хэлл буркнул в ответ: “Никаких развлечений”. На аналогичный вопрос, заданный министру иностранных дел Великобритании А. Идену, тот восторженно воскликнул: “Конечно, русский балет”.

В декабре 1943 г. С.Л. Тихвинский снова направляется на работу в Китай, на этот раз вторым секретарем Посольства СССР в Китайской Республике, которое в то время находилось в г. Чунцине, временной военной столице Китая. В 1946 г. его назначают представителем Посольства СССР в Северном Китае, затем последовательно — вице-консулом, управляющим Генерального консульства, генеральным консулом СССР в Бэйпине (Пекине).

В те годы С.Л. Тихвинский был не только свидетелем, но и непосредственным участником весьма важных событий. Так, вместе с коллегами по Генконсульству в Бэйпине он вел переговоры о налаживании контактов между командованием Народно-освободительной армии китайских коммунистов и армией патриотически настроенного гоминьдановского генерала Фу Цзои. Благодаря этим переговорам произошло мирное освобождение Бэйпина, были спасены тысячи жизней военных и мирных жителей, сохранены от разрушения и уничтожения уникальные историко-архитектурные памятники древней китайской столицы.

1 октября 1949 г. генеральный консул С.Л. Тихвинский в качестве официального гостя присутствовал на торжественной церемонии, посвященной провозглашению Китайской Народной Республики, проходившей на Тяньаньмэнь — главной площади китайской столицы, которой было возвращено ее историческое название Бэйцзин (Пекин).

Дипломат С.Л.Тихвинский был непосредственным участником процесса признания Советским Союзом нового китайского государства. Вечером 1 октября в Генконсульство СССР в Пекине было доставлено Официальное письмо премьер-министра Государственного административного совета и министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая на имя генерального консула СССР в Пекине С.Л. Тихвинского и текст Декларации Центрального Народного Правительства КНР, где говорилось о желании КНР установить дипломатические отношения с различными государствами мира. Сергей Леонидович перевел с китайского на русский язык текст письма Чжоу Эньлая и срочно по телеграфу направил его в Москву.

2 октября все радиостанции Советского Союза оповестили мир о признании Советским Союзом Китайской Народной Республики. СССР был первым государством, установившим дипломатические отношения с КНР. Телеграмму Советского правительства вручил Чжоу Эньлаю генеральный консул СССР в Пекине С.Л. Тихвинский. В тот же день С.Л. Тихвинский был назначен временным поверенным в делах СССР в КНР, а после прибытия посла — советником Посольства.

По возвращении из Китая в 1950 г. С.Л. Тихвинский был командирован в США на V сессию Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в качестве эксперта советской делегации и для поддержания связи делегации СССР с делегацией КНР, прибывшей на заседание Совета Безопасности ООН.

Выдающийся талант дипломата и высокий профессионализм, помноженные на глубокие знания стран Востока, их истории, традиций, культуры — все это предопределяло ту важную роль, которую С.Л. Тихвинскому довелось сыграть в установлении в 50-е годы XX века дипломатических отношений с другим нашим дальневосточным соседом — Японией.

В составе советской правительственной делегации он был активным участником проходивших в начале 50-х годов в Лондоне советско-японских переговоров о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Японией. После завершения этих переговоров в 1956—1957 гг. на его плечи легла тяжелая миссия открытия Представительства СССР в этой стране. С началом работы Посольства СССР в Японии С.Л. Тихвинский был назначен временным поверенным в делах СССР в Японии, затем — советником-посланником.

Возвратившись в 1957 г. в Москву, С.Л. Тихвинский возглавил Отдел стран Азии Государственного комитета по культурным связям с заграницей при Совете Министров СССР, где проработал вплоть до его закрытия в 1959 г.

В годы своей дипломатической службы С.Л. Тихвинский, несмотря на большую загруженность, не прерывал научных занятий, результатом чего стала успешная защита в 1945 г. кандидатской диссертации на тему “Сунь Ятсен: внешнеполитические воззрения и практика”. В последующие годы темой его исследований стало движение за реформы в Китае с конца XIX в. Этот интерес ученого был ответом на требования времени, так как и Китай, и его соседи, строя новую государственность, оказывались перед сложным выбором путей возрождения своих стран.

Особенностью научного подхода С.Л. Тихвинского-исследователя был и остается акцент на изучение первоисточников, документов, архивов, воспоминаний современников и близких непосредственных участников исторических событий конца XIX в. Так, Кан Тунби, дочь главного идеолога реформаторов Кан Ювэя, передала молодому исследователю рукопись “Автобиографии” своего от-

МАРШРУТ АН СССР

ца и несколько неопубликованных его писем. Поиски новых материалов, живых свидетелей и участников реформаторского движения привели Сергея Леонидовича к брату Май Мэнхуа, одного из учеников и ближайших сподвижников Кан Ювэя, Май Чжунхуэю который, как и его старший брат, был учеником великого реформатора.

22 июня 1953 г. состоялась защита докторской диссертации будущего академика на тему "Движение за реформы в Китае в конце XIX века". Несколько лет спустя диссертация, существенно расширенная и дополненная, была издана в виде фундаментальной монографии "Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй" (М., 1959).

Одновременно с большой работой в Госкомитете по культурным связям с заграницей молодой доктор наук С.Л. Тихвинский продолжает свою научную деятельность и включается в новый для него вид творческой работы — передачу накопленных знаний молодежи. С 1957 г. он приступил к чтению лекций в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР, где в 1959—1963 гг. заведовал кафедрой истории стран Востока и вплоть до 1980 г. читал курсы лекций. В этот же период началось творческое сотрудничество С.Л. Тихвинского с Институтом китаеведения АН СССР. В январе 1960 г. он был назначен директором.

По инициативе Сергея Леонидовича еще в 1958 г. В Отделе новой и новейшей истории Китая была создана группа для написания коллективной монографии "Новая история Китая". Всех участников этой группы, которая состояла в основном из молодых ученых и аспирантов, С.Л. Тихвинский ориентировал на одновременную работу над диссертациями, которые должны были лечь в основу будущего коллективного труда.

В стенах Института в духе традиций отечественного китаеведения развернулось комплексное изучение Китая, его прошлого и настоящего. Институт был на подъеме и, казалось, ничто не предвещало его закрытия. Однако Постановлением Президиума АН СССР от 22 июля 1960 г. в конце 1960 г. Институт был закрыт наряду с Институтом востоковедения АН СССР. С.Л. Тихвинский вместе с другими видными китаеводами приложил немало усилий, чтобы сохранить основные китаеведческие школы. Большая часть сотрудников ИКАН была переведена в Отдел Китая вновь созданного Института народов Азии. Спустя три года часть сотрудников Отдела Китая во главе с С.Л. Тихвинским была переведена в специально сформированный Отдел истории Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. С.Л. Тихвинский стал заместителем директора Института и руководителем этого отдела.

Организационная чехарда, естественно, дезорганизовала работу над коллективной монографией. Тем не менее, благодаря умелому руководству С.Л. Тихвинского монография все-таки была к 1970 г. завершена. В 1972 г. "Новая история Китая" была издана. Этот труд воплотил в себе лучшие традиции отечественного китаеведения и обобщил богатый опыт исследований истории Китая в России. Работа получила высокую оценку в нашей стране и за рубежом. Вскоре она была переведена на несколько иностранных языков, в том числе и на китайский.

Годы труда над этим коллективным исследованием стали прекрасной школой роста молодых китаеведов, продемонстрировав несомненный педагогический дар их руководителя и наставника С.Л. Тихвинского, избранного в 1968 г.

членом-корреспондентом АН СССР. За это время все участники группы стали кандидатами или докторами наук.

В процессе работы над коллективной монографией окончательно выкристаллизовалось и главное направление научных исследований С.Л. Тихвинского — поиск Китаем своего пути модернизации через реформы и революции.

Плодотворная работа над “Новой историей Китая” сопровождалась подготовкой и изданием целой серии тематических сборников документов и статей, воспоминаний, переводом трудов выдающихся китайских революционеров и реформаторов. Центральное место среди них заняла огромная работа по переводу и изданию наследия великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена. В 1964 г. впервые на русском языке вышли “Избранные произведения Сунь Ятсена”. Столетие со дня рождения Сунь Ятсена советские китаеведы во главе с С.Л. Тихвинским отметили изданием книги “Сунь Ятсен, 1866—1966: К столетию со дня рождения. Сборник статей, воспоминаний и материалов” (М., 1967).

Все это время Сергей Леонидович не переставал прилагать усилия для консолидации отечественного китаеведения и возрождения изначально присущего ему комплексного подхода к изучению Китая в интересах фундаментальной науки, практических потребностей страны и поиска путей нормализации отношений с КНР. В итоге в сентябре 1966 г. Президиум АН СССР принял решение о создании Института Дальнего Востока АН СССР, который фактически стал приемником Института китаеведения, продолжателем комплексной разработки научных направлений, над которыми так успешно начал трудиться его предшественник, но в более расширенном плане. Новый Институт возглавил д.э.н. М.И. Сладковский. К тому времени на С.Л. Тихвинского была возложена новая ответственная миссия в Министерстве иностранных дел. В 1967 г. ему был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Его огромная научная эрудиция и богатый опыт дипломатической службы были востребованы на новых постах в МИДе. С 1965 по 1986 гг. С.Л. Тихвинский последовательно назначался на ответственные должности заведующего Отделом Азии Управления по планированию внешнеполитических мероприятий, начальника Историко-дипломатического управления (1975—1980), ректора Дипломатической академии (1980—1986). С 1977 по 1986 гг. он был членом Коллегии МИД СССР. В этот же период С.Л. Тихвинский был делегирован в качестве члена Исполнительного совета ЮНЕСКО от Советского Союза и члена Комиссии по делам СССР в ЮНЕСКО. В 1983 г. руководство ЮНЕСКО предложило ему войти в состав Международной комиссии по подготовке второго издания “История человечества: научное и культурное развитие”, которое предпринималось под эгидой этой организации, в качестве редактора главной редколлегии и редколлегии 7-го тома. Эта работа, растянувшаяся на два десятилетия, значительно раздвинула рамки научных интересов самого ученого от изучения Востока до общепланетарной проблематики.

Несмотря на столь напряженную работу во внешнеполитическом ведомстве, С.Л. Тихвинский продолжал сохранять тесную связь с наукой, причем не только в плане научного творчества, он занимал руководящие должности в различных академических учреждениях и печатных изданиях. В течение семи лет — с 1975 по 1982 гг. — он был заместителем академика-секретаря Отделения истории АН СССР, а в 1982—1988 гг. — академиком-секретарем этого отде-

ления, членом Президиума АН СССР, с 1983 по 1990 гг. — зам. председателя секции общественных наук Президиума АН СССР.

С.Л.Тихвинский был главным редактором и членом редколлегий многих академических журналов. С 1974 по 1983 гг. он возглавлял журнал “Новая и новейшая история”, членом редколлегии которого состоит по сей день, активно сотрудничая с журналом и как автор. В 1989—1998 гг. руководил Научным советом “История международных отношений и внешней политики (СССР) России”.

Многогранная научно-организационная деятельность академика С.Л. Тихвинского не ограничивалась пределами Москвы, он приложил немало усилий по созданию и становлению центров востоковедения в Казахстане, Узбекистане и Киргизии.

Академик С.Л. Тихвинский придает важное значение международным научным связям, пропаганде и популяризации достижений отечественной исторической науки, особенно в области изучения Востока. Он многократно представлял нашу науку на международных конгрессах, конференциях, симпозиумах в разных странах мира, возглавлял делегации отечественных ученых. Успешному развитию международных контактов С.Л. Тихвинского способствует прекрасное владение многими иностранными языками, как европейскими, так и восточными.

Первым международным научным форумом, в котором С.Л. Тихвинский принял участие, был XXIII международный конгресс (конференция) молодых китаеведов, проходивший в Англии в 1954 г. С 1975 по 1990 гг. он был членом бюро Международного комитета исторических наук (МКИН). В сентябре 2007 г. в Пекине прошла Генеральная Ассамблея МКИН, в которой Сергей Леонидович принял участие. Кроме МКИН академик С.Л. Тихвинский участвовал во многих международных конгрессах востоковедов, архивистов, многочисленных конференциях, симпозиумах, семинарах и коллоквиумах.

Наиболее плодотворным периодом сочетания научной и дипломатической деятельности для С.Л. Тихвинского были годы, когда он руководил Историко-дипломатическим управлением МИД СССР. С 1963 по 1992 гг., будучи членом Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР, С.Л. Тихвинский приложил немало усилий к выпуску многотомного издания “Документы внешней политики СССР” (т. 7—9, 14, 16, 20, 22), а также 4-го издания “Истории внешней политики СССР, 1917—1980” (в 2-х т. М., 1981) и вышедшего в 1986 г. 5-го издания этого коллективного труда, хронологически доведенного до 1985 г. включительно.

В этот период публикация внешнеполитических документов становится одним из важнейших направлений в деятельности С.Л. Тихвинского. В течение сравнительно короткого времени под его руководством было подготовлено к публикации значительное число сборников документов по внешней политике царской России и СССР, ряд совместных с зарубежными коллегами изданий документов и материалов по двусторонним отношениям. Благодаря неустанным усилиям С.Л. Тихвинского с 1983 г. стал выходить “Дипломатический вестник” МИД СССР.

В 1982 г. за цикл научно-исследовательских работ по внешней политике СССР и международным отношениям академику С.Л. Тихвинскому была присуждена Государственная премия СССР.

Несмотря на широкий тематический и географический разброс документальных изданий, китайская тематика и в то время неизменно оставалась в центре внимания С.Л. Тихвинского, тем более, что именно с 60-х гг. XX в. возникла острая необходимость в углубленном изучении всей истории российско-китайских отношений в связи с возникшим обострением отношений между СССР и Китаем. Для объективного освещения взаимоотношений России с Китаем за весь период их развития необходимо было сделать достоянием ученых огромное количество архивных документов, начиная с XVII в.

Эта многотрудная работа для своей реализации требует многих лет упорного труда, она продолжается и по сей день. Издание этих сборников документов предоставило отечественной дипломатии и мировой исторической науке объективные, научно-обоснованные аргументы, касающиеся многих спорных вопросов, оставленных нашим народам и странам почти 400-летней непростой историей двусторонних связей. Огромная работа над документальной серией о русско-китайских отношениях в XVII—XX вв. ныне ведется силами небольшой группы научных сотрудников центра “Россия—Китай” ИДВ РАН совместно с Историко-документальным департаментом МИД РФ, а в последнее время и с Федеральным агентством архивов РФ. С 1992 г. этот фундаментальный труд был включен в качестве стержневой работы в научный проект “Взаимоотношения России с Китаем в XVII—XX вв.”. С 1993 г. он получает регулярную финансовую поддержку РГНФ РАН. Инициатор и руководитель проекта и всей серии — академик С.Л. Тихвинский.

К настоящему времени опубликовано шесть томов по истории русско-китайских отношений в XVII—XIX вв. и два тома (в 2-х кн. каждый) по истории советско-китайских отношений периода японо-китайской войны 1937—1945 гг. и за 1946—1950 гг. Выход в свет каждого тома научный мир встречает с живым интересом, о чем свидетельствуют их очень быстрая раскупаемость, доброжелательные отклики и высокие оценки, высказываемые в рецензиях и в устных выступлениях, коэффициент цитирования, а также перевод в КНР отдельных томов на китайский язык. И в этом несомненная заслуга ответственного редактора серии С.Л. Тихвинского. Подобное издание документов по истории российско-китайских отношений за весь период их развития предпринимается впервые в мировой исторической науке.

Учитывая тот весомый и бесценный вклад, который внес С.Л. Тихвинский в отечественную и мировую историческую науку, в 1981 г. он был избран действительным членом АН СССР.

В 1986 г. в Москве по инициативе академика С.Л. Тихвинского состоялась конференция, посвященная 120-й годовщине со дня рождения и 60-летию со времени кончины Сунь Ятсена, в работе которой по приглашению председателя оргкомитета С.Л. Тихвинского после длительного перерыва приняли участие китайские историки. В том же году вышло 2-е издание “Избранных произведений” Сунь Ятсена, дополненное переводом на русский язык его лекций “Три народных принципа”. Это новое издание позволяет всесторонне оценить значение программных положений теоретического наследия лидера демократического этапа китайской революции. В то же время Сергей Леонидович подготовил новую книгу о Сунь Ятсене “Завещание китайского революционера. Сунь Ятсен: жизнь, борьба и эволюция политических взглядов” (М., 1986).

Параллельно с работой над документальной серией академик С.Л. Тихвинский продолжает углубленно исследовать взаимосвязь и взаимозависимость ре-

форматорского и революционного путей в развитии Китая нового времени, раздвигнув хронологические рамки до победы народной революции в Китае и образования КНР. Ученый предпринимает еще один успешный выход на теоретическое осмысление соотношения реформаторского и революционного потенциала китайской нации, поиска Китаем наиболее эффективного пути для объединения страны, обретения ею самостоятельности и независимости, для последующего обновления.

Начало этому многолетнему исследованию положило движение за реформы в Китае конца XIX в., главным идеологом которого был Кан Ювэй. Поражение попыток вывести Китай на путь прогрессивных реформ привело к развитию событий по революционному сценарию во главе с партией Гоминьдан и ее лидером (до 1925 г.) Сунь Ятсеном, а затем на новом витке — во главе с Компартией Китая, одним из наиболее ярких руководителей которой, был Чжоу Эньлай. Именно этому крупному и дальновидному политику и искуснейшему дипломату С.Л. Тихвинский посвятил новую монографию.

Верный избранному им методу работать прежде всего по первоисточникам, он совершает поездки по местам и странам, связанным с жизнью и деятельностью Чжоу Эньлая, посещает различные города Китая, Японию, Францию. Во время этих поездок и в отечественных архивах удалось выявить много ценных документов. Помогли автору личное знакомство и встречи с Чжоу Эньлаем в 1950-е годы.

Итогом многолетнего кропотливого труда ученого стала солидная монография “Путь Китая к объединению и независимости, 1898—1949: по материалам биографии Чжоу Эньлая”, увидевшая свет в 1996 г. Вскоре она, как и книга о Кан Ювэе, была переведена на китайский язык и издана в КНР.

Монография о Чжоу Эньлае — завершающая часть исторической трилогии, выполненной в жанре историко-биографических исследований: показ исторического процесса поиска путей модернизации и возрождения страны через призму биографий выдающихся деятелей той эпохи. Новый труд С.Л. Тихвинского стал логическим продолжением разработки ученым проблемы соотношения реформаторского и революционного потенциала китайской нации и влияния выдающихся личностей на ход истории. В книге С.Л. Тихвинского революционер, видный политик и дипломат Чжоу Эньлай предстает последовательным сторонником реализации идеи национального объединения и возрождения независимого, процветающего и могучего Китая, идеи, заложенной в учении Кан Ювэя, и теоретических разработках Сунь Ятсена.

Огромный труд по написанию трех капитальных историко-биографических исследований позволил ученому вскрыть важнейшую закономерность в истории Китая конца XIX — первой половины XX вв., суть которой заключается в том, что когда власти сопротивлялись проведению реформ, либо реформы пробуксовывали, наступало время революций. Этот обобщенный вывод, построенный на анализе конкретных событий и исторических материалов, фактически продемонстрировал универсальность отмеченной закономерности для истории Китая последних ста лет.

Идеи фундаментальной трилогии академика С.Л. Тихвинского весьма актуальны для понимания исторических истоков политики реформ и открытости, начатой в конце 70-х гг. XX в. Дэн Сяопином. В этом году в Китае отмечается 30-летие выдвижения и практического осуществления этого курса, который позво-

лил китайскому народу возродить экономику и культуру, добиться высокого авторитета Китая в мире. С.Л. Тихвинский внимательно следит за ходом реформ с конца 1970-х гг. и оценивает их в позитивном ключе.

За цикл работ о реформах и революциях в Китае академику С.Л. Тихвинскому в 1999 г. была присуждена Государственная премия РФ.

Работая над монографией о Чжоу Эньлае, Сергей Леонидович обнаружил в Архиве Президента РФ ранее неизвестные документы: переписку И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова с Чан Кайши, относящуюся к 1937—1939 гг. Четыре телеграммы и одно письмо Чан Кайши свидетельствуют о высокой оценке тогдашним китайским руководством помощи, которую Советский Союз оказывал Китаю в самые трудные для него годы войны с Японией.

В том же архиве академик С.Л. Тихвинский познакомился с перепиской между И.В. Сталиным и Мао Цзэдуном в январе и в апреле—мае 1949 г. Эти документы неопровержимо свидетельствуют о согласованной выработке позиции руководства СССР и КНР по важнейшим вопросам, возникавшим на заключительном этапе гражданской войны в Китае.

В 1994 и 1995 гг., не дожидаясь издания книги, С.Л. Тихвинский опубликовал все эти документы, полностью опровергающие версию, которая настойчиво распространялась недоброжелателями дружбы Китая и нашей страны, о том, что до провозглашения КНР советское руководство, якобы, “безразлично и скептически относилось” к Китаю и КПК, поскольку считало, что в дальнейшем он “пойдет по пробританскому и проамериканскому пути”, а также о том, что СССР якобы был против форсирования Народно-освободительной армией Китая реки Янцзы и освобождения страны от гоминьдановской диктатуры.

Публикация этих документов особенно важна для объективной оценки взаимоотношений СССР с Китаем в крайне трудные для него годы и не оставила места для так называемых версий. Не удивительно, что она получила широкий резонанс в научных и политических кругах разных стран, была переведена в КНР.

Деятельность С.Л. Тихвинского-историка тесно связана также с другой крупной страной Восточной Азии — Японией. Все ключевые моменты в истории советско-японских и японо-китайских отношений 30—50-х гг. XX в. описаны во многих трудах С.Л. Тихвинского, где он подробно изложил предысторию заключения советско-японского Пакта о нейтралитете (апрель 1941 г.), дал подробный анализ статей этого Пакта, сопроводив его публикацией полного текста документа. Ему принадлежит приоритет в публикации материалов об истории трудных переговоров с Японией в 50-е гг. XX в. о нормализации советско-японских отношений. В 1996 г. вышла книга воспоминаний С.Л. Тихвинского “Россия—Япония: обречены на добрососедство: воспоминания дипломата и заметки историка”. В ней автор подробно освещает ход переговоров о восстановлении дипломатических отношений с послевоенной Японией, в которых он принимал непосредственное участие. В книге ученый дает критический разбор новых публикаций по проблемам российско-японских отношений и делится с читателями глубокими размышлениями об их перспективах, а также о возможных шагах российской дипломатии по их урегулированию в соответствии с национальными интересами России.

При необыкновенной широте научных интересов С.Л. Тихвинского-исследователя минувшее столетие занимает особое место в его трудах. В обобщен-

ном виде эта тема прозвучала в экспресс-анализе “XX век: взгляд с близкого расстояния”, написанном им в 2003 г. в качестве рабочего варианта редакционной вступительной статьи к 7-му тому 2-го издания “Истории человечества” и опубликованному отдельным выпуском в 2004 г. Отличие XX в. от всех предыдущих эпох в истории человечества ученый видит в *небывалом доселе ускорении исторического процесса, вовлечении в него всех народов земного шара*. К числу главных процессов и тенденций века минувшего автор относит бурный рост производительных сил, науки и техники, сопровождавшийся все более увеличивавшимся разрывом в темпах и уровнях развития между индустриальными и развивающимися странами на фоне невиданного ранее ускорения темпов роста численности населения Земли. Неравномерность экономического развития отдельных стран, отмечает автор, достигла невиданных ранее масштабов. Такова социально-экономическая поляризация человеческого сообщества на конец XX в.

Большой раздел экспресс-анализа посвящен теме войн и борьбы против них. Характеризуя XX в. как самый жестокий и самый кровавый в истории человечества, автор напоминает, что на протяжении последних 100 лет произошло 250 различных войн и крупномасштабных вооруженных конфликтов, впервые человечество потрясли две мировые войны (1914—1918 гг. и 1939—1945 гг.). Особо выделяет автор роль России и СССР в этих войнах.

Спокойно и взвешенно анализирует ученый объективные и субъективные причины поражения невиданного по своим масштабам эксперимента, начало которому положила Октябрьская революция в России. Вместе с тем автор цитирует академика В.А. Виноградова о том, что ...”социалистический общественный строй не раз демонстрировал свои преимущества, оказывая влияние на мировое развитие... Можно сказать, что значительная часть XX в. прошла под знаком социализации капитализма”.

Несмотря на весь драматизм XX в., академик С.Л. Тихвинский завершает свой экспресс-анализ на оптимистической ноте: “В XXI веке человечеству предстоит успешно продолжить и, надеюсь, завершить начатые в минувшем столетии поиски мирного и устойчивого развития, эффективных путей к объединению наций на основе признания принципов многомерности и взаимозависимости мира, плюрализма и взаимного обогащения культур”.

Этот труд ученого обращен прежде всего к молодому поколению, людям, вступившим в сознательную жизнь уже в XXI в., с тем, чтобы “они могли избежать многих ошибок и несправедливостей, допущенных их предшественниками”.

Для С.Л. Тихвинского, участника Великой Отечественной войны, история войн XX в., их генезис, особенности и уроки, роль России и других стран, вовлеченных в эти кровопролитные конфликты — особая тема. Развернутым, обстоятельным анализом откликнулся Сергей Леонидович на публикацию четырехтомника “Минувшие войны XX века” — грандиозный труд историков Института всеобщей истории РАН при участии Ассоциации историков Первой и Второй мировых войн.

Не будет преувеличением сказать, что все труды С.Л. Тихвинского проникнуты уважительным отношением к исторической памяти, причем не только к памяти о событиях, но и о людях, участвовавших в них и написавших о них. Он много делает для того, чтобы следующие поколения ученых и дипломатов знали и уважали

труд, опыт и заслуги своих предшественников. Этого принципа, равно как и принципа историзма, академик С.Л. Тихвинский придерживается во всех своих трудах.

В 1997 г. он выпускает подробный очерк “Наркоминдел и его зарубежные представительства в годы Великой Отечественной войны (В воспоминаниях современников)”. Значительное место в этом очерке занимают и личные воспоминания самого автора. На основе изданных мемуаров советских дипломатов военной поры С.Л. Тихвинский создал целостный очерк о сложной и особо ответственной деятельности советского внешнеполитического ведомства в годы Великой Отечественной войны, его вкладе в дело победы. Вместе с тем очерк о НКВД в годы Великой Отечественной войны — это не только стремление показать сегодняшним читателям роль советской дипломатии в военные годы, но и своего рода дань памяти своим соратникам по дипломатическому фронту, независимо от их положения в табели о дипломатических рангах.

Значительное место в научном творчестве академика С.Л. Тихвинского занимает серия биографических очерков о государственных деятелях, ученых. Историк, он и в биографических очерках не ограничивается просто портретом того или иного деятеля или ученого, а, как правило, подает его на фоне времени, в котором тот жил и творил. Получается портрет на фоне эпохи и эпоха в портретах — излюбленный жанр Сергея Леонидовича.

Для всего научного творчества академика С.Л. Тихвинского характерно трепетное отношение к исторической правде в науке: принимать историю такой, какая она была, без стремления что-то приукрасить, а что-то попросту “забыть” в угоду колебаниям переменчивой моды.

В 90-е гг. XX и начале XXI вв. Сергей Леонидович публикует ряд очерков-воспоминаний, посвященных знаменательным датам в истории нашей страны, истории Китая, Японии и нашим взаимоотношениям с этими странами. В 1992 г. выходит его первая книга воспоминаний: “Китай в моей жизни (30—90-е годы)”, которая уже в 1994 г. была издана в КНР на китайском языке и вскоре стала бестселлером. Затем, 4 года спустя, увидела свет упоминавшаяся выше книга “Россия—Япония: обречены на добрососедство”. Третья книга в серии мемуаров — “Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия” вышла в 2002 г.

Стремление ученого и дипломата поделиться воспоминаниями о важнейших исторических событиях XX столетия, свидетелем или непосредственным участником которых Сергей Леонидович был сам, он объяснил в следующих словах: “Россию и ее дальневосточных соседей связывает общность исторических судеб, и хотелось бы выразить надежду на то, что эта книга-воспоминание послужит делу дальнейшего упрочения добрососедства между нашими странами. Она написана не только во имя исторической памяти, но и обращена в будущее к тем, кто будет строить российско-китайские и российско-японские отношения в XXI веке”.

Многие работы историка С.Л. Тихвинского, особенно последних десятилетий, обращены в будущее, проникнуты размышлениями о будущем России, о перспективах ее отношений с дальневосточными соседями — Китаем и Японией. В выступлении в Кремле 11 апреля 2000 г. при вручении ему Государственной премии Президентом РФ В.В. Путиным Сергей Леонидович особый акцент сделал на приоритетах российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XXI в. и выразил надежду, что разработки российских ученых по перспективно-

му развитию Сибири и Дальнего Востока, а также по упрочению престижа России в АТР будут востребованы и принесут пользу Отечеству.

Тему связи практики с наукой академик С.Л. Тихвинский продолжает развивать и конкретизировать и в последующих выступлениях на официальных мероприятиях, в том числе и на торжественном вечере в Колонном зале Дома союзов 1 ноября 2002 г., посвященном 200-летию Министерства иностранных дел. Среди резервов, которыми располагает Министерство при решении стоящих перед ним задач, дипломат и академик С.Л. Тихвинский назвал “планомерное использование творческого потенциала институтов Российской Академии наук, а также “народной дипломатии” в лице разного рода общественных организаций, в первую очередь обществ дружбы с зарубежными странами, обладающих многолетними традициями контактов с зарубежной общественностью”.

Беспокойство ученого вызывает и тревожное положение, наблюдающееся в отечественном китаеведении: резкое старение кадров этой важнейшей отрасли российской науки из-за почти прекратившегося в 90-е гг. XX в. притока молодых специалистов, угрожавшего разрушением столь необходимой в науке преемственности и непрерывности научного процесса.

В такой ситуации академик С.Л. Тихвинский счел необходимым выступить с обращением, адресованным к директорам академических институтов общественного профиля, опубликовав его в журнале “Новая и новейшая история” (2001, N 3) и призвав их организовать широкую подготовку кадров китаеведов в вузах и институтах Российской Академии наук, особенно по истории российско-китайских и советско-китайских отношений.

Выступая 16 августа 2004 г. с приветственным словом на церемонии открытия 37-го Международного конгресса востоковедов, состоявшегося в Москве, Сергей Леонидович особое внимание уделил перспективам развития востоковедной науки и подготовке высококвалифицированных кадров исследователей и преподавателей. Говоря о том, что “стремительный рост влияния стран и народов Востока на мировые дела обязывает востоковедов умножать усилия по ознакомлению общественности с различными сторонами богатого культурного наследия стран Востока и их современной жизнью”, он призвал правительственные организации оказывать целенаправленную поддержку делу обеспечения преемственности поколений в востоковедении. Свой призыв ученый подкрепил одной из китайских стратагем “юй цинь гу цзун” — “хочешь что-либо приобрести — сперва немного отдай”.

Такая позиция ученого неслучайна: Сергей Леонидович при постоянной сверхзанятости всегда находил время для преподавательской работы, щедро делился своими энциклопедическими знаниями со студентами и аспирантами. Среди его учеников немало кандидатов и докторов наук, есть член-корреспондент и академик.

Начало педагогической деятельности С.Л. Тихвинского состоялось в Пекине в далеком 1950 г., когда по инициативе первого премьера и министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая, он прочитал курс лекций по международному праву на кафедре, готовившей дипломатические кадры нового Китая в незадолго до этого созданном Китайском народном университете (“Жэньда”). В мае того же года, когда Сергей Леонидович возвращался на Родину, руководство Китайского народного университета преподнесло ему Почетный диплом, оформленный

в традиционном китайском стиле: на красном шелке золотыми иероглифами начертаны слова благодарности и признательности руководства университета. Бережно укрытый под стеклом он висит на стене домашнего кабинета ученого.

Близки С.Л. Тихвинскому и проблемы сохранения культурного наследия человечества, особенно в странах Востока. Будучи членом Исполнительного совета ЮНЕСКО, он участвовал в мероприятиях по организации спасения и реставрации памятников мировой культуры, таких, как Мохенджо-Даро (Пакистан), Боробудур (Индонезия). И впоследствии ЮНЕСКО дважды (1977 и 1979 гг.) включала С.Л. Тихвинского в качестве эксперта в Комиссию по сохранению памятников культуры Древнего Египта в связи со строительством Асуанской плотины, когда из зоны затопления пришлось перемещать колоссальные каменные фигуры фараонов в Абу Симбеле.

С.Л. Тихвинский принимал активное участие и в мероприятиях, осуществлявшихся по линии “народной дипломатии”, по большей части через такие организации, как Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), затем Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), Комитет защиты мира, Комитет солидарности стран Азии и Африки. Сергей Леонидович был членом правления всех этих общественных организаций.

Наибольший вклад в успешную реализацию народной дипломатии внес С.Л. Тихвинский на посту сначала заместителя, затем в течение 15 лет первого заместителя председателя и в 1984—1998 г. председателя Общества советско-китайской дружбы. В апреле 1998 г. на VI отчетно-выборной конференции Общества российско-китайской дружбы С.Л. Тихвинский был избран почетным председателем ОРКД. Академик С.Л. Тихвинский — почетный член российской части созданного в 1997 г. Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития (XXI век).

На протяжении многих лет Сергей Леонидович руководит научным семинаром, который регулярно раз в месяц проходит в стенах Института Дальнего Востока РАН. Семинар академика С.Л. Тихвинского — это прекрасная возможность для отечественных китаеведов, работающих в разных институтах и вузах, собираться вместе и в неформальной обстановке высказываться по самому широкому кругу проблем Китая — от древности до наших дней, делиться своими наблюдениями и впечатлениями от участия в международных конференциях и заграничных командировках, прежде всего в Китай. Многие доклады и выступления тут же на семинаре получают рекомендацию в печать. Установившаяся с первых же заседаний доброжелательная, демократическая атмосфера, сохраняется по сей день. Так академик С.Л. Тихвинский при неизменной поддержке руководства ИДВ РАН реализует свой призыв, прозвучавший почти полвека назад: “Все китаисты — за один стол”.

Два года назад Сергей Леонидович выступил с инициативой создания 10-томного коллективного труда “Китай с древнейших времен до наших дней”, к работе над которым привлечены китаеведы ИДВ РАН, ИВ РАН, Института восточных рукописей РАН, Сибирского отделения РАН и других институтов и вузов страны. Ответственный редактор издания — академик С.Л. Тихвинский.

В Китае высоко ценят заслуги С.Л. Тихвинского, его вклад в развитие добрососедских, дружественных отношений между нашими странами, неизменное уважение российского ученого к китайскому народу-труженику, его древнейшей истории и культуре, его традициям, которым проникнуты все труды учено-

го. Для историка С.Л. Тихвинского прошлое не существует в отрыве от настоящего и будущего. Его впечатляют грандиозные успехи, которых добивается Китай на пути модернизации, реформ и открытости страны внешнему миру: “Реформы проводятся осмотрительно, постепенно, следуя мудрой народной поговорке: “Когда переходишь вброд бурный поток — прежде чем сделать следующий шаг, нащупай камень, на который собираешься встать”.

Когда в 1999 г. отмечалось 50-летие образования КНР, именно С.Л. Тихвинский возглавил делегацию Общества российско-китайской дружбы и Росзарубежцентра на юбилейные торжества в Пекине. Вновь, как и полвека назад, в числе почетных гостей С.Л. Тихвинский был приглашен на трибуны главной площади Китая — Тяньаньмэнь и принял участие в многочасовом грандиозном, красочном празднике. Среди тех, кто стоял на трибунах в 1999 г., было всего пятеро участников исторического события на площади Тяньаньмэнь 1 октября 1949 г. В последующие дни он выступал с докладами на конференции, посвященной 50-летию образования КНР, на симпозиуме “Российско-китайские отношения: современное состояние и перспективы”, на юбилейном заседании Общества китайско-российской дружбы, посвященном 50-летию учреждения этого Общества, и был награжден юбилейной медалью “За выдающийся вклад в укрепление китайско-российской дружбы”. Для академика С.Л. Тихвинского юбилей — это не только праздник, но и обязательно работа.

В октябре 2007 г. исполнилось 50 лет Обществу российско-китайской дружбы. На торжественном собрании, посвященном этой знаменательной дате, глава китайской делегации, председатель Китайского общества дружбы с заграницей и председатель Общества китайско-российской дружбы Чэнь Хаосу объявил решение Исполкома КНОДЗ о присвоении почетному председателю ОРКД С.Л. Тихвинскому почетного звания “Посланец дружбы” “за выдающийся вклад в дело дружбы и взаимопонимания между народами Китая и России” и вручил ему наградной знак и диплом.

И в родной стране плодотворная деятельность С.Л. Тихвинского, дипломата и ученого, отмечена высокими правительственными наградами. Он награжден двенадцатью орденами, многими медалями, дважды его труды были удостоены Государственных премий, имеет он и иностранные награды.

Новыми наградами и званиями отмечено для С.Л. Тихвинского начало нового века и нового тысячелетия. В 2000 г. он был удостоен звания “Заслуженный работник дипломатической службы”. В 2001 г. Дипломатическая академия МИД РФ за заслуги С.Л. Тихвинского в подготовке дипломатических кадров присвоила ему звание “Почетный доктор Дипломатической академии МИД РФ”. В том же 2001 г. Сергей Леонидович стал лауреатом премии “Триумф”, которая присуждается за наивысшие достижения в области науки и литературы. Всю премию он передал восточному факультету родного Петербургского университета, Институту стран Азии и Африки при МГУ, Институту Дальнего Востока РАН для материального поощрения особо отличившихся в учебе магистрантов и аспирантов. Эта акция ученого явилась реальной заботой о подготовке молодых специалистов по Китаю, китаеведов нового поколения, поколения XXI века.

В 2002 г. С.Л. Тихвинский, вновь обращается к теме преемственности поколений в отечественном китаеведении, его роли в упрочении российско-китайских отношений. Вспоминая о своих размышлениях после возвращения в отель с

праздничных торжеств 1 октября 1999 г. в Пекине, Сергей Леонидович пишет: “Я думал о том, что для успешного развития отношений с Китаем нам необходимо усилить подготовку специалистов по Китаю; мы, китаеведы старшего поколения, постепенно уходим из жизни. Крайне важно успеть передать эстафету дружбы с Китаем подрастающему поколению россиян. Тогда между Красной площадью Москвы и площадью у “Ворот Небесного Спокойствия” в Пекине на долгие годы сохранится нерушимая связь добрососедства и дружбы”.

Научное творчество академика С.Л. Тихвинского поистине неиссякаемо. И в начале нового века он полон творческих сил, плодотворных идей, публикует одну книгу за другой. Как отмечалось выше, в 2002 г. вышла в свет его книга воспоминаний “Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия”, в 2004 г. — “XX век: взгляд с близкого расстояния”. 2005 г. был отмечен изданием сборника статей о XX веке “Век стремительных перемен”, куда вошли 50 статей, очерков, рецензий, докладов, выступлений, опубликованных автором за последние 20 лет.

Это — третий по счету сборник публикаций С.Л. Тихвинского. Ему предшествовали: “История Китая и современность” (М., 1976), “Китай и всемирная история” (М., 1988). Подобного рода издания можно рассматривать как своего рода промежуточные отчеты ученого о проделанной им работе. Если первый сборник был целиком посвящен Китаю, то во втором и особенно в третьем тематические рамки расширены до общемировых.

В 2005 году, в год 60-летия окончания Второй мировой войны, издательство “Наука” обратилось к академику С.Л. Тихвинскому, ветерану Великой Отечественной войны с предложением собрать воедино его основные работы, опубликованные ранее в различных издательствах, в научных журналах и сборниках статей с тем, чтобы переиздать их в виде “Избранных произведений”, которые вышли в свет летом 2006 года в пяти книгах.

Объединенные в одном издании труды академика С.Л. Тихвинского впечатляют не только широтой охвата проблем и событий, выверенной методологией, оригинальностью подходов и глубиной анализа, но и глобальностью, размахом хронологических рамок — от древности до наших дней. Значение этого издания четко сформулировал проф. С.Г. Лузянин: “Мощный интеллектуальный заряд пронизывает все книги автора, уже ставшие своеобразной “матрицей” восточно-азиатской истории ...”. И далее: “... представленные читателю произведения — это не “историческая летопись” ... Это чрезвычайно современное исследование, которое дает ключи для ответов на многие вопросы сегодняшнего и завтрашнего дня”.

Выход в свет “Избранных произведений” академика С.Л. Тихвинского — весомый вклад в российскую и мировую историческую науку. Знаменательно, что издание “Избранных произведений” состоялось в 2006 г., в Год России в Китае, а их автор был удостоен специального книжного приза Международной книжной ярмарки 2006 г. в Пекине.

В 2008 г. академик С.Л. Тихвинский завершил работу над очередной монографией, в центре которой тема восприятия в Китае образа России за весь период развития российско-китайских отношений. Работает Сергей Леонидович увлеченно, без перерыва на летние каникулы, которые уже не первый год проводит в Звенигородском пансионате РАН. Это самое плодотворное для него время года.

Выбор пути, сделанный в юные годы, оказался на редкость удачным. Всю свою жизнь Сергей Леонидович неутомимо, с полной отдачей трудится во имя приумножения знаний и поддержания мира на планете Земля.

“Человек определяет Путь”.

В настоящее время С.Л. Тихвинский — советник Президиума Российской Академии наук, председатель Национального комитета российских историков, член бюро Отделения историко-филологических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, почетный президент Ассоциации китаеведов РАН, член ученых и диссертационных советов Института Дальнего Востока РАН и Института востоковедения РАН, член редколлегий ряда научных журналов, иностранный член ряда зарубежных академий и научных обществ, почетный председатель Общества российско-китайской дружбы. И в этом возрасте ему все по силам. Такая закалка у нашего академика, Чрезвычайного и Полномочного посла.

Когда о людях, подобных С.Л. Тихвинскому, говорят “человек-легенда”, в этом нет излишнего пафоса. Анализируя даже лишь то, о чем говорится в этой статье, трудно представить себе, что все это сделано и делается одним человеком.

За выдающийся вклад в развитие российской и мировой исторической науки и многолетнюю плодотворную деятельность 17 июня 2008 г. Президент России Д.А. Медведев подписал указ о награждении академика С.Л. Тихвинского орденом “За заслуги перед Отечеством III степени”. Российские китаеведы горячо поздравляют Сергея Леонидовича с заслуженной наградой.

Дорогой Сергей Леонидович, в дни славного 90-летия еще раз позвольте выразить Вам сердечную благодарность за Ваш неоценимый труд, за редкую удачу трудиться рядом с Вами в одном коллективе, иметь возможность общаться с Вами и учиться у Вас и пожелать Вам здоровья, радостного долголетия, новых трудов на радость близким Вашему сердцу друзей, родных, на благо процветания России!

-
1. Список трудов С. Л. Тихвинского и литературу о нем см.: Сергей Леонидович Тихвинский: (Материалы к библиографии ученых) / сост. Журавлева В.П., Ипатова А.С., Шутько Л.В. Сер. истории. Вып. 21. М., 2000.

Пекинский университет провел научный симпозиум, посвященный 90-летию академика С.Л. Тихвинского

Впервые в Китае факультет русского языка Пекинского университета провел 18 апреля 2008 г. торжественный научный симпозиум, посвященный 90-летию академика С.Л. Тихвинского.

Симпозиум был проведен по инициативе директора Института руссиеведения Пекинского университета, почетного доктора ИДВ РАН профессора Ли Минбина.

С докладами и воспоминаниями на симпозиуме выступили: Цао Сулин, дочь проф. Цао Цзинхуа — основателя факультета русского языка Пекинского университета, проф. факультета русского языка Ча Сяоянь; доцент Пекинского Университета иностранных языков Лю Жомэй; доктор исторических наук, сотрудник Института новой истории АО КНР Чэнь Кайкэ; проф. Института искусств КНР Чэнь Пын; проф. Института Европы и Азии Пекинского университета Лю Циньчжоу; проф. Конфуцианского института Пекинского университета Чжу Бинфан; проф. факультета русского языка пекинского университета Ван Сини; а также доценты того же факультета Лю Хуйкан, Чэнь Суннянь, Нин Ци, Чу Мин, Ци Дэпин, Чжоу Хайянь, Чэнь Сыхун.

Российскую сторону представляли ученики академика С.Л. Тихвинского: д.и.н. Л.С. Преломов; проф. А.Е. Лукьянов; д.и.н. В.Н. Усов; вед. науч. сотр. А.О. Милинюк и канд. ист. наук Хуан Лилян.

Было зачитано приветственное послание ректора Института иностранных языков Пекинского университета и шеф-редактора издательства Пекинского университета Чжан Бина.

Состав выступавших является ярким свидетельством того, каким глубоким уважением пользуется Сергей Леонидович среди преподавателей и студентов Пекинского университета.

Симпозиум открылся большим докладом проф. Ли Минбина "Жизнь и творческий путь друга китайского народа академика С.Л. Тихвинского", в котором подробно охарактеризованы роль С.Л. Тихвинского в признании КНР советским правительством, а также научные достижения и жизненный путь Сергея Леонидовича. Наиболее детально проф. Ли Минбин остановился на оценке таких его фундаментальных работ, как "Сунь Ятсен — друг Советского Союза" (М., 1966); "Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй" (М., 1959); "Сунь Ятсен — внешнеполитические воззрения и практика"

(М., 1964); "Путь Китая к объединению и независимости, 1898—1949: По материалам биографии Чжоу Эньлая" (М., 1996); "Новая история Китая. В 2-т." (М., 1972); "Русско-китайские отношения в XIX—XX веках: Документы и материалы; " Китай в моей жизни" (1930—1960 гг.) (М., 1992); "Возвращения к Воротам Небесного спокойствия" (М., 2002).

Доклад проф. Ли Минбина был насыщен его личными впечатлениями от встреч и бесед с выдающимся российским востоковедом. Он подробно остановился, в частности, на обстоятельствах их первой встречи:

" В сентябре 1987 года, — рассказывал Ли Минбин, — я приехал в Москву, чтобы рассказать академику С.Л. Тихвинскому о ходе работы над сборником статей в честь 90-летия проф. Цао Цзинхуа. Поскольку я заранее не известил Академию наук СССР о дне посещения, то не застал никого в институте и вынужден был оставить записку. Неожиданно на следующий день в гостиницу " Россия", где я остановился, приехал член Президиума АН СССР академик С.Л. Тихвинский, и я был просто поражен тем вниманием, которым окружил меня этот человек, несмотря на свою чрезвычайную занятость и то, что он был старше меня на целых 20 лет."

Выступавшая вслед за Ли Минбином дочь основателя факультета русского языка Пекинского университета профессора Цао Цзинхуа Цао Сулин с большой теплотой рассказала о дружбе двух великих ученых. Особенно расстрогал всех присутствующих рассказ о том, как Сергей Леонидович посещал в совсем непростое время тяжело больного профессора Цао Цзинхуа в пекинской больнице.

Среди выступавших с докладами особенно запомнилось сообщение бывшего аспиранта ИДВ РАН доктора Чэнь Кайкэ о том, какое влияние на его научную судьбу оказали труды академика С.Л. Тихвинского о реформаторском движении в Китае и оценки роли Кан Ювэя.

Профессор А.Е. Лукьянов посвятил свой доклад постоянно действующему в ИДВ семинару академика С.Л. Тихвинского, охарактеризовав его как общероссийскую аналитическую школу выявления семантики ключевых мировоззренческих, философских, политических и религиозных категорий современной мыслительной культуры китайцев. В контексте этого особое внимание докладчик уделил методам решения на семинаре семиотической проблемы — проблемы адекватного взаимопонимания политических элит в межгосударственном диалоге и взаимопонимания народов России и Китая в межкультурном диалоге. Проф. А.Е. Лукьянов привел ряды категорий, которым найдены и которым ищутся понятийные аналоги в арсенале словаря русского языка. Интерес слушателей вызвали исследованные акад. С.Л. Тихвинским архетипические культурологические модели, отображающие стратегию развития китайского общества. В соответствии с тематикой семинара акад. С.Л. Тихвинского проф. А.Е. Лукьянов затронул одну из ключевых тем философской антропологии — определение сущности русского и китайского человека в объемном пространстве их культур.

Д.и.н. В.Н. Усов выступил с сообщением, в котором рассказал о роли работавших в Тяньцзине советских дипломатов и разведчиков в мирном освобождении Пекина китайскими коммунистами от войск Гоминьдана. Эти факты не знакомы большинству китайцев. Мало кто знает, что в этой ситуации важную роль сыграли генеральный консул СССР в Тяньцзине, а затем в Бэйпине (Пекине) С.Л. Тихвинский и вице-консул СССР в Тяньцзине, секретарь Генконсульства СССР в Бэйпине (Пекине), разведчик А.С. Титов. Именно они участвовали в секретных переговорах с командующим группировкой гоминьдановских войск в Бэйпине генералом Фу Цзои¹. Переговоры шли через дочь Фу Цзои Фу Дун, которая работала корреспондентом газеты “Дагунбао”, была негласным членом КПК. Дочери удалось убедить отца прекратить дальнейшее сотрудничество с Чан Кайши, провести мирные переговоры с китайскими коммунистами.

В результате 31 января 1949 г. Народно-освободительная армия Китая без боя вступила в Пекин и тем самым спасла от разрушений древний город, знаменитый историческими памятниками, и сотни тысяч человеческих жизней. Освобождение Пекина знаменовало завершение освобождения северного Китая и означало перелом в ходе гражданской войны в Китае.

С интересным сообщением о влиянии трудов и личности акад. Тихвинского на его научную деятельность выступил ведущий сотрудник ИДВ РАН А.О. Милянук. На него, тогда еще студента первого курса ИСАА при МГУ, неизгладимое впечатление оказала беседа с Л.С. Тихвинским в Доме дружбы народов в Москве. Именно после этого он определил свое направление в исследованиях такой области китайской культуры, как традиционное “учение о вскармливании жизни”. Впоследствии, уже после защиты диссертации по этой теме, А.О. Милянук старался посещать все научные мероприятия, в которых участвовал акад. Тихвинский, он особо отметил появившуюся теперь возможность посещать семинары Тихвинского в ИДВ РАН.

Хуан Лилян, ученый секретарь Русского конфуцианского фонда, докторант ИДВ РАН, в своем выступлении рассказал о работе над защищенной в 2007 г. в ИДВ кандидатской диссертацией “История теории конфуцианской цивилизации” и о том влиянии, которое оказали на него труды академика С.Л. Тихвинского, новаторские идеи которого послужили методологической основой его исследований.

В своем докладе Л.С. Переломов ознакомил присутствующих с содержанием только что выпущенного в Москве пятитомника трудов акад. Л.С. Тихвинского и процитировал небольшой отрывок из пятого тома, где сказано следующее (стр. 430): “На фоне процветания и уверенного движения вперед Китая, не отказавшегося от строительства социалистического общества, все горестнее выглядят события начала 90-х годов в России, отбросившие мою Родину, некогда могущественную державу в разряд экономически слаборазвитых стран. В то же время радуется, что за последние пять лет в области политических взаимоотношений России и Китая происходят определенные позитивные сдвиги, чего, однако, к сожалению, пока нельзя сказать об экономических отношениях между странами-соседями”.

Эти слова свидетельствуют о той боли, которую переживает русский патриот академик Л.С. Тихвинский за ошибки псевдо-реформаторов, и об искренней надежде на дальнейшее процветание двух великих народов, для укрепления которого отдал столько сил патриарх советского китаеведения.

Отнюдь не случайно, что первым в Китае, отметившим 18 апреля 2008 года юбилей акад. Л.С. Тихвинского, оказался факультет русского языка Пекинского университета, основанный другом Сергея Леонидовича — профессором Цао Цзинхуа. И весьма знаменательно, что во время посещения Дмитрием Медведевым в мае этого года китайской кузницы знаний свободно беседовали на русском с президентом России именно студенты этого факультета, который продолжает плодотворно развивать традиционные узы дружбы двух народов, заложенные его основателем.

© 2008

*Л. Переломов,
доктор исторических наук*

-
1. После образования КНР в 1949 г. Фу Цзои вошел в состав Центрального китайского правительства, стал заместителем председателя Народного политического консультативного совета 1-го и 4-го созывов, заместителем председателя Государственного комитета обороны, депутатом Всекитайского собрания народных представителей 1-го и 3-го созывов, министром водного и лесного хозяйства. В 1955 г. Фу Цзои был награжден орденом "Освобождение" 1-й степени. В 1956 г. выезжал в Стокгольм на заседание Всемирного совета мира. Умер Фу Цзои в 1974 г. на 79-м году жизни. Похоронен на кладбище героев китайской революции Бабаошань в Пекине.

Политика

Япония в 2006 — 2007 гг.: политика и экономика

© 2008

В. Павлятенко, А. Сенаторов, Д. Щербаков

В 2006 г. центральным событием во внутривнутриполитической жизни Японии стала смена лидера страны: после пяти с половиной лет нахождения у власти — самый длительный срок среди всех премьер-министров Японии после 1945 г. — Коидзуми Дзюнъитиро оставил свои посты главы партии и правительства, которые занял новый национальный лидер.

Наследие Коидзуми

За годы пребывания у власти Коидзуми Дз. проявил себя как неординарный и амбициозный политик. Он на практике утверждал авторитарный стиль руководства, неоднократно заявлял о готовности "разрушить" свою партию, нередко игнорировал установленный в ней порядок предварительного изучения и одобрения важных правительственных решений ради осуществления избранного им политического курса.

Именно Коидзуми Дз. приступил к практической реализации давней "мечты" ЛДП — пересмотреть послевоенную конституцию и другие законы, принятые в начальный период американской оккупации. Под его руководством правительство добилось принятия парламентом серии законов, направленных на обретение Японией атрибутов "нормального государства", отсутствие которых до недавнего времени объяснялось укоренившимся в японском обществе уважением к духу и букве девятой статьи конституции об "отказе от войны".

Коидзуми Дз. умело использовал негативную реакцию японского общества на террористические акты в Нью-Йорке в сентябре 2001 г. для проведения через парламент законов, регламентирующих действия Японии в "чрезвычайной обстановке", включая направление ее вооруженных сил за пределы страны. Список этих законов включал: "Закон об особых мерах против терроризма", позволявший японским ВМС осуществлять тыловую под-

Павлятенко Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Японии ИДВ РАН;

Сенаторов Алексей Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН;

Щербаков Денис Аркадьевич, аспирант ИДВ РАН.

держку боевым действиям американских войск в Афганистане, “Закон о сотрудничестве с силами ООН по поддержанию мира”, расширявший сферы деятельности японских военнослужащих в таком сотрудничестве, “Закон об особых мерах в Ираке”, по которому личный состав японских сил самообороны был направлен в эту страну. В 2003—2004 гг. кабинет Коидзуми Дз. разработал и провел через парламент десять законов о действиях в кризисных ситуациях, в том числе в условиях вооруженного нападения, о защите народа, о согласованности с действиями американских войск и др.

В 2006 г. кабинетом Коидзуми Дз. были подготовлены проекты закона о придании Управлению национальной обороны статуса министерства и внесении поправок в Закон о силах самообороны, повышающих значимость зарубежной деятельности японских вооруженных сил. Кроме того, до передачи власти следующему кабинету в сентябре 2006 г., Коидзуми Дз. “успел” внести в парламент на рассмотрение и принятие проект Закона о народном референдуме по пересмотру конституции, подготовленный к 50-летию юбилею ЛДП в 2005 г. и нацеленный, в первую очередь, на изменение девятой статьи¹, а также проект изменения другого весьма важного послевоенного правового акта — Основного закона об образовании.

Коидзуми Дз. “оставил заметный след” в практической реализации структурных преобразований во всех сферах жизнедеятельности страны, проводившихся под лозунгами “без структурных реформ нет экономического роста” и “структурные реформы без святых мест”. В “реформах Коидзуми”, как их именовал сам премьер-министр, доминировало создание условий для рыночных конкурентных отношений не только в экономике, но и в общественной сфере, в образовании, социальном обеспечении.

В свой последний год пребывания у власти кабинет Коидзуми Дз. инициировал принятие парламентом ряда новых законов, которые гарантировали продолжение структурных реформ в заданном направлении в последующие годы. Таким был, прежде всего, закон о продвижении административной реформы, который определил следующие задачи: дальнейшее сокращение государственных функций и дерегулирование, реорганизация сохраняющихся в ведении правительства кредитно-финансовых учреждений путем их слияния или приватизации, сокращение государственного имущества, реформа общих кадровых расходов государства, в том числе за счет сокращения численности государственных служащих и работников органов местного самоуправления, реформа системы государственной службы и др. Осуществление этих задач было рассчитано на пять лет, учреждался Штаб продвижения административной реформы во главе с премьер-министром и с участием в нем руководителей правительственных ведомств. Еще один закон — Закон о реформе общественных услуг на основе внедрения конкуренции, должен был открыть для частного сектора весьма обширный рынок услуг, которые прежде предоставлялись различными учреждениями и предприятиями государства и органов местного самоуправления.

За годы пребывания у власти (2001—2006 гг.) в сфере экономики и структурных реформ Коидзуми Дз. утвердил свой стиль руководства — принятия решений “сверху вниз”. Главной опорой в реализации такого стиля стал учрежденный ранее, при реформе министерств и управлений, Консультативный совет по экономической и финансовой политике, в который помимо ключевых членов кабинета премьер-министр включил представителей крупного бизнеса и ученых. Общие указания Коидзуми Дз. конкретизировались под наблюдением

Хэйдзо Такэнака, ученого-экономиста неолиберальной ориентации, назначенного министром, ответственным за экономическую и финансовую политику. Разработанные консультативным советом установки ежегодно утверждались кабинетом в форме Основного курса правительственной деятельности.

Безусловным является тот факт, что структурные перемены при кабинете Коидзуми Дз., ставшие продолжением реформаторских усилий предыдущих правительств, содействовали выходу японской экономики из длительной стагнации, появлению признаков поворота к устойчивому экономическому росту.

Вместе с тем реформы “периода Коидзуми” сопровождались и негативными последствиями. Так, население Японии стало более остро ощущать рост разрыва в уровне доходов разных слоев общества, усилились различия в экономическом развитии и финансовом положении между зонами крупных городов и провинцией, между различными сельскохозяйственными районами. Кроме того, серьезную озабоченность и недовольство в японском обществе вызвали нововведения в сфере социального обеспечения, в том числе пенсионная реформа, начатая кабинетом Коидзуми Дз. в 2004 г. Более 80% населения Японии ощутили на себе “углубление пропасти в доходах”, а около 55% были убеждены, что рост разрыва в доходах происходит “под влиянием пятилетнего проведения реформ при правительстве Коидзуми”².

Результаты деятельности Коидзуми как председателя партии так же носили неоднозначный характер. При Коидзуми Дз. ЛДП смогла добиться большого превосходства над оппозицией на выборах 2005 г. в распущенной премьер-министром палате представителей, получив в ней вместе с союзной Комэйто более двух третей депутатских мандатов. Эта внушительная победа либерал-демократов большинством японских обозревателей расценивалась, прежде всего, как личный успех Коидзуми Дз., умело выбравшего время и предлог для роспуска палаты и мастерски поставившего “спектакль противостояния силам сопротивления реформам” внутри собственной партии и со стороны оппозиции. Однако убедительная победа на этих выборах не сняла противоречий в ЛДП. Более того, она сопровождалась изгнанием из партии многих политиков, часть которых пошла на образование собственных небольших политических объединений в лице Новой народной партии и Партии “Япония”. Кроме того, Коидзуми Дз. не смог помочь либерал-демократам освободиться от их “ахиллесовой пяты” — весьма шаткого преимущества над оппозицией в палате советников парламента, где оно обеспечивалось исключительно благодаря поддержке со стороны Комэйто.

В области внешней политики Коидзуми Дз. также “оставил заметный след”. Дипломатия на высшем уровне способствовала расширению международного сотрудничества и повышению роли Японии в мировой политике. В 2001—2006 гг. Коидзуми Дз. совершил 51 поездку за рубеж, посетив 48 стран, в том числе 8 раз США. Особое внимание традиционно уделялось расширению и укреплению союзнических отношений с США в качестве основы японской политики. По оценкам японской прессы, благодаря установлению “доверительных личных отношений” между Коидзуми Дз. и Дж. Бушем “японо-американские отношения стали такими прочными, как никогда прежде”³.

Россию Коидзуми Дз. посещал в два раза реже, и японо-российские отношения не были включены в список приоритетных направлений японской политики. И политические и экономические отношения развивались весьма неровно. Завидную “твердость” в отношениях с Россией Коидзуми Дз. проявлял в “территориальном вопросе”. Его позиция была более радикальной по сравнению с

теми, которые в этом вопросе занимали другие японские премьер-министры после 1992 г., что стало основной причиной отсутствия прогресса в разрешении вопроса о демаркации японо-российской границы.

Неординарность и амбициозность Коидзуми Дз. как политика четко проявились и во внешней политике. Так, совершив, с одной стороны, исторический во всех отношениях визит в Пхеньян, который мог стать “прорывным” в японо-северокорейских отношениях, Коидзуми, в конечном итоге завел отношения с КНДР в очередной тупик.

Личностные черты Коидзуми Дз. негативно отразились и на отношениях Японии с КНР и Республикой Корея. Эти отношения претерпели заметное охлаждение. Более того, были созданы предпосылки к их всестороннему ухудшению.

Абэ Синдзо — новый председатель ЛДП

В сентябре 2006 г. на выборах председателя ЛДП победил Абэ Синдзо, значительно опередив соперников — бывшего министра иностранных дел Асо Таро, бывшего министра финансов Танигаки Садакадзу и ставшего в сентябре 2007 г. премьер-министром Японии Фукуда Такэо. Успеху Абэ С. способствовала его известность как потомственного политика, внука премьер-министра Киси Нобусукэ и сына министра иностранных дел и генерального секретаря ЛДП Абэ Сиятаро. Впервые Абэ С. был избран депутатом палаты представителей в 1993 г. Быстрому (редкому в практике ЛДП) продвижению в политической карьере он обязан премьер-министру Коидзуми Дз., который ввел его в свое близкое окружение. В 2003 г. Абэ С. был назначен генеральным секретарем ЛДП. В 2004 г. после неудачного для партии исхода выборов в палату советников Абэ С. ушел с этого поста, взяв на себя ответственность за результаты выборов. Коидзуми Дз. в ответ на оказанную ему услугу назначил Абэ С. первым заместителем генерального секретаря ЛДП с возложением на него ответственной задачи проведения партийной реформы. В 2005 г. Абэ С. занял пост генерального секретаря кабинета, став “правой рукой” Коидзуми в правительстве.

В отличие от многих предшественников, Абэ С. пришел к власти, имея в своем активе заранее апробированные в СМИ концепции и взгляды на пути развития правящей партии, особенности проведения реформ, приоритетных направлений развития Японии и др. Так, еще в 2004 г. Абэ С. публично заявлял, что ЛДП следует рассматривать как “консервативную партию, опирающуюся на историю, традиции и культуру Японии” и взявшую на себя с момента учреждения “две большие миссии”. Первая миссия — стать устойчивой политической силой, способной восстановить и поднять промышленность и экономику, создать надежный фундамент народной жизни. Вторая — вывести страну из послевоенного положения, преодолеть “оккупационную систему”. Первая из этих миссий ЛДП выполнена, а вторая принесена в жертву, чтобы осуществить первую. “Отсюда, — заявлял Абэ С. — для партии и меня лично важной задачей является пересмотр конституции, а до этого — пересмотр основного закона об образовании”.⁴

Наиболее крупной пропагандистской акцией Абэ стала опубликованная им в июле 2006 г. книга “На пути к красивой Японии”⁵, которая, по сути, стала его “политическим манифестом”, в котором он изложил свое и стоящих за ним политических сил видение направлений, путей и форм дальнейшего развития Японии на долгосрочную перспективу. “Моя миссия, — заявил на страницах

книги Абэ С., — состоит в том, чтобы в стремлении к “красивой Японии” обозначить облик нового государства, которое смогло бы вынести штормы последующих 50—100 лет”⁶.

В книге Абэ С. ратовал за большую самостоятельность Японии в определении сферы деятельности японских сил самообороны и подверг резкой критике существующее правительственное толкование конституции как не допускающее применения Японией права на коллективную оборону. “Гарантировать право на коллективную оборону, — подчеркивал Абэ С. — значит тем самым не только получить возможность рационально оборонять Японию, но и внести вклад в безопасность Азии. В конечном счете, Япония сможет жить без применения военной силы”⁷. Абэ признал возможность обеспечения безопасности Японии исключительно в рамках японо-американского союза. “Разумеется, — отмечал он, — при этом необходимо стремиться к максимальной самостоятельности в обеспечении безопасности своей страны, самим защищать свою страну, но, если принимать во внимание сдерживающую силу и стабильность на Дальнем Востоке, учитывать влияние США в международном сообществе, их экономические возможности и военную мощь, то лучшим выбором является японо-американский союз”⁸.

В области дипломатии Абэ С., прежде всего, акцентировал внимание на важности взаимовыгодных японо-китайских экономических отношений, тем более что выход Японии из длительного экономического застоя, по его мнению, “произошел в результате роста китайской экономики”. Первостепенным для стабилизации японо-китайских отношений, подчеркивал Абэ С., является “укрепление принципа отделения политики от экономики”⁹.

Во “внешнеполитическом разделе” книги Абэ С., по сути, попытался выдвинуть собственную концепцию “новой азиатской внешней политики”, стержень которой, по его мнению, состоял в переходе к более высокому уровню сотрудничества в регионе, чем тот, который обеспечивало соглашение о свободной торговле, к закреплению таких договоренностей в сфере экономического сотрудничества, которые бы в максимальной степени поощряли инвестиции, обмен в сфере интеллектуальной собственности, открытие рынка рабочей силы: “Наша цель — страна, думающая о людях мира, которые желают приехать работать или делать инвестиции в Японию”¹⁰. Особое значение в этой концепции Абэ придал расширению сотрудничества в рамках “Япония — Индия — Австралия — США”, основанного на “общих с Японией универсальных ценностях, свободе, демократии, основных правах человека, торжестве закона”¹¹.

В книге Абэ поднимались также многие другие, актуальные для Японии проблемы: “возрождение образования”, роль семьи и местных общин в воспитании детей, преодоление тенденции к сокращению рождаемости, будущее пенсионного обеспечения в условиях быстрого старения населения. Основные положения книги были опубликованы в форме листовки-памфлета во время избирательной кампании под лозунгом “Красивая страна — Япония. Время строить новое государство”¹², где Абэ С. в доступной для широких масс форме изложил свое понимание “красивой Японии”:

- Бережное отношение к культуре, природе и истории страны; принятие конституции, отвечающей новому времени; открытый консерватизм; семейные ценности и возрождение местных общин;

- Свобода и порядок, коренная реформа образования, самодисциплина частного сектора и преодоление чрезмерной зависимости его от общественной поддержки;

- Новый экономический рост и процветание на основе инноваций, способность к нормативному регулированию, осознание принадлежности к международному сообществу;

- Япония — страна — лидер, признанная международным сообществом, уважаемая, и открытая миру.

Многое из изложенного в книге и в предвыборном памфлете Абэ С. положил в основу практической политики своего кабинета.

Формирование кабинета С. Абэ — курс на строительство “красивой Японии”

После победы на партийных и парламентских выборах премьер-министр Абэ С. незамедлительно занялся кадровыми вопросами.

Как лидер партии Абэ С. первым делом сменил состав ее руководящей тройки, назначив политиков из тех фракций депутатов парламента, которые оказали ему решающую поддержку на выборах. Генеральным секретарем ЛДП стал Накагава Хидэнао (фракция Мори Е.), к которой принадлежал и сам Абэ. Председателем совета по изучению политических вопросов, где предварительно рассматриваются правительственные законопроекты, стал Накагава Сеити (фракция Ибуки). Председателем совета по общим вопросам, одобрение которого по партийному уставу требуется при принятии как партийных, так и правительственных решений, был назначен Нива Юя (фракция Нива — Кога).

Абэ С. сменил весь кабинет министров, оставив лишь министра иностранных дел Асо Таро. Как отмечали эксперты, многие из назначенных министров не имели опыта руководства правительственными ведомствами, а в ряде случаев кадровые решения Абэ С. определялись его личными симпатиями, либо желанием поощрить тех политиков, которые внесли заметный вклад в его избрание главой ЛДП. Важнейший пост генерального секретаря кабинета министров был предоставлен наиболее приближенному к нему Седзаки Ясухиса. С учетом прежних заслуг и с целью усиления личной руководящей роли Абэ С. назначил пятерых специальных помощников премьер-министра, в том числе четырех депутатов парламента (у Коидзуми был один официальный помощник, не являвшийся депутатом парламента).

В своей первой программной речи в парламенте 29 сентября 2006 г. премьер-министр Абэ С. объявил своей личной целью и миссией сформированного им правительства строительство “красивой Японии как государства энергичного, открытого миру представляющего возможности каждому и ценящего дух самостоятельности.”¹³.

Во внутренней политике Абэ С. подчеркнул особую значимость продолжения экономического роста на основе инноваций и открытости экономики как новых факторов обеспечения жизнеспособности страны. Новым стало также признание необходимости не допустить поляризации японского общества, закрепления в нем “слоев победителей и побежденных”, создать “общество, в котором каждый имеет возможность нового выбора”. Он также заявил о готовности твердо добиваться оздоровления финансовой политики и продолжать административную реформу, разработать новую систему государственного управления,

предполагающую коренную реформу и реорганизацию административного аппарата и внедрение “системы провинций” (создание вместо 47 префектур 8—10 более крупных, обладающих большими полномочиями, местных административных единиц). Одной из важных задач правительства Абэ С. назвал комплексную реформу, направленную на создание “простой, вызывающей доверие и устойчивой системы социального обеспечения японского типа”. В число неотложных задач премьер-министр включил “возрождение образования”, имея в виду, прежде всего, принятие застрявшего в парламенте проекта коренного пересмотра Основного закона об образовании. Наконец, Абэ выразил надежду на углубленное обсуждение правящими и оппозиционными партиями дальнейшей работы по пересмотру конституции и на скорое принятие ранее внесенного в парламент законопроекта о народном референдуме по вопросу о пересмотре конституции.

Задачи правительства во внешней политике Абэ сформулировал в духе прежних заявлений и обещаний. Премьер-министр поставил цель “осуществить поворот к настойчивой дипломатии, основывающейся на новом мышлении”. Ее стержнем он назвал сотрудничество в рамках “японо-американского союза в мире и Азии”. С КНР и Республикой Корея премьер-министр обещал установить “беспрецедентно тесные отношения в широкой сфере, прежде всего в экономике”. В отношении КНДР Абэ С. подтвердил намерение разрешить “северокорейскую ракетно-ядерную проблему” в тесном сотрудничестве с США, активизируя шестисторонние переговоры, но в тесной увязке с возвращением всех похищенных японцев, без чего “не может быть нормализации японо-северокорейских отношений”. Что же касается отношений с Россией, то Абэ С. напомнил, что существует большой потенциал для их взаимовыгодного развития. Одновременно, как и его предшественник Коидзуми, новый японский лидер заявил, что будет “прилагать настойчивые усилия для разрешения территориальной проблемы”.

В программу внешнеполитической деятельности правительства были также включены: дальнейшее развитие отношений со странами АСЕАН, сотрудничество с “демократическими странами Азии”, развертывание стратегического диалога на уровне глав государств с Австралией, Индией и другими странами, разделяющими “общие принципиальные ценности”, продление действия Закона об особых мерах против террора, обеспечение Японии стабильными энергетическими ресурсами, работа с целью вхождения Японии в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН и реформирования ООН и др.

Первые шаги кабинета С. Абэ

Новый национальный лидер и его кабинет сразу развернули энергичную деятельность на всех обозначенных направлениях.

В первую очередь началась реализация плана Абэ С. по созданию механизма “сильного политического руководства из резиденции премьер-министра”. Им был сохранен консультативный Совет по экономической и финансовой политике, который при Коидзуми Дз. выполнял роль органа управления в части, касающейся внутренней политики и проведения реформ. Но в составе Совета были произведены замены. Помощником Абэ С. в организации работы Совета стала министр, ответственный за экономическую и финансовую политику, Ота Хироко — ученый-экономист, не являющаяся депутатом парламента. Другие гражданские назначения включали Митарай Ф. — председатель Японской федера-

ции экономических организаций, Нива У. — президент компании “Итотю седи”, Ито Т. и Ясиро Н. — профессора, ученые — экономисты.

Одновременно Абэ С. приступил к созданию других, подконтрольных ему совещательных органов, в которых должны разрабатываться планы деятельности правительства на приоритетных направлениях. В дополнение к Совету по поддержке нового выбора, созданному Абэ С. в бытность генеральным секретарем кабинета министров в последнем правительстве Коидзуми Дз., были сформированы многие другие подобные органы. Так, под председательством премьер-министра стали работать: Совет по инновационной стратегии до 2025 года, Совет по возрождению образования, Совет по “стратегии открытых ворот для Азии”, Совет по усилению функций резиденции премьер-министра в сфере национальной безопасности, Штаб по проблеме похищенных японцев. Абэ С. поручил генеральному секретарю кабинета руководить работой новых структур: Совета по изучению возможностей усиления разведывательной деятельности, Совета мудрецов по новой фронтальной стратегии здоровья, Совета по изучению приоритетной стратегии охраны детства и семьи.

Активная работа нового правительства в конце 2006 г. завершилась достижением ряда практических результатов. Во-первых, на внеочередной сессии парламента в декабре 2006 г. был принят, внесенный на обсуждение прежним правительством, пересмотренный Основной закон об образовании, остававшийся неизменным с 1947 г. ЛДП настаивала на пересмотре этого базового закона, считая, что многие его положения препятствуют воспитанию патриотизма, уважения к традициям, культуре и истории Японии, делают акцент на “уважение личности” в ущерб воспитанию “общественного духа” и пониманию необходимости служения государству. Другие политические партии видели в нововведениях либерал-демократов попытки возродить образование времен тоталитаризма, подавляющего личность.

Пересмотренный Основной закон об образовании открывал определенные возможности для осуществления замысла ЛДП. Вместе с тем правительство не могло полностью игнорировать имеющиеся в японском обществе опасения возврата к прошлому. Некоторые спорные положения закона появились фактически в компромиссных формулировках. Так, например, статья о целях образования, содержащая требование воспитывать патриотические чувства, была сбалансирована фразой “воспитывать уважение к другим народам и стремление вносить вклад в мир и развитие международного сообщества”. Содержание закона было расширено и приближено к современным требованиям и задачам образования. В него вошли статьи о дошкольном, семейном, непрерывном (в течение всей жизни) образовании, частной школе, сотрудничестве школы, семьи и местных общин и т.п. Оппозиционные партии предложенный правительством закон не поддержали, и он был принят голосами только депутатов правящих партий.

Во-вторых, был принят закон о преобразовании управления национальной обороны в министерство, что также отвечало давней цели ЛДП “преодолеть последствия послевоенного режима”. Начальник Управления национальной обороны, хотя и являлся членом кабинета, государственным министром, однако, не располагал правом непосредственно вносить в кабинет проекты законов и других важных решений, не мог напрямую обращаться в министерство финансов с бюджетными заявками. Все это он должен был делать через канцелярию кабинета, в которую управление входило в качестве внешнего органа. Придание управлению статуса министерства обороны должно

было способствовать не только более оперативному решению вопросов деятельности вооруженных сил. Особое значение этого акта в Японии видели в поднятии престижа оборонного ведомства, в обретении Японией еще одного атрибута “нормальной страны”. Одновременно в Закон о силах самообороны была внесена поправка, согласно которой участие сил самообороны в зарубежной деятельности рассматривалось как их основная обязанность наряду с обороной государственной территории и действиями при стихийных бедствиях. Прежде такая деятельность определялась законом как дополнительная обязанность сил самообороны, а до 1992 г. не признавалась вообще.

К концу 2006 г. за неполные четыре месяца с момента его избрания Абэ С. добился и некоторых конкретных результатов в своей внешнеполитической деятельности. Первую зарубежную поездку японский премьер совершил не в Вашингтон, в соответствии с традицией, а в Пекин и затем в Сеул. На переговорах с председателем КНР Ху Цзиньтао в октябре 2006 г. была достигнута договоренность о возобновлении прерванных в последние годы правления Коидзуми Дз. японо-китайских встреч на высшем уровне. Обе стороны подтвердили желание развивать взаимовыгодные отношения сотрудничества. Состоявшаяся затем встреча с президентом Республики Корея Но Му Хеном завершилась заявлением о едином мнении “решительно и твердо” реагировать на северокорейские ядерные испытания. Таким образом, Абэ С. на практике реализовал свои предвыборные обещания возобновить контакты с лидерами КНР и республикой Корея.

Вслед за этим были предприняты новые шаги по укреплению японо-американского союза. В октябре 2006 г. на встрече в Токио с государственным секретарем К. Райс Абэ договорился тесно сотрудничать с США по проблеме ядерных испытаний КНДР, совместно добиваться принятия Советом безопасности ООН решения о применении санкций к этой стране. Правительство также получило от парламента согласие на продление до 1 ноября 2007 г. действия Закона об особых мерах против терроризма, по которому японские военно-морские силы оказывали в Индийском океане тыловую поддержку американским войскам в Афганистане.

Абэ С. с большой пользой использовал традиционный саммит АТЭС (Ханой, 18—19 ноября 2006 г.), где новый премьер-министр Японии не только закрепил некоторые результаты своей дипломатии (США, КНР, Республика Корея), но и “навел новые мосты”. В частности, на саммите состоялась встреча Абэ С. с президентом России В. Путиным, на которой была подтверждена необходимость дальнейшего двустороннего сотрудничества по широкому кругу областей в соответствии с Российско-японским планом действий от 2003 г., а также установления партнерства, основанного на общих стратегических интересах.

Переход правления от кабинета Дз. Коидзуми к кабинету С. Абэ в 2006 г. не привел к существенным изменениям в деятельности правительства Японии. Начальные шаги кабинета С. Абэ свидетельствовали о том, что, несмотря на желание премьер-министра отмежеваться от наследия, полученного от предшественника, правительство в основном продолжало работать в русле политического курса, определенного при Коидзуми. Однако во внешней политике отмечались новые тенденции, которые нашли отражение в возобновлении политического диалога с КНР, укреплении доверия с республикой Корея, активизации регионального сотрудничества в Восточной Азии в целом.

Достижения и проблемы кабинета С. Абэ в 2007 г.

Одобрение парламентом в конце 2006 г. всех приоритетных законопроектов, представленных как кабинетом Абэ С., так и его предшественником, несомненно, придавало уверенности новому лидеру в реализации его плана “пересмотреть послевоенный режим”, т.е. в первую очередь, ускорить пересмотр конституции и “возродить образование”.

Чтобы осуществить пересмотр конституции, требовалось, в частности, конкретизировать ст. 96 Основного закона страны, согласно которой инициированные парламентом изменения в нем должны получить одобрение народа. Поправка считается одобренной, если за нее высказалось большинство голосовавших либо в порядке особого референдума, либо путем выборов — в соответствии с решением парламента. Попытки внести в парламент проекты Закона о народном референдуме предпринимались как правящими ЛДП и Комэйто, так и оппозиционной Демократической партией Японии (ДПЯ) еще с середины 2006 г., но были безуспешными.

Закон о народном референдуме был принят парламентом по депутатской инициативе в мае 2007 г. В соответствии с этим решением тема референдума была ограничена исключительно пересмотром конституции. К участию в нем допускаются граждане, достигшие 18 лет, на чем изначально настаивала ДПЯ. Поскольку по нынешнему японскому законодательству право на выборы имеют граждане, достигшие 20 лет, то предусматривалось также внесение в срок до трех лет соответствующих поправок и в другие законы. На ознакомление с содержанием поправок в конституцию участникам референдума отводилось от 60 до 180 дней максимально, начиная со дня принятия парламентом резолюции, инициирующей пересмотр Основного закона. Установлены правила агитации при проведении народного референдума. На этот особый вид избирательной кампании распространялись положения действующих законов о публичных служащих, ограничивающих их политическую деятельность. Публичным служащим и преподавателям запрещена агитация за и против пересмотра конституции. Вместе с тем в течение трех лет должны быть разработаны и приняты дополнительные законы, направленные на то, чтобы агитация и выражение мнения за или против внесения поправок в конституцию не ограничивались. Ввиду необходимости внесения изменений и дополнений в другие законодательные акты было определено, что Закон о народном референдуме будет введен в действие через три года после его опубликования, т.е. в мае 2010 г.¹⁴

Определенные результаты были достигнуты кабинетом Абэ С. и в дальнейшем продвижении реформы в сфере образования. Сам Абэ С. определял эту реформу как самую важную задачу правительства” по “возрождению образования”, т.е. его возвращение к неким истокам, забытым в послевоенное время. Выступая в парламенте, Абэ С. подчеркивал необходимость прививать молодому поколению понимание таких ценностей, как “общественный дух, дисциплина, любовь и привязанность к месту рождения и воспитания”. Ключевым моментом в возрождении образования он назвал квалификацию учителей, отметив, что учрежденные в стране в первые послевоенные годы комитеты образования “не в полной мере выполнили возлагавшиеся на них надежды”¹⁵.

Параллельно с принятием в 2006 г. пересмотренного Основного закона об образовании созданный Абэ С. Совет по возрождению образования приступил к разработке рекомендаций для дальнейших действий правительства. Уже в на-

чале 2007 г. в парламент был внесен первый пакет правительственных предложений, подготовленный с учетом рекомендаций Совета по возрождению образования и предусматривающий ряд поправок к законам об обязательном школьном образовании. Он был принят в июне 2007 г., несмотря на жесткое сопротивление оппозиционных партий. Суть нововведений состояла в следующем: во-первых, в дополнении целевых установок школьного образования воспитанием “нормативного сознания”, “любви к своей стране и месту рождения” и т.п.; во-вторых, в учреждении с 2008 г. в детских садах и средних школах начальной, средней и второй ступени новой должности заместителя директора, на которого возлагались обязанности по налаживанию связей с родителями и местным обществом, и должности ведущего учителя; в-третьих, во введении с 2009 г. нового порядка подтверждения каждые десять лет квалификации учителей и разрешения на преподавание (в настоящее время допуск к преподавательской деятельности после получения соответствующего образования является постоянным)¹⁶.

Вместе с тем, на других направлениях деятельности правительства Абэ С. по развитию структурных реформ заметных успехов не наблюдалось, что и использовалось оппозицией для критики нового кабинета.

Наименее продвинутым направлением административной реформы в Японии стала децентрализация. Премьер-министр Абэ С. обещал в течение трех лет разработать и предоставить в парламент новый пакет законопроектов, направленных на сокращение государственного вмешательства и дальнейшее разделение ролей и прав между центром и органами местного самоуправления. Учрежденный в конце 2006 г. специальный комитет для подготовки рекомендаций правительству по этим вопросам, приступив к работе, определил ее “принципиальное направление”, но к конкретному обсуждению вопросов передачи на места прав и налоговых источников не перешел, поскольку руководствовался указанием о внесении в парламент правительственных законопроектов по децентрализации только в 2010 г.

Не произошло больших сдвигов и в реформе системы государственной службы. Абэ С. заявлял в парламенте о намерении внедрить новую систему оценки деятельности государственных служащих и порядок их продвижения “по способностям”, усилить уже начавшийся “обмен кадрами между правительственными и частными организациями” и установить строгие правила нового трудоустройства чиновников после их увольнения из правительственных ведомств. Правительственные законопроекты, носившие в целом паллиативный характер и многие годы являвшиеся объектом общественной критики, были приняты в начале июля 2007 г. лишь благодаря продлению работы парламентской сессии. В соответствии с ними, во-первых, налагался полный запрет на посредничество правительственных ведомств по трудоустройству государственных чиновников после их увольнения. Во-вторых, было намечено создание системы унифицированного кадрового контроля путем учреждения при канцелярии кабинета Центра кадрового обмена между правительством и частным сектором (Банк кадров). Конкретная структура и план деятельности этого центра должны были быть разработаны позже. Фактически поощрялась практика раннего, т.е. до достижения установленного законом предельного возраста, увольнения государственных служащих. Правительство утверждало, что эти нововведения приведут к созданию надлежащего кадрового надзора, не позволяющего ведомствам вмешиваться в дела Банка кадров и предупреждающего нарушение установленных правил. Оппозиция, напротив, считала, что с принятием этих законо-

проектов задача предупреждения коррупции не решалась, а для Банка кадров сохранялась возможность действовать в интересах высокопоставленных чиновников, отдельных частных предприятий и организаций.

Не было выполнено и обещание направить усилия правительства на создание "простой, понятной, близкой к гражданам и вызывающей их доверие системы социального обеспечения". Внимание было обращено на первоочередное устранение выявившихся ранее изъянов пенсионного обеспечения (высокой степени неуплаты страховых взносов по национальной пенсии, нецелевого использования пенсионных средств управлением социального страхования и т.п.). В парламент был внесен правительственный законопроект, согласно которому должна быть создана и с 2010 г. начать работу Японская пенсионная организация, которая унаследует от управления социального страхования пенсионные дела. Планировалось, что она будет функционировать как особое общественное юридическое лицо, работники которого не имеют статуса государственных служащих. Министерству благосостояния и труда по этому законопроекту предоставлялось право назначать и увольнять председателя правления Японской пенсионной организации и контролировать ее деятельность.

В то время как парламентарии приступили к обсуждению этого законопроекта, в прессе появились сообщения о том, что в пенсионных записях обнаружена масса несоответствий или утеря необходимых сведений примерно по 50 млн пенсионных дел. Информация о выявленных нарушениях еще более поколебала доверие граждан к пенсионной системе. Правительство было вынуждено заняться выяснением их причин, создать специальный комитет по расследованию проблемы утерянных пенсионных записей, а при Министерстве общих дел спешно учредить центральный комитет по подтверждению подлинности тех пенсионных дел, по которым записи были не обнаружены (аналогичные комитеты учреждались и на местах). Понятно, что вина за эти упущения лежала не только на кабинете Абэ, но и на многих предыдущих правительствах. Тем не менее, отвечать за них пришлось Абэ С., министрам его кабинета и правящей партии.

Проблема пенсионной системы во многом способствовала обострению политического противостояния между правящими и оппозиционными партиями. Но она была не единственной. Потенциально опасной в указанном плане была и проблема налоговой реформы, обсуждение которой Абэ С. старался "оттягивать", что ему удавалось.

Однако чего не смог избежать Абэ С., так это череды скандалов в правительственных кругах, которые значительно подорвали как рейтинг самого Абэ С., так и его кабинета, что привело и к утрате доминирующих позиций правящей партии в парламенте в целом, и к отставке кабинета министров в сентябре 2007 г.

Еще в декабре 2006 г. в связи с коррупционным скандалом был уволен министр Сато Т., который отвечал в кабинете за проведение административной реформы. В январе 2007 г. в денежных махинациях был изобличен министр сельского, лесного и рыбного хозяйства Мацуока Т. И хотя Абэ С. не решился на его увольнение, в мае Мацуока Т. покончил жизнь самоубийством. Вскоре из-за нарушений правил, установленных законом о политических фондах, премьер-министру пришлось уволить нового министра сельского, лесного и рыбного хозяйства Акаги Н., который считался перспективным молодым политиком.

Указанные и другие "оплошности" кабинета Абэ С. серьезно осложняли позиции как ЛДП, так и самого лидера накануне выборов в верхнюю палату парламента.

Что же касается сферы внешней политики, то в первой половине 2007 г. Абэ С. практически шагами подтвердил приверженность заявленной им ранее “настойчивой дипломатии”. Относительно новым в правительственном курсе стало четко выраженное стремление “быстро встроить систему противоракетной обороны Японии в сотрудничество с США”, “продолжать укреплять солидарность со странами Западной Европы — Великобританией, Францией, Германией в решении общих для человечества задач”, а также “в стратегическом плане и комплексно” развернуть работу по освоению мирового океана и космоса. В отношении Российской Федерации Абэ С. заявил о твердом намерении “следовать принципиальному курсу на заключение мирного договора, разрешив проблему возвращения Японии четырех северных островов, а также стремиться к развитию отношений во всех областях”¹⁷.

В реализации “настойчивой дипломатии” Абэ С. особое внимание уделял личным контактам с главами иностранных государств. Свою внешнеполитическую деятельность в январе 2007 г. С. Абэ открыл турне по странам Европы — Великобритании, Германии, Франции, Бельгии, где встретился с главами этих государств, а в Брюсселе выступил с речью в штабквартире НАТО, в которой сообщил о намерении открыть “новую фазу сотрудничества” с этим военно-политическим блоком. В марте в Сиднее Абэ С. подписал совместную японо-австралийскую декларацию о сотрудничестве в обеспечении безопасности. Во время визита в Вашингтон (апрель) Абэ С. на встрече с президентом США Дж. Бушем подтвердил приоритетность японо-американских союзнических отношений и выступил за более тесное сотрудничество в разрешении проблем с КНДР и обеспечении энергетической безопасности. В июне с целью демонстрации солидарности Японии с политикой США он настоял в парламенте на продлении действия закона об особых мерах в Ираке еще на два года.

Успешной для Абэ была поездка на саммит стран Восточной Азии (Манила, январь), где совместно с президентом Республики Корея Но Му Хеном и премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао было опубликовано совместное заявление с требованием к КНДР отказаться от ядерного оружия. Там же главами государств была подписана декларация о гарантиях энергетической безопасности в регионе, а председательствующий на встрече огласил требование к КНДР разрешить проблему похищенных японцев. Октябрьские 2006 г. договоренности о развитии японо-китайских отношений были конкретизированы на переговорах с Вэнь Цзябао в Токио в апреле 2007 г. (первом подобном визите китайского представителя с 2000 г.).

В отношении России Абэ С. в указанный период проводил прагматическую политику: не снимая с повестки дня “территориальную проблему”, он одновременно демонстрировал стремление к поиску развития взаимовыгодных экономических и других связей, а также согласованию позиций по международным проблемам. На встрече с Президентом РФ В.В. Путиным на саммите “восьмерки” в Германии (июнь). Абэ С. выступил с “инициативой по укреплению японо-российского сотрудничества в регионах Дальнего Востока и Восточной Сибири”.

В указанный период достаточно четко проявилось стремление Абэ С. расширить личные возможности по руководству внешней и оборонной политикой. С этой целью учрежденный им Совет по усилению функций резиденции премьер-министра в национальной безопасности разработал и в феврале 2007 г. представил премьер-министру конкретные рекомендации. В них предлагалось реорганизовать существующий Совет обеспечения безопасности в новый орган под на-

званием Совет национальной безопасности по образцу Совета национальной безопасности (СНБ) при президенте США. Эти рекомендации ставили своей целью: во-первых, сократить число членов существовавшего совета, ограничив его премьер-министром, министрами иностранных дел и обороны и генеральным секретарем кабинета в интересах большей оперативности и повышения качества принимаемых решений; во-вторых, предлагалось обязанности нового совета сформулировать кратко и по содержанию емко. В число таких обязанностей включалось: принятие решений по принципиальному курсу во внешней политике, политике обеспечения национальной безопасности, а также отдельных проблем, поставленных премьер-министром на обсуждение. Кроме того, ставились задачи сохранить и усилить функции специальных совещаний для изучения вопросов по указанию премьер-министра. И наконец, новым было предложение создать секретариат совета в составе его руководителя, заместителя и не более десяти членов, а также обязать помощника премьер-министра по национальной безопасности постоянно присутствовать на заседаниях совета¹⁸. На основе этих рекомендаций был разработан и в апреле внесен в парламент правительственный законопроект, однако его обсуждение не состоялось.

Начало конца кабинета Абэ С.

На протяжении всего периода работы кабинета Абэ С. с сентября 2006 г. по всем принятым и непринятым законопроектам, внесенным правительством Абэ С., развернулась жесткая и непримиримая борьба правящей партии с оппозицией. Кроме того, все вышеназванные огрехи и недоработки правительства постоянно "подтачивали" рейтинг кабинета Абэ С. и обеспечивали устойчивое снижение общественной поддержки курса молодого лидера. Согласно опросам общественного мнения, поддержка кабинета Абэ, которую в сентябре—октябре 2006 г. высказали 63% опрошенных, к началу июня 2007 г. снизилась до 30%, а об отказе в доверии правительству заявили 49% реципиентов¹⁹. С такими неблагоприятными результатами ЛДП и ее лидер подошли к выборам в палату советников парламента, проводившимся 29 июля 2007 г., которые привлекли несколько большее внимание избирателей, чем обычно. В голосовании приняли участие в среднем по стране 58,64% граждан, обладающих избирательным правом (на аналогичных выборах в 2001 г. — 56,44%, в 2004 г. — 56,57%).

Выборы внесли крупные изменения в партийный состав палаты. ЛДП получила 37 депутатских мест, а ДПЯ — 60. Особенно заметное превосходство ДПЯ над либерал-демократами (40 мандатов против 23) проявилось в местных округах, которые до сих пор оставались в сфере влияния правящей партии. С учетом партийной принадлежности депутатов, не подлежащих переизбранию, новая расстановка политических сил стала выглядеть следующим образом: ДПЯ — 109 депутатов (45%), ЛДП — 83 (34,3%), Комэйто — 20, КПЯ — 7, СДП — 5, Новая народная партия и партия "Япония" — 5, независимые и прочие — 12.

Итогом выборов стало следующее. Во-первых, ДПЯ не только численно обошла правящую коалицию (109 против 103), но и с учетом оппозиционного настроения других "малых" партий приобрела полный контроль над данной ветвью законодательной власти. Во-вторых, факт отстранения ЛДП с первого места в палате советников недвусмысленно означал выражение ей недоверия со стороны избирателей, ставил под сомнение легитимность или, по меньшей мере, мо-

ральное право либеральных демократов сохранять статус правящей партии без новых выборов другой части парламента, палаты представителей, где у них оставалось подавляющее превосходство над оппозицией. В-третьих, эти выборы еще раз подтвердили тенденцию к формированию в Японии при формальном сохранении многопартийного состава парламента некоего варианта двухпартийной системы, в которой соперничество за власть фактически идет между либерал-демократами и демократами. Именно этим двум партиям вместе теперь принадлежат в палате представителей 87,3% депутатских мест, а в палате советников — 79,3%.

Крупное выборное поражение ЛДП было названо в Японии “историческим”, небывалым для этой партии, за исключением ее провала на выборах в палату представителей в 1993 г., когда она временно потеряла правящее положение. Результат выборов в палату советников — многофакторное явление. Прежде всего, это — реакция электората на характер деятельности кабинета Абэ С. и самого премьер-министра, хотя во многом его политика была обусловлена “наследием” правительства Коидзуми Дз.

С другой стороны, в лице ДПЯ ЛДП обрела весьма опытного, грамотного и умеющего работать с общественностью политического противника. ДПЯ умело использовала каждый промах кабинета Абэ С. и тут же настойчиво выдвигала в парламенте собственные альтернативные проекты решения актуальных проблем. Продолжая работу по привлечению на свою сторону так называемых “беспартийных” слоев избирателей, ДПЯ на этот раз особое внимание уделяла пропаганде своей политики среди жителей небольших городов, которые прежде относились к электорату ЛДП. Помимо того, ДПЯ приняла меры к тому, чтобы получить “организованные” голоса профсоюзов, в отношениях с которыми у нее стало появляться некоторое отчуждение. Жесткому противоборству с либерал-демократами способствовало избрание в апреле 2006 г. лидером ДПЯ Одава Итиро, влиятельного политика, бывшего либерал-демократа, одержимого с 1993 г. идеей формирования в Японии второй мощной консервативной партии, способной успешно соперничать с ЛДП.

Реорганизация кабинета и последующая отставка Абэ С.

Несмотря на чувствительное поражение, Абэ С. не принял традиционного для Японии в таких случаях решения уйти в отставку, а напротив — энергично приступил к реорганизации партийного руководства и правительства. Генеральным секретарем ЛДП был назначен Асо Таро, Председателем Совета по изучению политики стал Исихара Нобутэру, Председателем Совета по общим делам — Никаи Тосихиро.

Признав желательность формирования правительства “с чистого листа”, Абэ осуществил основательную, хотя и не полную, смену членов кабинета. Из 17 министров на своих постах остались лишь пять. Новым министром иностранных дел был назначен глава крупнейшей внутрипартийной фракции Матимура Нобутака, который в кабинете Коидзуми Дз. также занимал этот пост. Новым генеральным секретарем кабинета был назначен Есано Каору, влиятельный политик-ветеран, не состоящий ни в одной из внутрипартийных фракций и обладающий опытом работы на важных министерских постах и в руководстве партии²⁰. Реорганизация затронула также институт социальных помощников премьер-министра, на которых Абэ С. возлагал надежды в осуществлении сильного лич-

ного руководства. Из пяти помощников остались только двое. Остальных, которые были ответственны за национальную безопасность, экономику и финансы, связь с общественностью и средствами массовой информации, премьер-министр решил не назначать.

В конечном счете, партийная руководящая тройка и новый кабинет Абэ С. были сформированы из лидеров или видных деятелей всех внутривластных фракций. Это свидетельствовало о желании премьер-министра заручиться широкой поддержкой влиятельных политиков ЛДП.

Японское общество восприняло появление нового кабинета Абэ довольно прохладно. Опросы общественного мнения показали, большинство опрошенных (66%) заявило, что реорганизация кабинета не изменила их отношения к премьер-министру, а 47% опрошенных полагало, что Абэ не следует оставаться председателем ЛДП на срок его полномочий²¹.

Одним из аргументов в пользу сохранения Абэ С. на посту главы правящей партии было сохранение преемственности в осуществлении намеченного ранее личного участия премьер-министра в важных внешнеполитических акциях. Действительно, Абэ С. еще некоторое время продолжал "настойчивую дипломатию" в соответствии с прежними планами. В августе 2007 г. он совершил успешные для него поездки в Индонезию, Индию и Малайзию. В Джакарте было подписано соглашение об экономическом сотрудничестве, направленном, прежде всего, на обеспечение энергетической безопасности Японии. В Индии были согласованы намерения не только существенно расширить экономические связи, но и начать сотрудничество в сфере политики и обеспечения безопасности. Большую активность Абэ проявил во время проведения в Сиднее очередного саммита АТЭС (сентябрь 2007 г.), где впервые состоялась трехсторонняя встреча глав США, Японии и Австралии, участники которой подтвердили солидарность в политике обеспечения безопасности в АТР.

Общие задачи реорганизованного правительства премьер-министр изложил на внеочередной сессии парламента 10 сентября 2007 г., заявив о своей готовности учесть проявленное на выборах в палату советников народное недоверие к политике и управлению страной и о решимости продолжить работу в качестве главы правительства с целью дальнейшего проведения широких реформ и "вывода Японии из послевоенного режима"²². Однако речь премьер-министра не ослабила недоверия к новому кабинету и не побудила ДПЯ отказаться от намерения саботировать прохождение правительственных законопроектов через палату советников, в которой она заняла господствующее положение. В такой обстановке решимость Абэ С. оставаться на посту премьер-министра была поколеблена и он неожиданно признал ограниченность возможностей для проведения своего политического курса. 12 сентября 2007 г. Абэ С. сообщил руководству ЛДП и затем публично объявил о своем решении уйти в отставку²³. Отставка Абэ С. означала, что правящей партии не удалось выйти из кризиса. Перед либерал-демократами встала задача срочно избрать нового лидера партии, способного обеспечить руководство страной в непривычно сложной для них обстановке.

Рождение кабинета Фукуда Я.

Таким лидером в результате сентябрьских выборов стал Фукуда Ясуо, получивший на партийных выборах более 60% голосов. Избрание Фукуда Я. главой ЛДП не было неожиданностью. О его довольно высокой популярности свиде-

тельствовали опросы общественного мнения еще в 2006 г., когда обсуждались вероятные преемники премьер-министра Коидзуми Дз. Можно сказать, что в критическое для ЛДП время партию возглавил не просто один из известных ветеранов, а политик, обладающий богатым и разнообразным опытом хозяйственной и руководящей партийной и правительственной деятельности. В Японии обращают внимание на глубокие познания Фукуда в области внешней политики и экономики, на его высокие качества как администратора, на возможность надежной опоры на крупнейшую в ЛДП фракцию парламентариев и использования его обширных связей и дружеских отношений в правительственных и деловых кругах. Среди близких к Фукуда Я. влиятельных лиц называют, в частности, бывшего и нынешнего руководителей Японской федерации экономических организаций (КЭЙДАНРЭН). По мнению самого Фукуда Я., его избрание определялось не численным соотношением внутрипартийных фракций, а, скорее, ощущением в нем некоей стабильности, его возрастом и предсказуемым, ровным характером²⁴.

При назначении “руководящей тройки” ЛДП Фукуда Я. не стал выдвигать известных политиков. Генеральным секретарем был назначен Ибуки Фумэй (69 лет), глава небольшой внутрипартийной фракции, Председателем Совета по изучению политики — Танигаки Садакадзу (бывший министр финансов, 62 года), Председателем Совета по общим делам он оставил Никаи Тосихиро (68 лет). Глава одной из малых фракций Кога Макото (67 лет), обладающий широкими связями в политических кругах, в том числе в Демократической партии, был назначен председателем комитета парламентской политики.

25 сентября 2007 г. парламент избрал Я. Фукуда премьер-министром. В тот же день он сформировал новое правительство. Из 17 членов кабинета на своих постах остались 13. Генеральным секретарем кабинета был назначен Матимура Нобутака (глава крупнейшей в ЛДП фракции), министром иностранных дел был назначен Комура Масахико, занимавший в прежнем кабинете пост министра обороны. Новыми в правительстве стали министр обороны Исиба Сигэру и министр просвещения и науки Токай Кисабуро. Заметной особенностью формирования руководства партии и правительства можно считать включение в него представителей всех внутрипартийных фракций без исключения.

Основные направления политического курса нового правительства Фукуда Я. представил парламенту 1 октября на возобновленной внеочередной сессии²⁵. Фукуда Я. высказал намерение следовать принципу “самостоятельности и сосуществования” и соответствовать “надеждам народа”, обеспечивать его “спокойствие”. В его речи не упоминалось о “пересмотре конституции”. Признав сложность проведения государственной политики в случае несогласованности в работе двух палат парламента, премьер-министр выразил готовность к “искреннему разговору с коллегами из оппозиционных партий по важным политическим проблемам”. К числу неотложных задач правительства Фукуда отнес: возвращение доверия к политике и правительству, создание стабильной, пользующейся доверием системы социального обеспечения, обеспечение повышенного внимания к созданию условий для безопасной жизни и спокойствия граждан, формирование общества поддержки образования и воспитания детей, продолжение реформ при одновременном экономическом росте и др. “Реформы и стабильный рост, — подчеркнул премьер-министр, — это два колеса одной повозки, они должны работать одновременно. Адаптировать экономику страны к меняющимся условиям, укреплять и расширять экономическое сотрудничество с другими государствами мирового сообщества. Поощрять внутренние и иностранные инве-

стиции, конкретизировать концепцию открытых дверей для Азии, направленную на поддержание экономического роста в регионе, приступить к развитию туризма и повышению конкурентоспособности Японии в финансовых услугах. Содействовать целенаправленному вложению инвестиций в стратегические отрасли, инновационное развитие. Расширить подготовку кадров и одновременно определить стратегию в сфере интеллектуальной собственности, чтобы занять передовые позиции в мире”²⁶.

Основой японской внешней политики Фукуда Я. назвал сохранение японо-американского союза и международное согласие, а ее неотложными задачами — “продолжение вспомогательной деятельности японских военно-морских сил в Индийском океане” и “скорейшее разрешение северокорейских проблем”. Параллельно с упрочением японо-американского союза Фукуда Я. высказался за активную азиатскую дипломатию Японии: с КНР — строить отношения взаимного благоприятствования, исходящие из общих стратегических интересов; с Республикой Корея — еще более укрепить доверительные отношения, обращенные в будущее; со странами АСЕАН — формировать модель отношений, обеспечивающую укрепление экономического сотрудничества и развитие других связей; с РФ — “настойчиво добиваться решения территориальной проблемы и одновременно стремиться к расширению связей между двумя странами”.

В число целей японской дипломатии премьер-министр включил также реформу Совета Безопасности ООН и вхождение в него Японии в качестве постоянного члена.

Таким образом, центральными политическими событиями в Японии в 2006—2007 гг. можно считать смену глав правящей ЛДП и правительства, а именно: переход правления от кабинета Коидзуми Дз. к кабинету Абэ С. и от него к кабинету Я. Фукуда. Вместе с тем смена власти, хотя и проходила в рамках одной и той же партийной коалиции, тем не менее была осуществлена в различных ситуациях. Переход власти от Дз. Коидзуми к С. Абэ произошел, по существу, естественным путем. Его причиной стало истечение предельного срока полномочий главы ЛДП, причем в условиях, когда рейтинг правительства после его длительной работы оставался еще довольно высоким. Деятельность кабинета Абэ, напротив, оказалась весьма кратковременной, на выборах в палату советников она получила негативную оценку большей части электората, в результате чего верхняя палата парламента перешла под контроль оппозиционной Демократической партии. Фактическое признание своей неспособности продолжать руководство страной при изменившемся коренным образом в пользу оппозиции соотношении партийных сил в одной из палат парламента побудило премьер-министра С. Абэ уйти в отставку. На этом фоне избрание Фукуда Я. новым главой ЛДП и премьер-министром в Японии восприняли как приход к руководству страной опытного политика, не склонного к радикальным, непредсказуемым или непродуманным решениям. С Фукуда Я. связываются надежды на продолжение курса на структурные реформы и поощрение экономического роста, но со значительным акцентом на учет возможных негативных последствий реформирования и планирование мер по их предупреждению.

(Окончание следует)

1. Полный текст проекта ЛДП “Новой Конституции” см.: Нихон кэйдзай симбун. 2005. 29 окт.
2. Ёмиури симбун. 2006. 14 марта.
3. Ёмиури симбун. 2006. 13 сентября.
4. Абэ Синдзо. Хосю сайсэй-но тамэ-ни кандите-о дзису [Ухожу с поста генерального секретаря во имя консервативного возрождения] // Бунгэй сүндзю. 2004. № 9. С. 160.
5. Абэ Синдзо. Уцукусий куни-э [На пути к красивой стране], Токио: Бунсю синсе, 2006. С. 232.
6. Речь премьер-министра Абэ С. в парламенте (Асахи симбун. 2007. 21 янв.).
7. Там же. С. 133.
8. Там же. С. 129.
9. Там же. С. 150—152.
10. Там же. С. 158.
11. Там же. С. 160.
12. Содержание предвыборного памфлета Абэ С. см.: Ёмиури симбун. 2006. 2 сент.
13. Программная речь Абэ С. в парламенте см.: Ёмиури симбун. 2006. 30 сент.
14. Основное содержание Закона о народном референдуме см.: Асахи симбун. 2007. 15 мая.
15. Асахи симбун. 2007. 27 янв.
16. Ёмиури симбун. 2007. 21 июня.
17. Асахи симбун. 2007. 27 янв.
18. “Кокка андзэн Хосе кайги”-но сосэцу-ни мукэтэ [К учреждению “Национального совета безопасности”] // Кабинэтто. 2007. 1 апр. С. 20-21.
19. Асахи симбун. 2007. 4 июня.
20. Асахи симбун. 2007. 28 авг.
21. Там же.
22. Речь премьер-министра Абэ С. в парламенте см.: Асахи симбун. 2007. 11 сент.
23. Изложение содержания пресс-конференции Абэ С. см.: Асахи симбун. 2007. 13 сент.
24. Пресс-конференция Фукуда Я. // Асахи симбун. 2007. 24 сент.
25. Речь Фукуда Я. в парламенте см.: Асахи симбун. 2007. 2 окт.
26. Там же.

Япония на шестисторонних переговорах по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове

© 2008

В. Гринюк

Разработку Северной Кореей ядерного оружия и баллистических ракет в Японии рассматривают как серьезную угрозу национальной безопасности. Так, японские военные ученые, авторы работы "Введение в науку обеспечения безопасности", подчеркивают: "Из-за того, что попавшая в экономический тупик Северная Корея с начала XXI в. стала проводить политику устрашения с разыгрыванием ядерной и ракетной карты, оборонная политика нашей страны столкнулась с проблемой: какие шаги предпринять в связи с новой военной опасностью. Само собой разумеется, что наша система обороны не способна ответить на подобную угрозу. Необходимо, чтобы мировое сообщество в лице ООН, а также США, Россия и Китай оказывали давление на Северную Корею и осуществляли контакты с этой страной, сочетая жесткость и мягкость. Но основу для предотвращения наихудшего варианта развития событий по-прежнему составляет японо-американская система безопасности"¹.

История развития ядерного кризиса на Корейском полуострове подробно освещена в работах российских исследователей. В частности, в статьях Александра Жебина убедительно показано, что шаги северокорейского руководства, направленные на создание в КНДР ядерного потенциала, выход Пхеньяна из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) были во многом вызваны действиями США. В частности, Рамочные договоренности (РД) между США и КНДР 1994 г. предусматривали замораживание северокорейской программы создания исходных материалов для ядерного оружия. Вместе с тем этот документ предполагал создание международного консорциума (KEDO) для строительства в КНДР АЭС из двух реакторов на легкой воде и поставки до пуска первого реактора в 2003 г. в Северную Корею по 500 тыс. т жидкого топлива для электростанций ежегодно.

"США утверждают, что они выполнили свои обязательства по Рамочным договоренностям, а КНДР, мол, этого не делала. На деле КНДР сохраняла указанные в РД объекты "замороженными" до конца 2002 г., а США фактически не начали строить АЭС... Главная причина задержки в том, что администрация Б. Клинтона рассчитывала на крах северокорейского режима после смерти Ким Ир Сена, а республиканцы с приходом к власти по партийным, идеологическим со-

Гринюк Владимир Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

ображениям предали анафеме все, что делалось демократами... Администрация Дж. Буша включила КНДР в т.н. “ось зла” и в список стран, по которым возможно нанесение превентивных ядерных ударов”².

Официальные круги Японии возлагают всю ответственность за возникновение ядерного кризиса на Пхеньян, однако японские ученые по существу признают, что реальная международная обстановка и, в частности, агрессивная политика США подталкивали КНДР к ядерным разработкам. Так, профессор Токійского университета А. Танака полагает, что серьезное влияние на позицию Северной Кореи оказало то, что мировое сообщество в свое время не предприняло эффективных мер в связи с разработкой ядерного оружия и ядерными испытаниями, проведенными в ряде стран. Не было серьезной отрицательной реакции на ядерные испытания, проведенные Индией и Пакистаном в 1998 г., и активные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию ядерного оружия. “С другой стороны, — подчеркивает А. Танака, — во второй половине 90-х гг. и в первые годы XXI в. были случаи, когда военно-силовые инструменты применялись против неядерных диктаторских государств (определение А. Танака. — В.Г.). Это Сербия, которую бомбила авиация НАТО в связи с проблемой Косово, Афганистан, где талибы после 11 сентября 2001 г. предоставили базы террористам из Аль-Каиды, а также Ирак Саддама Хусейна. То есть государства, которые явочным порядком стали ядерными, “прощены” мировым сообществом, а диктаторские страны, не заполучившие ядерного оружия, были разгромлены. Понятно, какой урок извлекла из этого Северная Корея. Уже в феврале 2005 г. она недвусмысленно заявила, что располагает ядерным оружием... Пхеньян четко усвоил, что декларация о наличии ядерного оружия становится наиболее действенной мерой для обеспечения собственной безопасности”³.

Шестисторонние переговоры по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове (с участием представителей Китая, КНДР, РК, России, США и Японии) начались в августе 2003 г.

Соединенные Штаты Америки наряду с КНДР являются ведущим актором в разрешении ядерной проблемы на Корейском полуострове. Северокорейская сторона считает именно США основным партнером в деле ее урегулирования и добивается прямых переговоров с Вашингтоном. Однако по поводу линии США в отношении Северной Кореи в администрации Дж. Буша существовали противоречия между “реалистами” (бывший госсекретарь К. Пауэлл, бывший помощник госсекретаря Р. Армитидж) и “неоконсерваторами” (вице-президент Д. Чейни, бывшие министры обороны П. Вульфвиц и Д. Рамсфельд). Под влиянием “неоконсерваторов” в администрации Дж. Буша сформировался жесткий подход к Северной Корее, выраженный в формуле “не идти на легкие компромиссы с Северной Кореей, добиваться полного разрешения проблем ядерного оружия и средств его доставки, не исключая в конечном итоге свержения режима Ким Чен Ира”. Между “реалистами” и “неоконсерваторами” долго отсутствовало согласие в первичном вопросе: следует ли вести переговоры с Пхеньяном? По мнению профессора университета «Кэйо» М. Оконоги, для администрации Дж. Буша формула многосторонних консультаций, предусматривающая участие нескольких государств, была продуктом взаимных уступок двух упомянутых группировок политиков после начала войны в Ираке (компромиссом между линией диалога с руководством Северной Кореи и насильственным устранением режима Ким Чен Ира)⁴.

По мнению еще одного японского эксперта, журналиста Ц. Сунохара, Вашингтон имел на выбор пять вариантов решения ядерной проблемы на Корейском полуострове. Во-первых, поиски решения путем переговоров, двусторонних консультаций с КНДР. Во-вторых, насильственное лишение Северной Кореи возможности вести ядерные разработки путем “хирургических ударов с воздуха”. В-третьих, самостоятельный отказ Северной Кореи от планов разработки ядерного оружия. В-четвертых, сосуществование с Северной Кореей как с ядерным государством. В-пятых, подрыв существующего в Северной Корее режима Ким Чен Ира. В конечном итоге в администрации Дж. Буша сочли первые четыре варианта неприемлемыми или нереальными и остановились на пятом. “Эксперты, знакомые с ситуацией в политических кругах Вашингтона, едины во мнении, что именно смена режима является конечной целью, которой администрация Дж. Буша добивается в своей политике в отношении Северной Кореи”, — подчеркивает журналист⁵. При этом, по его мнению, шестисторонние переговоры — это средство, избранное США для выполнения поставленной задачи⁶. Официально ставя целью полное, контролируемое и необратимое свертывание ядерных программ КНДР, Вашингтон полагает, что время работает на США и их союзников, и режим Ким Чен Ира рано или поздно падет под грузом политических и экономических трудностей.

Что касается отношения Японии к шестисторонним переговорам, то оно во многом определяется позицией США. В Токио также делают ставку на смену режима в Северной Корее. В японских изданиях регулярно публикуются материалы, в которых рассматриваются варианты краха авторитарной системы руководства КНДР.

Вместе с тем позиция Японии по отношению к шестисторонним переговорам имеет и отличительные особенности. Во-первых, японская сторона делает больший упор на проблему похищений японцев северокорейскими спецслужбами. Это видно из пункта 5 документа МИД Японии “Шестисторонние переговоры по проблемам Северной Кореи (Обзор и оценка)”:

“5 ...Ядерная проблема, проблема ракет и вопрос похищений людей должны быть разрешены до нормализации отношений между Японией и Северной Кореей. Япония пойдет на экономическое сотрудничество с Северной Кореей только после того, как будет достигнута цель нормализации отношений между Японией и Северной Кореей. Вопрос похищений людей должен быть разрешен путем конкретных обсуждений с участием представителей Японии и Северной Кореи. Разрешение вопроса о похищениях японцев составляет неотъемлемую часть исчерпывающего урегулирования проблемы”⁷.

Проблема похищений — печальное наследие холодной войны⁸. В 70—80-х гг. прошлого века агенты разведывательных органов КНДР выкрали в Японии и в странах Западной Европы несколько японских граждан и переправили их в Северную Корею с целью использования в качестве преподавателей японского языка в разведшколах. В ходе официального визита премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в Пхеньян в сентябре 2002 г. Председатель комитета обороны КНДР Ким Чен Ир признал факты похищений японцев спецслужбами Северной Кореи и принес извинения. Лидеры Японии и КНДР подписали Пхеньянскую декларацию, в которой были сформулированы базовые принципы для нормализации японо-северо-корейских отношений. В частности, документ содержал пункты об оказании Японией экономической помощи Северной Корее и о намерении северо-корейской стороны соблюдать временный мораторий на запуски своих ракет.

Пятеро из числа похищенных мужчин и женщин в октябре 2002 г. вернулись на родину, а относительно других восьми жителей Японских островов, вывезенных в Северную Корею, представители КНДР заявили, что они умерли. Однако японская сторона считает, что численность выкраденных больше, чем это признает Пхеньян, и что представители Северной Кореи не привели убедительных доказательств смерти похищенных японских граждан. Токио последовательно поднимает проблему похищений на двусторонних встречах в рамках шестисторонних переговоров и обвиняет Северную Корею в "неискренности". Представители КНДР стоят на том, что проблема похищений относится к прошлому и окончательно разрешена, вместе с тем Пхеньян неоднократно давал понять, что при проявлении Токио доброй воли северокорейские власти могут вернуться к дополнительному рассмотрению данного вопроса.

Еще один отличительный момент позиции Японии на шестисторонних переговорах состоял в том, что поддерживая США в оказании давления на КНДР, Токио до поры до времени был против экономических санкций в отношении Северной Кореи.

Первые три раунда шестисторонних переговоров были мало продуктивными.

Четвертый раунд, проходивший с 26 июля по 7 августа, и затем с 13 по 20 сентября 2005 г., дал определенные результаты. Впервые с начала переговоров был принят итоговый документ — Совместное заявление, содержащее следующие серьезные положения:

- о поддающейся проверке денуклеаризации Корейского полуострова, как цели шестисторонних переговоров;
- о намерении КНДР отказаться от любого ядерного оружия и существующих ядерных программ и вновь присоединиться к ДНЯО;
- о наличии у КНДР права на мирное использование атомной энергии;
- об отсутствии у США намерения предпринимать агрессию против КНДР с использованием ядерного или обычного оружия;
- о намерении США и КНДР взаимно уважать суверенитет друг друга, мирно сосуществовать и принять меры по нормализации двусторонних отношений.

Особый пункт Совместного заявления, касавшийся японо-северокорейских отношений, гласил: "Япония и КНДР в соответствии с Пхеньянской декларацией покончат с прошлым, разрешат вопросы, вызывающие беспокойство, и примут меры для нормализации межгосударственных отношений"⁹.

Во время четвертого раунда шестисторонних переговоров состоялась встреча официальных делегаций Японии и КНДР и была достигнута договоренность возобновить диалог между правительствами Японии и КНДР. Включение в итоговый документ четвертого раунда переговоров специального пункта о японо-северокорейских отношениях было результатом активных попыток Токио придать проблеме похищений международное звучание.

США первоначально поддерживали Японию в ее стремлении обсуждать проблему похищений в рамках шестисторонних переговоров¹⁰. В то же время Китай, Республика Корея и Россия полагали, что этот вопрос всецело относится к сфере двусторонних отношений Японии и КНДР. Его включение в повестку дня затруднило бы разрешение главной проблемы, связанной с денуклеаризацией Корейского полуострова. Поэтому представители КНР, России и РК настаивали, чтобы японская сторона не включала проблему похищений в повестку дня пленарных заседаний.

Но США в процессе шестисторонних переговоров оказывали поддержку Японии в вопросе похищений только в той мере, в какой выдвижение Токио обвинений против Пхеньяна совпадало с проводимой Вашингтоном линией оказания жесткого давления на Северную Корею и отвечало стратегической цели США — смене правящего режима КНДР. В тех же случаях, когда шаги, предпринимавшиеся японской стороной в отношении Северной Кореи для урегулирования проблемы похищений, вели к ослаблению нажима на Пхеньян, отношение американцев к таким шагам было по меньшей мере сдержанным.

В мае 2004 г. премьер-министра Японии Дз. Коидзуми предпринял второй визит в Пхеньян. Целью этого визита было добиться от северокаорейской стороны согласия на переезд в Японию родственников пятерых японских граждан — бывших северокаорейских пленников, прибывших на родину в октябре 2002 г. В ходе переговоров с премьер-министром Дз. Коидзуми руководитель КНДР во изменение прежней позиции, сводившейся к тому, что “проблема похищений полностью разрешена”, дал обещание “провести повторное тщательное расследование с чистого листа” относительно судьбы десяти японских граждан, которых в Токио считают похищенными. Правда, в конечном итоге повторное расследование не дало никаких новых данных и ни в коей мере не удовлетворило японскую сторону. Результатом визита Дз. Коидзуми в КНДР стал переезд в Японию в октябре 2002 г. родственников пяти японских граждан.

В ходе визита премьер-министр Японии заявил, что если северокаорейская сторона будет соблюдать положения Пхеньянской декларации 2002 г., Токио не станет применять против КНДР законы, которые были приняты японским парламентом в 2004 г. и предусматривали запрещение денежных переводов и приостановку морских перевозок из Японии в Северную Корею. В качестве знака доброй воли Дз. Коидзуми объявил о намерении предоставить КНДР продовольственную и гуманитарную помощь (250 тыс. т кукурузы или риса, медикаменты на сумму 10 млн долл.).

Американские эксперты отрицательно оценили результаты этого визита. Специалист исследовательского бюро конгресса США Л. Никш в интервью газете “Ъмиури” подчеркнул, что в ходе визита достигнут некоторый прогресс в вопросе о похищениях, однако по основной, т.е. ядерной проблеме Северной Кореи каких-либо подвижек не наблюдалось. Директор Фонда Мэнсфилда Г. Флэк высказал мнение, что для воссоединения родственников Япония, по существу, уплатила выкуп. Хотя Токио перестал использовать только кнут в отношениях с Северной Кореей, и в ходе визита прибег к помощи пряника, это несколько не повлияло на ход шестисторонних переговоров¹¹.

Японские специалисты считали, что у Токио была потенциальная возможность играть на шестисторонних переговорах более весомую роль. Во-первых, Япония могла в большей степени оказывать воздействие на северокаорейских лидеров в плане смягчения их позиции в ядерном вопросе, намекая на возможность оказания массивной экономической помощи КНДР. Во-вторых, Япония могла получить определенные дивиденды, позиционировав себя как возможного посредника при налаживании диалога между КНДР и США. Посредническая роль Японии не была востребована США. На первых четырех раундах переговоров американская сторона проявляла явную пассивность, поскольку ее стратегической целью была смена режима в Северной Корее. В то же время японская сторона в контактах с представителями КНДР на первый план выдвигала вопрос похищений, подчеркивая приоритетность его разрешения. “Вопрос

похищений, разработка ядерного оружия, ракетные программы Северной Кореи” — в такой последовательности в соответствии со своим пониманием степени важности выстраивал официальный Токио проблемы межгосударственных отношений с КНДР¹². Однако, с точки зрения Пхеньяна, “только Япония поднимает на шестисторонних переговорах проблему похищений, никак не связанную с предметом обсуждений, и препятствует формированию конструктивной атмосферы”¹³.

Принятие на четвертом раунде шестисторонних переговоров Совместного заявления было связано с некоторыми подвижками (точнее, колебаниями) в позиции США. Накануне раунда руководителем американской делегации был назначен помощник госсекретаря К. Хилл (он заменил на этом посту заместителя госсекретаря Дж. Келли). К. Хилл прежде был послом США в Республике Корея и пользовался репутацией сторонника соглашения с КНДР. По наблюдениям японских журналистов, освещавших шестисторонние переговоры, принятие заключительного документа четвертого раунда затягивалось из-за бесконечных консультаций американских представителей с Вашингтоном, и вместе с тем бросалась в глаза отчужденность между К. Хиллом и членами возглавляемой им делегации¹⁴.

По мнению аналитиков, хотя США пошли на принятие Совместного заявления, вице-президент Д. Чейни и другие “неоконсерваторы” его не жаловали, и Вашингтон фактически игнорировал этот документ. 15 сентября 2005 г. министерство финансов США в связи с обвинением Северной Кореи в фальсификации долларов объявило санкции в отношении “Банко Дельта Эйша” банка в Макао, державшего счета КНДР. Позднее, в конце ноября 2005 г., было объявлено о свертывании проекта KEDO, предусматривавшего строительство в КНДР двух ядерных реакторов на легкой воде.

В ноябре 2005 г. началась пауза в шестисторонних переговорах, которая закончилась лишь в конце 2006 г. под влиянием драматических событий на Корейском полуострове.

5 июля 2006 г. Северная Корея провела пуски семи ракет малой, средней и большей дальности в акватории Японского моря. Япония отреагировала введением на полгода запрета на заходы в японские порты северокорейского теплохода “Мангёнбон — 92” — единственного морского судна, осуществлявшего пассажирские перевозки между двумя странами. 6 июля Япония обратилась в СБ ООН с требованием созвать срочное заседание Совета Безопасности и предложила проект резолюции, чтобы воспрепятствовать получению Пхеньяном денежных средств, материалов и технологий для производства ракет и оружия массового поражения. После принятия 15 июля СБ ООН резолюции 1695 японское правительство запретило переводы финансовых средств в Северную Корею финансовым организациям и торговым фирмам, имевшим связи с КНДР¹⁵.

9 октября 2006 г. Северная Корея объявила об успешном осуществлении подземного ядерного взрыва. СБ ООН 14 октября принял резолюцию 1781, которая запрещала продажу или передачу Северной Корее любых вооружений, ядерных технологий и предметов роскоши. Через два дня после испытаний Япония ввела полный запрет на заходы северокорейских судов в японские порты, а также на импорт любых товаров из КНДР и на въезд в Японию северокорейских граждан, за исключением тех из них, кто постоянно проживает в Японии. В начале ноября 2006 г. японские власти, следуя резолюции СБ ООН 1781 запретили экспорт в Северную Корею 24 предметов роскоши¹⁶.

После проведенных КНДР ядерных испытаний Вашингтон произвел корректировку прежней линии монотонного давления на Пхеньян, проявил готовность вести с ним прямой диалог. К. Хилл в конце ноября встретился в Пекине с заместителем иностранных дел КНДР Ким Ге Хваном, ответственным за шестисторонние переговоры, и предложил ряд мер по выполнению положений Совместного заявления от 19 сентября 2005 г. Северной Корее было предложено закрыть атомный реактор в Ёнбёне, согласиться на возвращение на ядерные объекты инспекторов из МАГАТЭ и представить полный перечень всех программ и оборудования, связанных с разработкой ядерного оружия. Заместитель госсекретаря дал понять, что в ответ США могли бы полностью отменить финансовые санкции в отношении КНДР, обеспечить поставки мазута, чтобы восполнить острые потребности энергетики Северной Кореи, обсудить пути утверждения мира на Корейском полуострове, предоставить гарантии безопасности и продвигаться к нормализации дипломатических отношений с КНДР¹⁷.

31 октября 2006 г. министр иностранных дел КНДР Пак Ы Чун объявил о намерении вернуться за стол переговоров. Ввиду попыток Токио поднять проблему похищений, он сообщил о желании северокорейской стороны вывести Японию из числа участников шестисторонних переговоров, так как “новое японское правительство только что приступило к работе, и у Токио много забот” (имелось в виду правительство С. Абэ, сформированное 26 сентября 2006 г.). Министр иностранных дел КНДР язвительно рекомендовал японской стороне “думать о своих делах и не совать нос в переговоры, не мешать их ходу”¹⁸. 18 декабря 2006 г. началась и в течение пяти дней продолжалась вторая сессия пятого раунда шестисторонних переговоров, но ее единственным результатом стало подтверждение Совместного заявления от 19 сентября 2005 г. С целью изолировать Японию северокорейская сторона во время сессии проводила многочисленные двусторонние встречи со всеми участниками, кроме японской делегации¹⁹.

Настойчивое, если не сказать назойливое, выдвижение японской стороной проблемы похищений, та жесткость, с которой Токио увязывал с ней продвижение в деле распутывания северокорейской ядерной “головоломки”, со временем стало вызывать раздражение даже у американских союзников. К концу 2006 г. в США сложился новый подход к Северной Корее, предусматривающий активные двусторонние контакты и более конструктивную позицию на шестисторонних переговорах.

Некоторые американские эксперты склонны связывать изменение подходов администрации Дж. Буша в отношении Северной Кореи с ее желанием улучшить отношения с Китаем. Эту точку зрения высказал в интервью японскому журналу “Тюокорон” руководитель Отдела проектов обеспечения безопасности в Северо — Восточной Азии Исследовательского совета общественных наук США Леон В. Сигал. “Почему это важно для президента Дж. Буша? Потому, что если не будет достигнута договоренность с КНДР, ситуация усугубится и будет подталкивать Японию к обострению соперничества с Китаем. А это не отвечает интересам безопасности США. Наша цель — побудить Китай к сотрудничеству” — поясняет Л. В. Сигал²⁰. По его мнению, имело место возвращение внешней политики США в русло традиционного реализма, характерного для основного течения республиканской партии. В применении к Северной Корее этот реализм выражается в следующих положениях: “Война с Северной Кореей невозможна; санкции также исключены; переговоры могут дать результаты и их следует вести”²¹.

При всей важности китайского направления во внешней политике США вряд ли только стремление укрепить связи с КНР подвигло администрацию Дж. Буша к изменению курса в отношении КНДР. Очевидно, Вашингтон был вынужден смягчить линию в отношении Северной Кореи в связи с мерами, предпринятыми Пхеньяном для укрепления собственной безопасности, в первую очередь в связи с ядерными испытаниями, проведенными в Северной Корее. Вероятно, на корректировку внешнеполитического курса США повлияли также неудачи в Ираке, победа демократической партии на выборах в сенат США в ноябре 2006 г. и ослабление позиций “неоконсерваторов”.

Новый курс Вашингтона стал приносить реальные плоды. 16—18 января 2007 г. в Берлине состоялись переговоры помощника госсекретаря США К. Хилла с заместителем министра иностранных дел КНДР Ким Ге Хваном. С 30 января по 1 февраля 2007 г. в Пекине представитель министерства финансов США Д. Глэйзер встречался с руководителем Банка внешней торговли КНДР О Хван Чолем (на этой встрече были согласованы шаги по разблокированию счетов Северной Кореи в “Банко Дельта Эйша”).

Эти двусторонние контакты подготовили условия для проведения третьей сессии пятого раунда шестисторонних переговоров. Она состоялась 8—13 февраля 2007 г., на ней была принята “Совместная договоренность о ядерном разоружении Северной Кореи”. Документ предусматривал осуществление в течение первоначального этапа в 60 дней ряда мер: закрытие и опечатывание ядерного оборудования в Ёнбёне, включая оборудование по переработке ядерного топлива; приглашение инспекторов МАГАТЭ для проведения необходимых инспекций, согласованных между КНДР и МАГАТЭ; обсуждение всеми участниками переговоров полного списка ядерных программ Северной Кореи; начало двусторонних переговоров КНДР с США и Японией о нормализации двусторонних отношений. В ответ Китай, Россия, Республика Корея, США и Япония должны были предоставить Пхеньяну в начальный период “чрезвычайную помощь”, эквивалентную 50 тыс. т мазута. На следующем этапе намечалось предоставление КНДР исчерпывающей декларации обо всех ядерных программах и вывод из строя всего имеющегося ядерного оборудования в обмен на экономическую, энергетическую и гуманитарную помощь Северной Корее, эквивалентную стоимости 1 млн т мазута. Документ не содержал упоминаний о том, как следует поступить с уже имеющимися у КНДР ядерными устройствами²². (По некоторым данным, к августу 2007 г. Северная Корея располагала 7—9 атомными взрывными устройствами)²³.

“Совместная договоренность” от 13 февраля 2007 г. также определяла создание пяти рабочих групп: по денуклеаризации Корейского полуострова, по нормализации отношений КНДР с США, по нормализации отношений КНДР с Японией, по сотрудничеству в экономике и энергетике, по созданию механизма мира и безопасности в Северо—Восточной Азии. Заседание рабочей группы по нормализации японо-северокорейских отношений проходило 7—8 марта 2007 г. в Ханое. Представители КНДР прервали заседание раньше намеченного срока, так как японская сторона вновь подняла вопрос похищений²⁴.

Токио поддержал соглашение, достигнутое на шестисторонних переговорах 13 февраля, но объявил об отказе участвовать в предоставлении помощи КНДР до тех пор, пока не будет урегулирована проблема похищений. Газета “Эмиури” сообщила, что соглашение от 13 февраля привело ряд официальных лиц в Японии в замешательство, так как “плохое поведение КНДР обернулось выгодой для нее”²⁵.

“Асахи” и “Джапан таймс” писали, что это соглашение едва ли было хорошей новостью для премьер-министра С. Абэ, так как он приобрел свою популярность в Японии главным образом благодаря непримиримости в отношении Пхеньяна²⁶.

Такой поворот событий вызывает параллели с “шоком Никсона” 1972 г. Тогда нормализация отношений США с КНР, которую Вашингтон предпринял без предварительного согласования своих действий с Токио, вызвала потрясение у японского политического руководства. В 2007 г. эксперты били тревогу по поводу провала внешней политики Японии на корейском направлении. Красноречивы заголовки некоторых материалов, опубликованных в 2007 г. в японских журналах: “Япония опаздывает: автобус американо-корейского компромисса отправляется без нас”, “Япония остается за рамками американо-северокорейского примирения”, “Япония на грани утраты международного доверия”.

Тем не менее официальный Токио непреклонно продолжал свою линию. 14 апреля 2007 г. истек 60-дневный срок первого этапа реализации февральского соглашения, и поскольку Пхеньян не выполнил свои обещания в связи с задержкой перевода денег из “Банко Дельта Эйша”, Япония продлила на полгода санкции против КНДР, введенные в октябре 2006 г.

Первая сессия шестого раунда шестисторонних переговоров состоялась 19—22 марта 2007 г., но не принесла результатов, так как в силу технических сложностей деньги из “Банко Дельта Эйша” все еще не были переведены в КНДР. В конечном итоге проблема была разрешена при участии российского Далькомбанка. 25 июня 2007 г. Пхеньян объявил, что 24 млн долл. прежде замороженных средств поступили в страну, и КНДР готова выполнять взятые обязательства. 15 июля КНДР официально объявила о закрытии ядерного комплекса в Ёнбёне, а на следующий день инспекторы МАГАТЭ провели проверку закрытых ядерных сооружений.²⁷

1—2 сентября в Женеве состоялась встреча помощника госсекретаря США К. Хилла с заместителем министра иностранных дел КНДР Ким Ге Хваном, на которой были согласованы детали шестого раунда шестисторонних переговоров. 27—30 сентября состоялись первые заседания шестого раунда. В их ходе участники переговоров признали выполненными цели первого этапа плана, согласованного в феврале 2007 г. 3 октября было опубликовано заявление об обязательстве Северной Кореи до конца 2007 г. вывести из строя все существующие ядерные сооружения и представить полный и точный отчет обо всех ядерных программах.

Можно констатировать серьезный прогресс в регулировании ядерной проблемы на Корейском полуострове, так как после осуществленного к 31 декабря 2007 г. вывода из строя сооружений в Ёнбёне Северная Корея не сможет производить оружейный плутоний, и кроме того КНДР подтвердил обязательство не передавать кому-либо ядерные материалы, технологии или ноу-хау²⁸. В дальнейшем предстоит решать задачи ликвидации запасов оружейного плутония и взрывных устройств. США также ставят целью прекращения Северной Кореей обогащения урана, но КНДР отрицает наличие у нее урановой программы. В любом случае дальнейший переговорный процесс будет длительным и очень трудным в силу накопившегося взаимного недоверия КНДР и США с их союзниками.

Позиция Японии вела ее к определенной изоляции на шестисторонних переговорах, что позволило Пхеньяну заявить о желании вывести ее из переговорного процесса. В ходе американо-японского саммита во время визита премьер-министра Японии С. Абэ в США 27 апреля 2007 г. японский руководитель не смог добиться от Дж. Буша недвусмысленной поддержки курса Токио в отно-

шении КНДР. Госсекретарь США К. Райс сообщила С. Абэ, что США не намерены связывать вопрос об исключении Северной Кореи из списка государств, поддерживающих терроризм, с проблемой похищений людей. (Пхеньян добивается от США исключения КНДР из перечня государств, поддерживающих терроризм, поскольку это позволило бы Северной Корее получать техническую и финансовую помощь от международных финансовых институтов, включая Всемирный банк и Международный валютный фонд. Кроме того, КНДР настаивает, чтобы США не распространяли на нее действие закона "О торговле с вражескими государствами". Американская сторона обещала пойти навстречу Пхеньяну по мере урегулирования ядерной проблемы).

Позиция японского руководства по корейской проблеме встречает противодействие со стороны некоторых японских политиков. Видный деятель правящей ЛДП, руководитель партийного Бюро исследования вопросов обеспечения безопасности Т. Ямасаки выступает за диалог с КНДР. Вопреки отрицательному отношению правительства Японии и руководства ЛДП он по своей инициативе предпринял в январе 2007 г. неофициальный визит в КНДР и провел переговоры с ее руководством. В статье, опубликованной в журнале "Тюокорон", он ставит вопрос: неужели правительство С. Абэ не обратило внимания на смену курса США в отношении Северной Кореи? Т. Ямасаки видит в этом большой просчет японской дипломатии. Он полагает, что путь давления на Пхеньян не только не приведет к решению вопроса похищений, но и навредит национальным интересам Японии. По его мнению, проблемы в отношениях Японии с КНДР необходимо решать в следующей последовательности: ядерное оружие, средства доставки, вопрос похищений, экономическое сотрудничество, нормализация межгосударственных отношений. Т. Ямасаки подчеркивает, что именно Япония должна ставить на первое место задачу ликвидации ядерного потенциала, поскольку находясь в непосредственной близости от Корейского полуострова, страна может понести наибольший урон в результате применения против нее северокорейских ядерных средств²⁹.

Ряд японских специалистов обращают внимание на ощутимый разрыв в интересах безопасности США и Японии в связи с проблемами ядерного и ракетного оружия Северной Кореи. Профессор Токийского университета А. Танака пишет: "Предположим, что Северная Корея добьется успеха в разработке ядерной боеголовки для ракеты "Нодон" (Япония оказывается в зоне действия такой ракеты). В этом случае возникает теоретическая возможность ядерной атаки против Японии, причем период полета ракеты составит 10 минут. Если к этому времени Северная Корея не сможет успешно испытать ракету типа "Тэпходон-2" и разработать ядерную боеголовку, которую указанная ракета могла бы доставить до территории США, то для Америки не возникнет прямой угрозы — такая угроза будет существовать только для Японии"³⁰. Профессор Токийского университета М. Оконоги подчеркивает: "В подходе США, а также в резолюции Совета Безопасности ООН основное внимание уделяется концепции нераспространения, то есть упор сделан на предотвращение передачи из Северной Кореи за ее пределы ядерных материалов и технологий. Но для Японии угроза применения ядерного оружия имеет характер прямой угрозы"³¹. В связи с этим авторитетный японский эксперт — профессор Университета Сидзуока Х. Идзуми полагает целесообразным в рамках шестисторонних переговоров по ядерной проблеме организовать "особый форум" для консультаций представителей Японии, США и КНДР с целью ликвидации северокорейских ракет³².

Таким образом, объективные интересы обеспечения безопасности Японии требуют от руководства страны приоритетных усилий для разрешения проблем ядерного и ракетного оружия Северной Кореи. Между тем правительственный кабинет С. Абэ продолжал линию жесткой увязки шестисторонних переговоров с проблемой похищений.

Американский эксперт Л.А. Сигал в упомянутом выше интервью предостерегал японскую сторону, заявив, что «если Токио в отношении Пхеньяна будет по-прежнему цепляться за тему похищений, Япония окажется в тупике».

Сигал полагает, что президент США Дж. Буш продвинулся вперед в отношениях с Северной Кореей, оставив японского премьер-министра позади. По его мнению, на последующих раундах шестисторонних переговоров северо-корейская сторона может сосредоточиться на проблеме исключения КНДР из составленного США перечня государств, поддерживающих терроризм. Япония настаивает на том, что США не должны выводить Северную Корею из «черного списка» до тех пор, пока не будет разрешена пресловутая проблема похищений. Но в соответствии с законодательством США, на сегодня единственным легальным поводом для включения Северной Кореи в перечень стран, поддерживающих терроризм, остается только то, что Пхеньян укрывает членов левацкой группировки «Нихон сэкигун», в 1970 г. захвативших японский пассажирский лайнер и угнавших его в Северную Корею. Сегодня этим людям уже более 60 лет, все они хотят вернуться на родину, а власти КНДР начиная с 1988 г. заявляли о готовности передать бывших угонщиков Японии. В силу этого проблема исключения КНДР из списка стран, поддерживающих терроризм, может быть в скором времени разрешена. Не исключено, что Япония в этом вопросе окажется в международной изоляции³³.

В конце сентября 2007 г. было сформировано новое правительство Японии, возглавляемое премьер-министром Ясуо Фукуда. Этот политик известен как сторонник улучшения отношений Японии с ее азиатскими соседями. Японские эксперты, критикуя линию прежнего премьер-министра С. Абэ в отношении Пхеньяна, связывают с Я. Фукуда надежды на проведение более плодотворного курса в отношении Северной Кореи. Но смена правительства Японии пока не привела к серьезным изменениям в линии Токио в отношении Пхеньяна. После опубликования 3 октября 2007 г. заявления КНДР с обязательством вывести из строя все ядерные сооружения и представить полный и точный отчет обо всех ядерных программах, кабинет Я. Фукуда подтвердил отказ Японии участвовать в оказании экономической помощи Северной Корее. 9 октября 2007 г. Токио продлил на новый шестимесячный срок санкции против КНДР. В обоих случаях основанием служило отсутствие прогресса в разрешении проблемы похищений. Вместе с тем новый руководитель японского правительства демонстрировал более мягкий, чем его предшественник, тон в высказываниях о северо-корейских партнерах, давал высокую оценку продвижению на шестисторонних переговорах. В интервью «Кёдо цусин» 4 октября 2007 г. Я. Фукуда говорил, что прогресс в разрешении ядерной проблемы может создать подвижки в деле урегулирования японо-северо-корейских проблем, в особенности вопроса похищений. Со своей стороны, руководитель делегации КНДР в рабочей группе по нормализации японо-северо-корейских отношений Сон Иль Хо в интервью тому же агентству 6 октября отметил, что «линия премьер-министра Я. Фукуда, направленная на диалог с КНДР, заслуживает внимания»³⁴.

Тем временем после серьезного продвижения на шестисторонних переговорах, выразившегося в форме договоренностей от октября 2007 г., в переговор-

ном процессе вновь возникла длительная пауза. Очередной раунд переговоров, первоначально планировавшийся на декабрь 2007 г., до сих пор (к началу апреля 2008 г.) так и не состоялся. Камнем преткновения стал вопрос о предоставлении северокорейской стороной полного отчета о всех своих ядерных программах. В то время как представители КНДР утверждают, что в соответствии с договоренностями до конца 2007 г. передали американской стороне подробную информацию о своих ядерных разработках, американцы нашли предварительный вариант северокорейского отчета неудовлетворительным. В частности, Вашингтон не устраивало отсутствие следующих данных: 1) о степени реализации Северной Кореей проекта обогащения урана для создания ядерного оружия; 2) о количестве оружейного плутония, которым располагает КНДР; 3) о масштабах содействия, которое якобы оказывала Северная Корея Сирии в разработке этой страной своего ядерного оружия. Пхеньян последовательно отрицает наличие у него программы обогащения урана и отвергает обвинения в содействии зарубежным странам в осуществлении их ядерных проектов³⁵.

Следует особо отметить, что американская сторона стала требовать от КНДР сведений по трем перечисленным пунктам с конца ноября 2007 г. Это можно рассматривать как выдвигание новых, более трудных предварительных условий для исключения Северной Кореи из американского списка государств, поддерживающих терроризм, и перечня стран, в отношении которых применяется закон США "О торговле с вражескими государствами". США уже довели до сведения японской стороны, что не намерены увязывать исключение КНДР из "черных списков" с проблемой похищений. Но по предположениям японской прессы, Вашингтон ужесточил свою позицию под влиянием Японии, настаивающей на продолжении санкций против КНДР до урегулирования проблемы похищений, и это произошло после визита премьер-министра Я. Фукуда в США в ноябре 2007 г.³⁶

Со своей стороны КНДР в январе 2008 г. выразила недовольство задержкой странами-участницами шестисторонних переговоров выполнения обязательств по оказанию помощи Северной Корее и, следуя принципу взаимности, объявила о намерении снизить темпы работ по выведению из строя одного из своих ядерных объектов, а именно, замедлить извлечение использованных топливных элементов из 5-мегаваттного реактора в Ёнбёне.³⁷

Российский кореевед Александр Воронцов отмечал, что неурегулированность отношений между Вашингтоном и Пхеньяном детерминирует очередность смены фаз относительного затухания и резкого обострения конфликтности³⁸. Эксперты отмечают, что приход к власти в Сеуле в начале 2008 г. новой, более консервативной администрации президента Ли Мен Бака вдохновляет консерваторов в Вашингтоне. Сейчас в процессе урегулирования ядерной проблемы на Корейском полуострове может начаться новый этап, этап отступления в отличие от предшествовавшей фазы прорыва. В пользу такого предположения говорят участвовавшие выпады высокопоставленных представителей американской администрации против Пхеньяна. Так, специальный посол США по вопросам прав человека в Северной Корее Дж. Левковиц в лекции 17 января 2008 г. выразил разочарование в связи с затянувшимся застоем в деле урегулирования ядерной проблемы КНДР, подчеркнул необходимость рассмотрения новой стратегии в отношении Северной Кореи и высказался за оказание на нее нажима³⁹.

Ситуация в связи с шестисторонними переговорами сегодня находится в хрупком равновесии. Продвижения вперед нет, но налицо важная характеристика, которая прежде отсутствовала: прямой контакт и диалог между США и

Северной Кореей. В начале декабря 2007 г. президент США Дж. Буш направил всем участникам шестисторонних переговоров, включая руководство КНДР, послания. В письме лидеру КНДР американский президент призвал Пхеньян выполнить обязательство представить полный и точный отчет о своих ядерных программах. Прямое обращение лидера США к руководству Северной Кореей повышает международный авторитет этой страны. Ослаблению международной изоляции КНДР послужили и гастроли Нью-йоркского симфонического оркестра в Пхеньяне, состоявшиеся в конце февраля 2008 г. по инициативе северо-корейской стороны.

Что касается позиции Японии, то хотя руководитель нынешнего кабинета министров Японии Я. Фукуда несколько смягчил тон полемики по поводу проблемы похищений, реальной смены линии в этом вопросе не произошло. Если реалистам в американской администрации удастся удержать положительные тенденции в процессе шестисторонних переговоров и продолжить путь к обеспечению безъядерного статуса Корейского полуострова, то объективно инерционная позиция Токио будет играть в отношении этих тенденций роль тормоза. Если же у американцев возобладает откат к конфронтации с Северной Кореей, то вектор Токио снова совпадет с направленным на минус вектором Вашингтона. Но независимо от подхода США национальные интересы Японии требуют отказа во внешней политике от односторонней ориентации на проблему прошлого и выстраивания с КНДР конструктивных и добрососедских отношений.

1. Андзэн хосегаку ньюмон [Введение в науку обеспечения безопасности] // Аки себо. Токио, 2003. С. 297.
2. Жебин А. Ядерный кризис в Корее и интересы безопасности России // ПДВ. 2004. N 2. С. 7.
3. Танака Акихико. Китай дэжинай кита тесэн но каку хайдзэцу [Надежды на ликвидацию Северной Кореей ядерного оружия беспочвенны] // Рондза. 2006. N 12. С. 40.
4. Оконоги Масао. Кита тесэн но каку дзиккэн о юрусита моно [Что позволило Северной Корее провести ядерные испытания] // Рондза. 2006. N 12.
5. Сунохара Цусеи. Китатесэн какудзиккэн то Буссю сэйкэн но сэнряку [Ядерные испытания Северной Кореей и стратегия администрации Буша] // Гайко фуораму. 2006. № 12. С. 16.
6. Там же. С. 17.
7. Six-Party Talks on North Korean Issues (Overview and Evaluation), Sept. 2003. — http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/6party0308.html.
8. Подробно см.: Гринюк В.А. Проблема “похищенных японцев” в отношениях Японии и КНДР // Япония 2006. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2006. С. 55-70.
9. <http://www.asahi.com/special/nuclear/ТКУ200509190073.html>.
10. http://yomiuri.co.jp/features/eank/200507/ea20050712_01.htm.
11. Ёмиури. 2004. 25 мая.
12. Стоит отметить, что тема похищений в силу ее эмоционального характера находится в центре внимания японцев. Согласно опросу, проведенному в октябре 2005 г. канцелярией правительства Японии, проблема похищений занимала 90% опрошенных, вопрос ядерных разработок в КНДР — 66%, северокорейские ракеты — 61%. (Санкэй. 2004. 11 янв.). Имея это в виду можно говорить о давлении общественного мнения, подталкивающим японское правительство к жесткости в отношении КНДР.
13. Нодон синмун. 13 июля (цит. По: Асахи. 15 июля).
14. Арая Токико. Роккаоку кеги сюдзай никки [Дневник работы по освещению шестисторонних переговоров] // Роназа. 2006. N 3. С. 137—138.

15. *Kang D.* (Dartmouth College), *Lee J. Y.* (Georgetown University) // Japan — Korea Relations. Missiles and Prime-Minister May Mark a Turning Point. — www.csis.org/media/isis/pubs/0603japan_korea.pdf.
16. *Kang D.* (Dartmouth College), *Lee J. Y.* (Georgetown University) // Japan — Korea Relations: Abe's Ascension. — www.org/media/isis/pubs/0604qapan_korea.pdf.
17. *Gross D. G.* The Atlantic Council of The United States. US-Korea Relations. North Korea Tests a Nuke and Returns to the Six-Party Talks. — www.csis.org/media/isis/pubs/0604qus_korea.pdf.
18. *Kang D.* (Dartmouth College), *Lee J. Y.* (Georgetown University) // Japan-Korea Relations: Abe's Ascension. — www.org/media/isis/pubs/0604qapan_korea.pdf.
19. Ibid.
20. *Сигал Л. В.* Рати хайсэн. Нихон ва китатесэн мондай дэ тимэйтэкина корицу ни оикомарэру. [Поражение по поводу похищений. Япония впадает в фатальную изоляцию в связи с проблемами Северной Кореи] // Тьюкорон. 2007. N 8. С. 161.
21. Там же. С. 162-163.
22. *Cossa R. A.* Pacific Forum CSIS, Brad Glosserman, Pacific Forum CSIS. Regional Overview: Renewed Hope in the Year of the Golden Pig. — www.csis.org/media/isis/pubs/0701q.pdf.
23. *Сигал Л. В.* Указ. соч. С. 159.
24. *Cossa R. A.* Op. cit.
25. *Kang D.* (Dartmouth College), *Lee J.-Y.* (Georgetown University) // Japan-Korean Relations. The Honeymoon's Over. — www.csis.org/media/isis/pubs/0701qjapan_korea.pdf.
26. Ibid.
27. *Gross D. G.* (Atlantic Council of the United States), *Oh H.* (Holland and Knight LLP) // US-Korea Relations: Agreement with the North, Progress with the South. — www.csis.org/media/isis/pubs/0703qus_korea.pdf.
28. *Cossa R. A., Glosserman B.* Pacific Forum CSIC // Regional Overview: Multilateral Progress Pending on Multiple Fronts. — www.csis.org/media/isis/pubs/0703q_overview.pdf.
29. *Таку Ямасаки.* Бэйте даке, нихон ва басу ни нориокурэру [Япония опаздывает — автобус американско-корейского компромисса отправляется без нас] // Тьюкорон. 2007. N 3. С. 138-140.
30. *Танака Акихико.* Указ. соч. С. 42.
31. *Оконоги Масао.* Указ. соч. С. 31.
32. *Идзуми Хадзимэ.* Бэйте вахэй тайсэй ни нихон ва торинокосарэру [Япония остается за рамками американско-северокорейского примирения] // Тьюкорон. 2007. N 11. С. 69.
33. *Сигал Л. В.* Указ. соч. С. 165.
34. *Kang D.* (Dartmouth College), *Lee J. Y.* (Georgetown University) // Japan-Korea relations: Lost in the Six-Party Talks. — www.csis.org/media/isis/pubs/0704qjapan_korea.pdf.
35. *Gross D. G.* (Atlantic Council of the United States), *Oh H.,* (Holland and Knight LLD) // US-Korea relations: North Korea Disables Facilities, But Resists Declaration. — www.csis.org/media/isis/pubs/0704qus_korea.pdf.
36. Емиури. 2007. 6 дек.
37. *Gross D. G.* (Atlantic Council of the United States), *Oh H.,* (Holland and Knight LLD) // US-Korea relations: North Korea Disables Facilities, But Resists Declaration. — www.csis.org/media/isis/pubs/0704qus_korea.pdf.
38. *Воронцов А.В.* Ядерная проблема Корейского полуострова и политика США. Корея: взгляд из России // Доклады, представленные на XI научной конференции корееведов России и стран СНГ, Москва, 29-30 марта 2007 г. М., 2007. С. 41.
39. Емиури. 2008. 19 янв.

Наградная система как инструмент государственной политики Китая

© 2008

О. Розанов

Наградная система является неотъемлемым институтом любого современного государства. Ее главное предназначение состоит в содействии мобилизации усилий населения на решение приоритетных общегосударственных задач. С помощью этой системы обеспечивается признание и поощрение заслуг граждан в различных областях жизни и деятельности, их мужества и отваги, проявленных в интересах своей страны.

В этой связи наградные системы можно отнести к числу важных инструментов государственной политики и идеологии.

Роль и место наградной системы в политике и идеологии Китая пока еще не были в достаточной степени исследованы в России и за рубежом. Вместе с тем процесс формирования, развития и трансформации этой системы у нашего дальневосточного соседа на различных этапах его исторического развития с конца XIX в. по настоящее время заслуживает внимательного рассмотрения и анализа.

Ордена Цинской империи

Практика поощрения наградами существовала в Китае задолго до начала формирования в XX в. наградной системы в ее современном понимании. Эти награды имели характер материального вознаграждения либо повышения общественно-политического статуса награждаемого. До начала политики реформ в конце 1860 — начале 1870-х гг. в Китае не учреждались ордена или медали. Знаки отличия на мундирах и гражданской одежде иностранцев первоначально рассматривались как "атрибуты варваров"¹.

Сторонники реформ придавали большое значение привлечению в страну иностранных специалистов. Им платили высокую зарплату, а также стремились найти и другие формы поощрения. В связи с разгромом Тайпинского восстания возникла идея награждать иностранцев специальными знаками. На втором году правления императора Тунчжи (1863 г.) лянцзянский губернатор Чун Хоу ходатайствовал о награждении "Драгоценными звездами" иностранных советников, которые оказали помощь в подавлении этого восстания, а затем в Тяньцзине занимались обучением цинских войск². На "Драгоценных звездах", которыми Чун Хоу получил санкцию наградить иностранцев, имелась надпись "императорское пожалование" и изображение двух драконов. Постепенно подобные награждения получили распространение.

В 7-й год правления Гуансюя (1881 г.) Цзунли ямэнь (созданное в 1861 г. ведомство, ведавшее сношениями со странами Запада) с высочайшего позволения обнародовал "Положение о награждении иностранцев Драгоценными звездами". Это заложило нормативную базу для формирования современной наградной системы. В соответствии с этим документом "Драгоценная звезда" получила официальное наименование: орден Драгоценной звезды с двумя драконами. Орден имел в общей сложности одиннадцать степеней, которые были сгруппированы в пять классов. Каждая степень предназначалась для награждения лиц, находившихся на конкретной ступени социальной и карьерной лестницы: от высшего класса — для монархов, членов их семей, титулованных особ, министров, фельдмаршалов и послов до четвертого и пятого классов — для военнослужащих и гражданских лиц с невысокими чинами и рангами, деятелей искусства, коммерсантов и т.п.³

С середины 1870-х гг. Цинская империя вступила после потрясений середины века в фазу "реставрации". Эта фаза характеризовалась, во-первых, краткой полосой внутреннего гражданского мира и спокойствия; во-вторых, глубокой послевоенной разрухой, превратившей Китай в "больного человека Азии"⁴. В условиях сложной внутренней и внешней обстановки власть нуждалась в дополнительных инструментах стимулирования и поощрения своих подданных. Ситуация, когда награждать китайским орденом иностранцев было можно, а для китайцев это не предусматривалось, становилась все более абсурдной.

Поражение в войне с Японией 1894—1895 гг., восстание ихэтуаней и международная интервенция в 1900 г., итоги русско-японской войны 1904—1905 гг. серьезно ослабили Цинский режим. Китай из доминирующего государства деградировал в "полуколонию", утратил часть суверенитета. В поисках средств мобилизации как элиты, так и простых людей на решение актуальных задач, связанных с выживанием государства, правящие круги постепенно осознали насущную потребность в наградном инструментарии. В 34-м году правления Гуансюя (1908 г.) министерство иностранных дел вышло с инициативой не ограничивать иностранцами круг лиц, награждаемых орденами Драгоценной звезды с двумя драконами, а удостаивать этими наградами также чиновников МИД и посланников империи за рубежом. Кроме того, предусматривалась возможность награждения подданных Китайской империи наградными знаками ("бирками") за заслуги в области коммерции, промышленности и сельского хозяйства. В феврале 3-го года правления Сюаньтуна (1911 г.) императорский двор обнародовал "Положение об орденах", согласно которому учреждалось еще пять орденов. Еще до официального опубликования этого "Положения", в 1910 г. МИД направил эскизы орденских знаков на монетный двор Австро-Венгерской империи. Однако когда они были изготовлены, династия Цин уже пала, и на практике награждения ими не осуществлялись⁵.

Награды, рожденные революцией

Осенью 1911 г. в Китае началась революция, получившая название Синьхайской. В это же время рычаги реальной власти в Пекине переходят в руки генерала Юань Шикая. В декабре 1911 г. в Шанхай из длительной эмиграции возвратился Сунь Ятсен. Делегаты от 17 южных провинций на конференции в Нанкине избирают его временным президентом. Хотя новому президенту не хватало реальной власти, руководимое им правительство смогло выработать Временную

конституцию. Осознавая значение, которое могла бы иметь собственная наградная система, новая власть в самые сжатые сроки учреждает три ордена: Девяти треножников, Тигра и медведя и Пробудившегося льва⁶. В силу дальнейшего развития политической обстановки этим орденам не суждено было стать реальным наградным инструментарием. Тем не менее в истории китайской наградной системы они занимают важное место, так как по существу являются первыми официальными наградами республиканского Китая.

После отречения 12 февраля 1912 г. императора Пу И, Юань Шикай принял предложение Юга занять пост президента. При Юань Шикае в Китае сложился причудливый синтез азиатского деспотизма, милитаризма и некоторых современных политических форм⁷. Китайское общество оказалось в состоянии глубокого раскола, жило в атмосфере страха и политического произвола, гипертрофированного влияния иностранных держав и иностранного капитала.

Режим Юань Шикай быстро осознал необходимость формирования национальной наградной системы. Уже в июле 1912 г. был учрежден Большой орден, получивший статус высшего, а также орден Чудесного колоса. Большой орден имел одну степень и предназначался лишь для награждения президента Китая и глав зарубежных государств. Орден Чудесного колоса имел девять степеней. Им награждали за заслуги в научной деятельности и других сферах, имеющих практическую ценность для государства и общества. Наименование ордена связано с известным в Китае с давних времен понятием “чудесный колос”, т.е. необычайно крепкий и здоровый колос, изображение которого считается символом счастья⁸. В декабре 1912 г. учреждаются ордена Белого орла и Просвещенного тигра для награждения военных от генералов и адмиралов (первые и вторые степени) до сержантов и рядовых (седьмая — девятая степени). В январе 1915 г. был учрежден орден Грушевой тени, предназначавшийся прежде всего для награждения губернаторов и других руководителей провинциального уровня.

После скоропостижной кончины Юань Шикай в июне 1916 г. пост президента занял вице-президент Ли Юаньхун, который восстановил конституцию 1912 г. и собрал разогнанный парламент. В Китай из эмиграции возвратились деятели оппозиции, в том числе и Сунь Ятсен.

При Ли Юаньхуне наградная система пополнилась лишь одним орденом, который, скорее, можно рассматривать как некое “дополнение” к уже существовавшему: в октябре 1916 г. был учрежден орден Чудесного колоса в драгоценном сиянии. Он имел пять степеней. Кроме того, в 1917 г. были введены в действие “особые наградные знаки” в пяти степенях, которые предназначались для знати Монголии, Тибета и мусульманских районов Западного Китая. Пекин в данном случае пытался использовать наградной инструментарий для противодействия центробежным процессам в регионах.

К 1916 г. Китай сохранял лишь видимость единого государства. Региональные лидеры — “милитаристы”, находившиеся на введенных Ли Юаньхун постях генерал-губернаторов (дуцзюней), признавали власть центрального правительства лишь номинально. Несмотря на чехарду в руководящих структурах, претенденты на роль центральной власти в своих попытках наладить систему государственного управления не забывали о таком инструменте, как наградная система. В феврале 1921 г. был учрежден орден Милосердия. Он предназначался для награждения женщин за благотворительную деятельность и материальные пожертвования на государственные нужды. В октябре 1925 г. учреждаются ордена Золотого льва для военнослужащих и гражданских чиновников и

Звездного облака — для поощрения за заслуги вне зависимости от социального положения награждаемого.

В 1919 г. Сунь Ятсен воссоздает партию Чжунго Гоминьдан (Китайская национальная партия). В апреле 1921 г. в Гуанчжоу (Кантоне) он был избран Чрезвычайным президентом Китайской республики. Пекинское правительство, иностранные державы и дучжюни других регионов не признали его в этом качестве. Однако руководимый Сунь Ятсеном Гоминьдан привлекал все большее внимание Коминтерна, рекомендовавшего Компартии Китая создать с ним единый национальный антиимпериалистический фронт. КПК приняла рекомендованную ей формулу: индивидуальное вступление коммунистов в Гоминьдан при сохранении политической и организационной самостоятельности Компартии. В июле 1925 г. правительство в Гуанчжоу объявило себя общенациональным, ведущим борьбу за политическое объединение Китая под своей властью. В ГМД в это время укрепились позиции Чан Кайши, ставшего после смерти Сунь Ятсена (март 1925 г.) главнокомандующим вооруженными силами Юга.

В ходе революции 1925—1927 гг. в числе главных стояли задачи восстановления национального суверенитета, ликвидации власти дучжюней, политического объединения страны. Отсутствие единства, а затем крах идеи сотрудничества между Гоминьданом и КПК, сопротивление влиятельных дучжюней при поддержке некоторых иностранных держав, прежде всего Японии, не позволили до конца ликвидировать власть провинциальных лидеров. К тому же с 1927 г. началось жесткое, близкое к гражданской войне противоборство между сторонниками Гоминьдана и КПК, продолжавшееся вплоть до начала японо-китайской войны в 1937 г.

После подавления крупных вооруженных выступлений коммунистов в 1927 г. и относительного успеха в ожесточенных боевых столкновениях в 1928 г. с “северными” дучжюнями, в середине 1928 г. правительство ГМД в Нанкине объявило себя общенациональным. Перед новой властью, реально заявлявшей о своих правах в качестве власти центральной, стояли задачи налаживания системы эффективного государственного управления и политико-идеологического воздействия на граждан своей страны. Чан Кайши осознавал важность в этом плане национальной наградной системы, которую он решил строить с “чистого листа”. В 1929 г. все ранее учрежденные ордена и другие наградные знаки были упразднены.

Формирование наградной системы Гоминьдана

15 мая 1929 г. правительство Гоминьдана приняло Положение о наградах и учредило два ордена: Синего неба и белого солнца и Драгоценного треножника. Орден Синего неба и белого солнца предназначался для награждения военнослужащих вне зависимости от их звания за особые заслуги в защите Родины. Главным и в наименовании ордена, и в его символике стал государственный герб Китайской Республики: “Белое солнце на синем небе”⁹.

Орден Драгоценного треножника предназначался для награждения за особый вклад в дело отражения иностранной агрессии, прекращения внутренних междоусобиц и обеспечения стабильности в стране. В центре знаков и звездды ордена — изображение треножника, символизирующего опору государства.

В целях массового стимулирования военнослужащих, в первую очередь сержантского и рядового состава, 15 августа 1929 г. была учреждена Медаль трех видов вооруженных сил¹⁰.

Государственное строительство и управление в Китайской Республике, решение жизненно важных проблем в экономической и политической сферах в 1930—1940-х гг. были крайне затруднены агрессией Японии и продолжавшимся в стране внутривластным противоборством, в том числе в форме вооруженной борьбы, в которую были вовлечены Гомиьндан, КПК и античанкайшистская некоммунистическая оппозиция. В этих условиях правительство ГМД, осознавая значение наградной системы как неотъемлемого атрибута и инструмента власти и государственного управления, уделяло ее развитию значительное внимание. Согласно правительственному декрету от 23 ноября 1931 г. в этой системе появляется такая категория, как наградное оружие — Почетная сабля “Пробуждающийся лев”¹¹. 2 декабря 1933 г. учреждается орден Сверкающего нефрита. Он подразделялся на две категории. Большого ордена Сверкающего нефрита на Большой ленте, который имел одну степень, могли быть удостоены председатель правительства Китайской Республики и главы иностранных государств. В центре знака и звезды ордена — выполненное из нефрита изображение национального символа Китайской Республики: Белого солнца на синем небе. Орден Сверкающего нефрита, учрежденный в девяти степенях, предназначался для награждения гражданских лиц, в том числе иностранцев, за заслуги перед государством и обществом.

В 1935—1936 гг. были учреждены орден Знамени в облаках и орден “В ознаменование 10-й годовщины принятия присяги Национально-революционной армией”, которыми награждали военнослужащих.

В марте 1937 г. в наградной системе гомиьндановского правительства появляется медаль “В память инцидента в Сиане”. Указанной медалью были поощрены за лояльность чиновники и военнослужащие, “достойно проявившие” себя во время событий декабря 1936 г. в Сиане.

Война и награды

С началом в июле 1937 г. японо-китайской войны правительство ГМД, оказавшись перед необходимостью стимулирования и поощрения своих военнослужащих к активной и самоотверженной борьбе с агрессором, оперативно укрепляет наградной инструментарий. В этих целях уже 7 сентября 1937 г. учреждаются медали Славы и Надежный оплот, 8 ноября 1937 г. — орден Национальной славы, в апреле 1938 г. — медаль “Честь сияющего шлема”.

С учетом превосходства японской авиации и тяжести ущерба от ее бомбардировок исключительное значение приобрели действия ВВС Гомиьндана. Правительство Китайской Республики “отреагировало” на эту ситуацию учреждением 3 декабря 1937 г. ордена Возрождения и славы, предназначавшегося специально для военнослужащих ВВС Китая, а также для иностранных летчиков, воевавших на китайской стороне с японцами.

В течение японо-китайской войны правительство ГМД, нуждаясь в инструментах поощрения и поддержания нужного морально-политического состояния подконтрольных ему сил, развивало свою наградную систему. 12 февраля 1941 г. учреждается орден Сунь Ятсена на Большой ленте, названный в честь “отца-основателя” современной китайской государственности. Орден имел одну степень и предназначался для тех, кто сыграл важную руководящую роль в государственном строительстве и обеспечении стабильности в стране. В централь-

ном медальоне звезды ордена — профильный портрет Сунь Ятсена. В центре знака ордена — изображение его трактата “Три народных принципа”¹².

Одновременно были учреждены ордена Благословенных облаков и Сияющей звезды, оба в девяти степенях. Ими награждали за заслуги перед государством и обществом¹³.

23 сентября 1944 г. наградная система правительства Гоминьдана пополняется орденами Верности и доблести, Верности и усердия, предназначавшимися для награждения военнослужащих¹⁴.

14 июня 1945 г. учреждается сразу четыре ордена для военнослужащих ВВС. Орден Великого единения — для награждения высшего командного состава за обеспечение господства в воздухе и успешное проведение боевых операций стратегического значения. Орден Космической диаграммы (Магического креста) — для пилотов, проявивших доблесть в воздушных боях и при выполнении других боевых заданий. Орден Книги природы (Магического квадрата) — за обеспечение поддержки и прикрытия с воздуха при проведении боевых операций другими видами вооруженных сил на суше и на море. Орден Грандиозного начала (Небесной триграммы) — за участие в совместных боевых операциях с подразделениями армии и флота, завершившихся крупным успехом¹⁵.

Конец японо-китайской войны ознаменовался учреждением 10 октября 1945 г. ордена Победы в войне сопротивления агрессии, имеющего одну степень. В центре знака ордена — изображение Чан Кайши в военном мундире. Им награждали за большой вклад в дело победы над Японией граждан Китайской Республики, а также сражавшихся на ее стороне иностранцев. Награждения осуществлялись в течение одного года со дня учреждения. В 1946 г. учреждаются медали Победы в войне сопротивления агрессии и “В память победы в войне сопротивления агрессии” для награждения лиц, служивших в рядах вооруженных сил или на государственных гражданских должностях в период восьмилетней японо-китайской войны. На аверсе последней изображен мост Лугоуцяо (“мост Марко Поло”), со столкновения близ которого 7 июля 1937 г. началась эта война¹⁶. Медалью “В память победы...” награждались и иностранцы. В августе 1975 г., в 30-ю годовщину победы над Японией, медали были вручены послом Китайской Республики (Тайваня) в США примерно двумстам ветеранам подразделения американских ВВС, прославившегося в войну под именем “Летающие тигры”¹⁷.

В декабре 1945 г. в наградной системе ГМД появляется медаль Верности и честности, которой удостоивались лица, получившие ранения в ходе боевых действий по защите Китайской Республики. Внешне она похожа на аналогичную по смыслу медаль США “Пурпурное сердце”.

После окончания Второй мировой войны в Китае развернулась борьба за власть между двумя основными военно-политическими силами: КПК и ГМД. Эта борьба переросла в гражданскую войну, продолжавшуюся с 1946 г. по 1949 г. К осени 1949 г. Чан Кайши со своими сторонниками при поддержке США переместился на Тайвань. В марте 1950 г. он стал во главе этого образования. После смерти Чан Кайши в 1975 г. руководство на острове перешло в руки его сына Цзян Цзинго. Только в 1987 г. на Тайване было отменено “военное положение”.

Наградная система Тайваня

В наградной системе Гоминьдана в его “тайваньский период” сохраняются и официально признаются ордена и медали, учрежденные с 1929 г., хотя не

все из них используются на практике. Тайваньские власти продолжили развитие этой системы. В апреле 1958 г. была учреждена Медаль почета для награждения военнослужащих и гражданских лиц за заслуги перед государством в противодействии “коммунистической угрозе”, а также за выдающиеся изобретения и открытия и за успешную инновационную деятельность в промышленности.

12 июля 1971 г. была учреждена медаль Грядущей победы, которой награждаются военнослужащие всех родов войск Тайваня.

11 января 1980 г. состоялось учреждение ордена Чан Кайши (ордена Чжунчжэна) на Большой ленте. Он имеет одну степень. Входит в число высших наград Тайваня, занимая в иерархии орденов третье место после Большого ордена Сверкающего нефрита на Большой ленте и ордена Сунь Ятсена на Большой ленте. Им награждают “за особые заслуги в деле строительства, укрепления и развития государства, за большой вклад в сохранение и возрождение отечественной культуры, за проведение в жизнь демократических реформ”. На знаке ордена в центральном медальоне, выполненном в форме цветка китайской сливы (мэйхуа), одного из популярных национальных символов Китая, помещено изображение книги — Конституции Тайваня (“Китайской Республики”). В центре звезды ордена — два иероглифа: “чжун” и “чжэн”, воспроизводящих имя Чан Кайши (его имя по рождению — Цзян Чжунчжэн)¹⁸.

Наградную систему правящие круги Тайваня активно используют для поощрения тех, кто внес значительный вклад в осуществление и совершенствование государственного управления, в решение приоритетных задач, поставленных руководством страны, в развитие ее благосостояния, экономики и культуры. С 2000 по 2007 гг. орденами высших рангов был награжден 81 тайванец. Среди них — лица, занимавшие должности министров, руководящие посты в парламенте, Совете национальной безопасности, администрации президента, дипломаты. Высших орденов в указанный период удостоились пять тайваньских писателей, четыре спортсмена, крупный бизнесмен, буддийский монах, мастер танца, художник и режиссер¹⁹.

К середине 1990-х гг. Тайвань завершил переход от авторитарной модели режима к демократической, что подкреплялось его успешным развитием в экономической сфере.

Наградные инструменты Компартии Китая

Коммунистическая партия Китая и связанные с нею организации выпустили много собственных наградных и памятных знаков со времени образования Китайской Республики, особенно в период войны с Японией и гражданской войны 1946—1949 гг. Знаки выпускали руководимые КПК профессиональные и крестьянские союзы, местные органы и некоторые организации, действовавшие на территориях, контролируемых Компартией, отдельные подразделения ее вооруженных сил. Вручение многих знаков было связано с присвоением почетных званий, которые условно можно подразделить на две основные категории: “герой” (“боевой герой”, “герой ополчения”, “герой труда”, “герой учебы”) и “образцовый” (“образцовый труженик”, “образцовый партиец”, “образцовый кадровый работник”).

Существовали и другие почетные звания, но они применялись реже: “мастер” (например, “технический мастер”), “ударник” (“ударник прядильного

производства”), “передовик” (“передовик железнодорожных войск”) и др. Со временем получает распространение почетное звание “заслуженный деятель”.

В годы войны с Японией, а также в период гражданской войны 1946—1949 гг. большинство наградных знаков выпускалось армейскими структурами или было связано с боевой деятельностью. Появляются медали, получившие наименование в честь политических лидеров и известных военачальников. В их числе “Медаль Мао Цзэдуна” Северо-восточной демократической армии, медаль “Меткий стрелок Линь Бяо” 10-й колонны Северо-восточной демократической армии, медаль “Отличный гранатометчик Чэнь И”, выпущенная штабом и политотделом Бохайского военного района, медаль одного из соединений “Отличный гранатометчик Хэ Луна”. Стали выпускаться и медали, причем некоторые в нескольких степенях, в честь конкретных боев и сражений. Среди них медаль “За Цзинаньскую битву”, выпущенная специальной школой колонны сил особого назначения Восточно-китайской полевой армии, медаль “В ознаменование освобождения Тайюаня” 60-го корпуса Первой полевой армии, медаль “Герой Дуцзянского сражения” 16-го корпуса Второй полевой армии и др.²⁰

До 1949 г. ордена как категория наград компартией Китая и связанными с ней организациями не учреждались. К ним относились как к чуждой “атрибутике”, ассоциировавшейся с чанкайшистским режимом.

Наградная система Китайской Народной Республики

После провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики практика выпуска и вручения организациями и ведомствами различного уровня наградных и памятных знаков была продолжена. В начале 1950-х гг. большую часть по-прежнему составляли знаки, выпускаемые военными структурами или имеющие отношение к военным делам. Среди наградных знаков того времени наиболее известны медаль “Золотая звезда” Северо-восточного военного округа, медаль “Образцовый герой” Юго-западного военного округа, медаль “Уханьскому моряку за отличие в дальнем боевом походе”. С 1952 г. “свои” медали появляются у министерств путей сообщения, лесной промышленности, сельского хозяйства. Также медали выпускают общественные организации (Все-китайский союз молодежи: медаль “Активный строитель социализма”) и руководящие органы некоторых провинций (провинция Цзилинь: медаль “Образцовый труженик сельского хозяйства”) и городов (г. Тяньцзинь: медаль городского комитета поддержки передовиков “Образцовый помощник армии”).

Отдельную группу составили знаки, связанные с войной в Корее 1950—1953 гг. Выпускались памятные знаки, посвященные вступлению в войну китайских добровольцев, оказанию содействия фронту, возвращению на родину участников войны и др. Отметим выпущенный в 1951 г. Народным Политическим Консультативным Советом Китая знак “В память о борьбе с американской агрессией против Кореи”²¹.

С 1953 г. в повестке дня руководства страны появляется вопрос о создании общегосударственной наградной системы. В 1953—1954 гг. его дважды обсуждает Госсовет (Политсовет) КНР. Определенное влияние на китайское руководство в этом вопросе оказал пример КНДР, активно использовавшей национальную наградную систему в годы Корейской войны. Принимавшие участие в боевых действиях китайские “добровольцы” получали северокорейские государственные награды.

В 1953 г. Центральное народное правительство КНР учреждает памятную медаль “Да здравствует китайско-советская дружба”, предназначенную для награждения за заслуги советских специалистов, работавших в Китае²².

В 1954 г. была принята Конституция КНР, закрепившая социалистический характер государства. Высшим представительным органом стало Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП), высшим органом исполнительной власти (правительство) — Государственный административный совет. 12 февраля 1955 г. на сессии ВСНП было одобрено “Постановление о награждении орденами и медалями военнослужащих НОАК, отличившихся в период революционных войн”. В наградной системе КНР появляются шесть общегосударственных наград: ордена и медали Первого августа, Независимости и свободы, Освобождения²³.

Наименование ордена и медали Первого августа связано с началом 1 августа 1927 г. восстания верных коммунистам воинских частей в Наньчане. 1 августа считается в КНР датой создания Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА), “правопреемницей” которой стала затем Народно-освободительная армия Китая (НОАК). Орденом или медалью Первого августа, согласно их статуту, награждались лица, “сохранявшие преданность делу революции и не допускавшие серьезных проступков”, находившиеся в рядах РККА в “период аграрной революции”, фактически — с 1927 г. и до 6 июля 1937 г. (кануна японо-китайской войны). Орден имел три степени. Его первая степень предназначалась для командного состава Красной армии и партизанского движения дивизионного уровня и выше, вторая — для командиров полков и батальонов, третья — для командиров роты и ниже. Медаль Первого августа степеней не имела.

Орденом и медалью Независимости награждались лица, принимавшие участие в японо-китайской (антияпонской) войне не менее двух лет в составе 8-й полевой армии, Нового 4-го корпуса или партизанских отрядов под руководством КПК, “сохранявшие преданность делу революции и не допускавшие серьезных проступков”. Орден имел три степени.

Орденом и медалью Освобождения награждались лица, прослужившие не менее двух лет в НОАК в период Освободительной войны (гражданская война 1946—1949 гг.), “неизменно сохранявшие преданность делу революции и не допускавшие серьезных проступков”. Орден имел три степени: первая — для занимавших должности командующего армией и выше; вторая — для командиров дивизии; третья — командиров полка и батальона. Различными степенями этого ордена могли награждаться бывшие командиры гоминьдановских частей от полка и выше, перешедшие со своими частями на сторону КПК. Медаль Освобождения степеней не имела. Ее удостоивались лица, занимавшие должности командира роты и ниже.

Всего тремя указанными орденами было награждено свыше 100 тысяч человек. Их первую степень получили: орден Первого августа — 175 человек (1955 г. — 131, 1957 г. — 44); орден Независимости и свободы — 307 человек (1955 г. — 117, 1957 г. — 190); орден Освобождения — 983 человека (1955 г. — 570, 1957 г. — 413)²⁴. Этих орденов разных степеней удостоились большинство китайских руководящих деятелей различного уровня. Китайские маршалы и большая часть генералов того времени, как это видно по фотографиям, имели все три ордена той или иной степени, а также один или два ордена КНДР.

Внешний вид орденов, а также то обстоятельство, что они были учреждены в трех степенях (как советские ордена Суворова, Кутузова и Хмельницкого), свидетельствуют о влиянии наградной системы СССР.

С конца 1950-х гг. китайское общество вступило в новую фазу испытаний и пертурбаций. За кампанией по “воспитанию рабочих и крестьян” последовали “большой скачок” и “народные коммуну”, а с 1966 г. началось разрушительное десятилетие “Культурной революции”. В период “Культурной революции” наградная система в Китае не функционировала. Это коснулось как общегосударственных наград, так и наградных знаков ведомств, региональных властей и общественных организаций.

Важным рубежом в истории КНР стал 1978 г., в конце которого состоялся 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва. На нем руководство страны, возглавляемое Дэн Сяопином, глубоко осмыслив уроки предшествующего периода, выдвинуло реалистическую концепцию реформ Китая²⁵. Приступив к модернизации по всем основным направлениям, руководители КНР возвратились к практике использования наградного инструментария в интересах государственного строительства, поощрения и мобилизации усилий населения на решение приоритетных задач. Появились такие наградные знаки, как “Отличник труда”, “Передовик производства”, “Ударник нового Великого похода”. Среди ведомственных наград отметим медали “Герой НОАК” в двух степенях и “За заслуги” в трех степенях, учрежденные Политуправлением НОАК в 1979 г.²⁶, знаки “Отличник образования” и “Отличный учащийся”, Почетный знак работника физкультуры и спорта, наградные знаки за открытия и изобретения, медаль Всекитайского союза молодежи “Четвертое мая”. Последняя была названа в честь праздника “День молодежи”, учрежденного в КНР в декабре 1949 г. в связи с 50-й годовщиной начала массовых выступлений 4 мая 1919 г. Количество награждений тем или иным знаком различно. Так, медалью НОАК “За заслуги” третьей степени ежегодно награждается до шестидесяти тысяч человек. При первом награждении медалью “Четвертое мая” ее удостоились лишь пять человек. В последнее время среднее число награждений ею составляет около десяти в год. В мае 2003 г., например, медаль получили восемнадцать молодых людей, в мае 2006 г. — десять²⁷. В последние годы достаточно весомой среди наград, учрежденных общественными организациями, стала медаль Труда, награждение которой осуществляет Всекитайская федерация профессиональных союзов. Она предназначена для работников передовых государственных предприятий, показавших выдающиеся результаты в труде и внесших большой вклад в интересах общественного блага. В 2004 г., например, медаль получили 1005 человек. Из них 569 (56,62%) трудились непосредственно на предприятиях, 252 (25,07%) работали в научно-технической и образовательной областях, 62 (6,17%) относились к категории управленцев и менеджеров. В 2004 г. ее впервые был удостоен рабочий — “мигрант”, приехавший на заработки из деревни в город²⁸. В 2006 г. из 1019 награжденных медалью Труда ее получили уже 18 “мигрантов” (1,7%)²⁹. Из числа обладателей указанной медали в последующем могут быть отобраны кандидаты на звание “Герой труда” — почетное звание, присваиваемое Государственным Советом КНР, которое по своему характеру является наградой общегосударственного значения³⁰.

В 1986—1987 гг. Центральный военный совет признал необходимым отметить “исторические заслуги” военных пенсионеров и других лиц пожилого возраста, ранее находившихся на военной службе или участвовавших в “революционной деятельности”. Это решение было одобрено в июле 1988 г. на сессии ВСНП. В качестве государственных наград со статутом орденов были учреждены Почетные знаки Красной звезды, Независимости и Победы.

Почетный знак Красной звезды имеет две степени. Им награждали военных пенсионеров, находившихся в рядах вооруженных сил или участвовавших в революционной деятельности до 6 июля 1937 г. (до начала японо-китайской войны).

Почетный знак Независимости был учрежден в одной степени. Его удостоивались те, кто служил в вооруженных силах или участвовал в революционной деятельности в период с 7 июля 1937 г. по 2 сентября 1945 г. (до дня подписания Японией акта о капитуляции).

Почетный знак Победы также имел одну степень и предназначался для лиц, служивших в вооруженных силах или участвовавших в революционной деятельности в период с 3 сентября 1945 г. по 30 сентября 1949 г. (до провозглашения Китайской Народной Республики).

Было произведено награждений: Почетным знаком Красной звезды первой и второй степени — 4507; Почетным знаком Независимости — 47914; Почетным знаком Победы — 31519³¹.

К концу 1980-х гг. в КНР возникло оппозиционное движение, выдвигавшее задачу трансформации политической системы и пересмотра роли компартии. Наиболее острые выступления оппозиции произошли летом 1989 г. в Пекине. Участники подавления выступлений оппозиции были награждены в том же 1989 г. знаками Центрального военного совета “Защитник столицы” и правительства г. Пекина “В память о подавлении беспорядков”³².

Впечатляющие успехи КНР за последние два с половиной десятилетия стали важнейшим фактором мировой политики и международных отношений. ВВП Китая с 1978 г. по 2005 г. увеличился более чем в 12 раз, внешнеторговый оборот вырос в 70 раз, составив в 2005 г. 1 трлн 422 млрд долл. Китай стал всемирной фабрикой производства ширпотреба по лучшим западным образцам и “мировым сборочным цехом”. КНР постепенно обретает статус не только великой региональной, но и глобальной экономической державы.

Особенности действующей наградной системы КНР как инструмента реализации политики и идеологии обусловлены содержанием и особенностями курса, проводимого руководством страны. Роль основного практического инструментария в ней играют награды, учрежденные ведомствами, общественно-политическими и профсоюзными организациями, региональными властями. Это позволяет сделать объектом их воздействия самые широкие массы населения (хотя среди наград есть и такие, которых удостоивается весьма ограниченное количество лиц). Также обеспечивается более тесная “связь с народом” организаций, от имени которых учреждены награды. Руководство Китая во многом сохраняет традиционные подходы к наградной системе, сложившиеся еще на начальных этапах использования Компартией собственного наградного инструментария. Пример успешно функционирующих наградных систем и на Западе, и на Востоке, основу которых составляют общегосударственные ордена и медали, конечно, не остался незамеченным в Пекине. Как было отмечено выше, ордена и медали учреждались в КНР в качестве общегосударственных наград в 1955 и в 1988 гг. Однако по своему статусу они предназначались для конкретного и достаточно ограниченного контингента заслуженных лиц. Награждения ими были осуществлены в сжатые сроки и по их завершению данный наградной инструментарий впредь использовать не предполагалось.

Для КПК в качестве “партии всего китайского народа и всей китайской нации” сегодняшний подход к национальной наградной системе, видимо, будет характерен и в ближайшем будущем. Вместе с тем, в случае дальнейшего ус-

пешного социально-экономического развития КНР руководство страны может поставить перед народом Китая новые стратегические приоритеты и ориентиры. Не исключено, что новые задачи потребуют и модернизации ныне действующей наградной системы.

1. Battushig A. Mongolian Orders, Medals & Badges. Ulaanbaatar: Interpress Co. Ltd., 2005. P. 8.
2. Ли Яньшэн. Знаки отличия и их коллекционирование [Хуэйчжан цзи ци шоуцан]. Хубэй: Народ. Изд-во пров. Хубэй, 1998. С. 19.
3. Ли Яньшэн. Указ. соч. С. 19—20; <http://www.4dw.net/royalark/China/orders.htm>.
4. См. подробнее: История Востока: В 6 т. М.: Вост. лит., 2005. Т. 4, кн. 2. С. 227—228.
5. Ли Яньшэн. Указ. соч. С. 21.
6. Там же. С. 32; Тайбэйская панорама. 2001. № 3. С. 45.
7. См. подробнее: История Востока. Т. 4. С. 475—482.
8. Ли Яньшэн. Указ. соч. С. 332.
9. Там же. С. 328—329.
10. Справочник по наградам Китайской Республики. Тайбэй. 1983. С. 72—73. На кит. яз.
11. http://www.president.gov.tw/en/prog/news_release/document_content.php?id=1105498705&pre_id=1105496244&g_category.
12. Ли Яньшэн. Указ. соч. С. 35; Справочник по наградам Китайской республики. С. 4—5.
13. Там же. С. 35; Справочник по наградам Китайской республики. С. 8—13; http://www.president.gov.tw/en/prog/news_release/document_content.php?id=11054962.
14. http://www.president.gov.tw/en/prog/news_release/document_content.php?id=110549623.
15. Справочник по наградам Китайской республики. С. 50—53; Тайбэйская панорама. С. 46.
16. Там же. С. 94—95.
17. <http://foxfall.com/fm-14af.htm>.
18. Справочник по наградам Китайской республики. С. 6—7.
19. http://www.president.gov.tw/en/prog/news_release/document_content.php?id=1105499389&pre_id=1105496244&g_category.
20. Иллюстрированная коллекция знаков, хранящихся в народно-революционном военном музее Китая [Чжунго жэньминь гэмин цзюньши боугуань гуаньцан чжэнчжан тулу]. Чжэньчжоу: Изд-во провинции Шаньдун, 1997. С. 17—25.
21. Ли Яньшэн. Указ. соч. С. 67, 71.
22. Иллюстрированная коллекция знаков... С. 79.
23. Там же. С. 55.
24. Ли Яньшэн. Указ. соч. С. 67—69.
25. Титаренко М.Л. Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. М.: 2003. С. 200—201.
26. Иллюстрированная коллекция знаков... С. 55, 58—59.
27. <http://www.jeanpaulleblanc.com/China.htm>; Синьхуа. 4.5.2006.
28. Синьхуа. 22. 4. 2004.
29. <http://www.english.people.com.cn> 11 Apr 06.
30. <http://www.jeanpaulleblanc.com/China.htm>.
31. Ли Яньшэн. Указ. соч. С. 70.
32. Там же. С. 72.

Российский Дальний Восток

Демографический потенциал как фактор социально-экономического развития и пограничной безопасности СССР на Дальнем Востоке в 1950—1970 годы

© 2008

С. Кравчук, Е. Мотрич

Демографическая политика на Дальнем Востоке на протяжении всех этапов заселения и освоения региона являлась главным направлением деятельности государства. Она имела не только экономическое, но и геополитическое значение, была связана с защитой государственных интересов и обеспечением безопасности границ на восточном направлении.

В результате радикальных преобразований 1990-х гг. прошлого столетия в нашей стране существенно ухудшились условия жизни большей части населения России, что обусловило изменение демографической обстановки. За период 1991—2006 гг. Дальний Восток потерял почти полтора миллиона человек населения. Дисбаланс между экономическим развитием и заселенностью территории Дальнего Востока постоянно нарастает. Уже сегодня демографический потенциал явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств, для создания развитой экономической и поселенческой структуры и обеспечения национальной безопасности. Между тем будущее России связано с включением ее в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) через Дальневосточный федеральный округ (ДФО).

Современная демографическая ситуация продолжает создавать реальную угрозу коренным интересам России на востоке страны. Предпринимаемые руководством страны меры по стимулированию рождаемости, снижению смертности и регулированию миграции, направленные на стабилизацию численности

Кравчук Сергей Александрович — кандидат исторических наук, зав. кафедрой Хабаровского пограничного института ФСБ РФ.

Мотрич Екатерина Леонидовна — доктор экономических наук, зав. отд. социального развития и факторных рынков Института экономических исследований ДВО РАН.

населения страны, далеко не первые шаги в истории российского и советского государства. Принятая в июле 2006 г. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом — это первый программный документ, направленный на кардинальное изменение демографической обстановки в регионах России на постсоветском пространстве.

В этой ситуации особую актуальность приобретает обращение к историческому опыту советского государства 1950—1970-х гг. XX в. по осуществлению переселенческого движения населения страны из густонаселенных районов в регионы с дефицитом рабочей силы. К таким демографически проблемным регионам всегда относился и Дальний Восток.

Именно в этот послевоенный период от укрепления экономического потенциала дальневосточного региона зависела безопасность государства в пограничном пространстве в Приамурье и на Тихом океане. Для создания на Дальнем Востоке СССР надежной защиты геополитических интересов страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе требовались мощная военная группировка и крепкий народнохозяйственный комплекс. Для обеспечения того и другого была необходима целенаправленная политика советского государства по массовому переселению в районы Хабаровского и Приморского краев перспективного и трудоспособного населения. Для Дальнего Востока привлечение трудовых ресурсов из других экономических районов страны и его закрепление стало важнейшим условием развития региона и безопасности страны.

В 1950—1970-е гг. советским правительством были поставлены народнохозяйственные задачи пятилеток по ускоренному развитию производительных сил в районах Сибири и Дальнего Востока. Выполнение социально-экономических задач зависело от наращивания демографического потенциала.

Наибольшая активность переселенческого движения в восточную часть страны была отмечена в середине 1950-х гг. XX в. Переселение в дальневосточные регионы продолжалось и происходило через организованный набор. Основной льготной политики государства в отношении переселенцев было ранее принятое Постановление ЦИК и СНК СССР от 17.11.1937 г. № 115/2043 “О льготах по сельскохозяйственному переселению”¹. С каждым набираемым рабочим заключался индивидуальный трудовой договор от имени контор Министерства трудовых резервов СССР и соответствующего предприятия (треста) и стройки Дальнего Востока, для которого производился набор рабочих на срок не менее 2 лет. Заключившим договор выплачивалось единовременное безвозвратное пособие в размере 500 руб. на самого рабочего и 200 руб. на каждого переезжавшего с ним члена семьи². Кроме того, при направлении к месту работы выплачивались суточные за время нахождения в пути.

Все переселенцы обеспечивались переселенческими билетами. Обладатели этих документов имели право на получение кредита для строительства жилья или ремонта старого в сумме 15 тыс. руб. при погашении 50% государством и 50% переселенцем-колхозником в течение 10 лет. Дополнительно выдавался кредит в сумме 3 тыс. руб. на приобретение коровы, с погашением его в течение 3 лет.

Выдавалась продовольственная ссуда в размере 1-го центнера зерна на главу семьи и 0,5 центнера на каждого члена семьи с погашением ее натурой в течение 2-х лет. Была разработана и внедрялась плановая система кредитования хозяйственного устройства переселенцев. В ней предусматривалось выделе-

ние кредитов на строительство, ремонт и покупку домов, а так же на приобретение скота³. Были предусмотрены и другие льготы.

Для более широкого привлечения граждан к переселению на Дальний Восток различные министерства и ведомства проводили свою льготную политику. Так, Совет Министров СССР 8 августа 1947 г. разрешил предприятиям лесного комплекса предоставлять переселенцам в собственность жилые дома. Центробанку и Сельхозбанку вменялось в обязанность выдавать ссуды на покупку жилых домов со сроком погашения от 10 до 12 лет. Кроме того, переселенцам отводились приусадебные земельные участки для постройки индивидуальных домов, под сады и огороды, лесные сенокосы. Рабочим и инженерно-техническому персоналу лесозаготовительных предприятий выдавалась ссуда на приобретение в индивидуальное пользование домашнего скота, на хозяйственное обзаведение со сроком погашения в течение 2—3-х лет⁴.

Аналогичную работу проводило Министерство рыбной промышленности СССР. Советом Министров СССР были установлены дополнительные льготы, привлекающие граждан для переселения на Дальний Восток в рыбодобывающий сектор экономики края⁵. Кроме установленных льгот, дополнительно выплачивалось единовременное пособие в размере 2 тыс. руб. на каждого работника и по 300 руб. на каждого переезжавшего с ним члена семьи при переселении на Курильские острова, Камчатку и Охотское побережье. А для выезжавших на Сахалин выплачивалось такое пособие в размере до двух месячных окладов на самого работника и по 25% суммы пособия на каждого выезжающего с ним члена семьи. За переселенцами сохранялась жилая площадь по месту основного жительства на весь период работы.

Вся работа с переселенческим контингентом была возложена на переселенческие отделы при Исполнительных комитетах краевых Советов депутатов трудящихся. Отделы выполняли обязанности контроля по приему, отправке к местам проживания и размещения семей переселенцев.

Надо отметить, что краевыми органами государственной власти принимались серьезные меры по обустройству переселенцев. В первую очередь райисполкомы, председатели колхозов, руководители лесхозов и других производств обязывались обеспечивать прибывающих граждан отдельным домом с хозяйственными постройками, предоставлять возможность приобретения домашнего скота.

Сразу же после войны население Дальнего Востока получило определенные преимущества по сравнению с другими районами страны. В 1945 г. для населения, проживающего в северных районах, были установлены льготы, объем которых для всего послевоенного времени был самым значительным. В южных районах с 1946 г. вводились надбавки к заработной плате, др.

Возобновившееся в конце 1940-х гг. заселение Дальнего Востока при предоставлении льгот для переселенцев привело к тому, что уже в 1953 г. население во всех районах Дальнего Востока превысило довоенный уровень. Наибольший рост при этом отмечен в первой половине 1950-х гг., когда общий прирост составил почти 1 млн чел.⁶ Основными источниками увеличения численности населения были и естественный прирост, и миграция. За счет миграции обеспечивалось более 50% прироста численности населения в 1940—1959 гг.

Нередко переселенцев прибывало даже больше запланированного. Вся ответственность за обеспечение прибывавших сверх плана ложилась на плечи краевых, районных советских организаций, руководителей предприятий,

правлений совхозов и колхозов края. Они должны были изыскивать дополнительные источники денежных и материальных средств и трудовых ресурсов. При этом предписывалось строго учитывать экономические возможности предприятий края.

К сожалению, эти мероприятия осуществлялись не в полной мере, а на отдельных местах не выполнялись вообще.

Министерство государственного контроля СССР после проведенной проверки в 1956 г., констатировало, что переселенческий процесс в Приморском крае в основном носил стихийный характер, не соответствующий государственным интересам⁷. Планы хозяйственного устройства переселенцев оказались невыполненными, дополнительные возможности денежных и материальных средств и трудовых ресурсов не были изысканы. В результате многие переселенцы длительное время были не устроены, находились в тяжелых жилищных и материальных условиях, что вызывало многочисленные жалобы и большое количество выездов переселенцев из мест вселения.

Недостаточная забота со стороны областных и районных исполнительных комитетов, руководителей отдельных совхозов и колхозов о нуждах переселенцев в их хозяйственно-бытовом устройстве приводила иногда к серьезным негативным последствиям. Отрицательное отношение отдельных властных региональных структур к переселенческому процессу было типичным для всего Дальнего Востока.

Например, Хабаровский крайисполком в своих первых послевоенных решениях отмечал крайне неудовлетворительное отношение руководителей областных и районных исполкомов к хозяйственному устройству переселенцев. Такое положение дел привело к возвращению значительного количества переселенцев из колхозов вселения⁸. Ситуация с оттоком переселенцев не изменилась в 1950-е и 1960-е гг. Так, в Приморском крае за 5 лет (1957—1961 гг.) в совхозы Кировского района было вселено 629 семей, выбыло 379, или 61%. В совхозы и колхозы Октябрьского района вселилось 685 семей переселенцев, из них 1400 трудоспособных, а выбыло за этот период 342 семьи, почти 50%. В Михайловский район вселилось 740 семей, выбыло 470 семей (63,5%). Из Спасского района Приморья выбыло 324 хозяйства (60,7%), Пограничного — 203 семьи (47%)⁹. Не лучше дела обстояли и в Лесозаводском, Хорольском, Ханкайском, Славянском, Калининском и других районах Приморского края¹⁰. В Хабаровском крае с отрицательной стороны отмечались исполнительные комитеты района им. Лазо, Хабаровского, Вяземского, Бикинского районов¹¹.

Несмотря на материальные преимущества для переселенцев, крайне напряженное положение с обеспечением рабочей силой в 1956 г. создавалось на предприятиях Министерства рыбной промышленности СССР (при плане завоза 1700 рабочих, было направлено 803), Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР (план 100 рабочих, направлено 29), Министерства транспортного строительства СССР (план 400 рабочих, направлено 66), Министерства городского и сельского строительства СССР (план 400, направлено 140 рабочих). Основными причинами плохого выполнения плана, как показывали проверки, являлись слабая работа отдела оргнабора рабочих Приморского крайисполкома и несвоевременная подготовленность ряда предприятий истроек к приему рабочих и их устройству в местах вселения¹².

В результате бесконтрольности, прежде всего, руководителей районных партийных и советских организаций, а в ряде случаев и с молчаливого их согла-

сия и даже по прямым указаниям, некоторые директора совхозов и колхозов игнорировали и не выполняли постановлений правительств СССР и РСФСР, краевых руководящих организаций, незаконно использовали на хозяйственные цели переселенческие кредиты, стройматериалы и переселенческие дома, чем нанесли огромный ущерб совхозам, колхозам и государству в целом¹³.

В отдельных случаях ряду должностных лиц исполкомов, председателей колхозов и руководителей леспромхозов предъявлялись обвинения в злоупотреблении служебным положением, разворовывании государственных средств, предназначенных на переселенческие мероприятия и даже саботаж. Так, после проведенной проверки финансового состояния переселенческого отдела Приморского крайисполкома были вскрыты факты должностных преступлений. Среди них: расходование государственных средств на личные нужды сотрудников отдела, "растраниживание строительных материалов", приобретение автомобилей у частных лиц с оплатой наличными деньгами и другие¹⁴.

Серьезной проблемой хозяйственного устройства переселенцев в подавляющем большинстве районов Хабаровского и Приморского краев было систематическое невыполнение заданий по строительству жилых домов для них. Например, в 1955 г. при плане строительства 3500 жилых домов колхозами Приморья было построено 2098, или 59,9%. Постановление Совета Министров РСФСР от 24 мая 1956 г. № 381 "О мерах по хозяйственному устройству переселенцев и устранению серьезных недостатков в этом деле" обязывало Приморский крайисполком и краевое управление по строительству в колхозах не только обеспечить выполнение установленного на 1956 г. плана строительства домов для переселенцев, но и осуществить дополнительное строительство 600—900 домов для приема весной 1957 г. в подготовленные дома не менее 20—30% переселенцев по плану 1957 г. Это задание было полностью сорвано¹⁵. По планам, установленным Приморским крайисполкомом, в первом полугодии 1959 г. колхозы края должны были подготовить для переселенцев 1350 жилых домов, а подготовлено только 974 дома или 72,1%; совхозы подготовили 131 дом из 200 по плану или 65,5%. В Хабаровском крае из подлежащих строительству в первом полугодии в колхозах 350 домов было подготовлено только 176 или 50,2%; в совхозах — из 300 домов только 49 или 16,3%¹⁶.

Несмотря на большое количество недостатков по приему и обустройству переселенцев, процесс переселения давал и положительные результаты. Так, с 1957 г. по 1962 г. в Приморский край переселилась 12 651 семья общей численностью 52 025 человек, из них трудоспособных 27 490 чел.¹⁷

На примере Приморского края можно проследить динамику переселенческого процесса в сельскохозяйственный сектор экономики во второй половине 1950-х гг. прошлого столетия (табл. 1).

В результате проводимых мероприятий по переселению на Дальний Восток, положительному естественному приросту численность населения Дальнего Востока по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. составила 4,8 млн чел.¹⁸

Пополнение значительным количеством переселенцев положительно отражалось на экономическом росте края. Создание из числа прибывших на Дальний Восток постоянных строительных бригад позволило расширять производственную базу, строительство объектов в жилом и социальном секторах. Например, колхоз им. Чапаева Хабаровского края за 1954—1957 гг. принял 76 семей. Это позволило за три года увеличить посевные площади на 221 га, создать посто-

янные полевые бригады в полеводстве и животноводстве. В 1957 г. колхоз впервые своими силами провел уборку урожая. Его доходы увеличились по сравнению с 1953 г. на 413 тыс. рублей, поголовье скота возросло на 164 головы. Похожими показателями отмечались и колхоз им. Ленина района им. Лазо, колхоз "Правда" Биробиджанского района¹⁹.

Таблица 1.

Вселение и выбытие переселенцев в Приморском крае

Год	Всего по Приморскому краю			В т.ч. в совхозах			В колхозах		
	Прибыло семей	Выбыло семей, число	% выбытия	Прибыло семей	Выбыло семей, число	% выбытия	Прибыло семей	Выбыло семей, число	% выбытия
1957	2505	719	28,8	266	48	18,0	2239	671	30,0
1958	2533	617	24,4	302	95	31,6	2231	522	23,4
1959	2119	412	19,4	239	59	24,6	1880	353	19,0
1960	1987	528	26,4	984	266	27,1	1003	262	26,2
1961	2216	501	22,5	1611	380	23,6	605	121	21,0
1962	1292	15	-	962	7	-	330	8	-

Переселение положительно сказалось и на укреплении трудовой дисциплины. Большинство переселенцев активно включились в трудовую жизнь колхозов, показывали примеры организованности и честного отношения к труду. Многие переселенцы являлись передовиками животноводства и полеводства. За хорошую трудовую деятельность нередко переселенцы выдвигались на руководящие работы — председателями колхозов, сельских советов, бухгалтерами и счетоводами, бригадирами полеводческих бригад, заведующими МТФ и т.д. Только по одному Хабаровскому району из числа переселенцев были избраны депутатами районного Совета депутатов трудящихся 5 чел. Переселенцы Данушкин, Максименко, Ивлев стали председателями колхозов²⁰.

В конце 1950-х гг. и начале 1960-х гг. формировались предпосылки для нового роста производительных сил и увеличения демографической насыщенности территории. Но эти предпосылки не были реализованы. Дальний Восток России вошел в экономическую стагнацию. Такая социально-экономическая ситуация в регионе повлияла на характер демографического развития региона и миграционный вектор движения населения. В отличие от предыдущих периодов, формирование экономического и демографического потенциалов на Дальнем Востоке в межпереписной период 1959 — 1970 гг. (четвертый этап хозяйственного освоения и заселения региона) осуществлялось преимущественно путем естественного воспроизводства населения (82,5% от общего увеличения численности населения). При этом фактический прирост населения оказался меньше естественного более чем на 100 тыс. чел. Поэтому среднегодовой прирост за это время составил всего 1,9%²¹.

Но данный этап формирования экономического и демографического потенциалов не был однородным. В 1961—1965 гг. увеличились темпы социально-экономического развития Дальнего Востока, что в условиях дефицита трудовых ресурсов стимулировало приток населения. Удельный вес миграции в общем

приросте численности населения составил 30,3%. По данным А.Н. Гладышева, за 1959—1965 гг. в Сибирь и на Дальний Восток России прибыло около 300 тыс. сельскохозяйственных переселенцев, рабочих по организованному набору и направлению²². В 1960-гг. строительство новых домов для переселенцев велось за счет кредитов Госбанка. К концу 1960—1970 гг. произошло увеличение жилья, сдаваемого в эксплуатацию в сельской местности. В 1960-е гг. были восстановлены отмененные в 1956 и 1960 гг. северные льготы. Все это стимулировало приток мигрантов. Среднегодовой темп прироста жителей на Дальнем Востоке страны за 1961—1965 гг. достиг 2,2%, превысив в два раза аналогичный показатель по России²³.

В конце 1960-х гг. участие миграции в изменении численности населения оставалось положительным благодаря продолжающемуся росту экономического развития региона. В 1967 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление, ориентированное на ускоренное развитие производительных сил Дальневосточного экономического района и дальнейшее заселение региона²⁴. В эти годы снизился масштаб оргнабора, хотя он оставался основным источником пополнения рабочей силы с учетом профессиональной потребности в регионе. Для участников оргнабора выдавались подъемные в размерах, установленных в 1949—1955 гг. Для рабочих они составляли 30—60 руб. При этом существовала отраслевая дифференциация размеров заработной платы. Для специалистов Министерства лесной и деревообрабатывающей отрасли подъемные составляли 200 руб., а рабочим, прибывшим на предприятия Министерства транспорта — 30 руб. В этот период действовала другая форма миграции (модифицированная форма оргнабора) — общественный призыв, который в 1968—1969 гг. в общей численности мигрантов составил 17,7%²⁵.

Численность населения по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. на Дальнем Востоке составила 5,8 млн чел.²⁶

Дальневосточный экономический район в 1971—1975 гг. стал цельным территориально-производственным комплексом, успешное развитие которого во многом определялось сбалансированностью экономического и демографического развития. Благодаря реализации мероприятий по ускоренному развитию производительных сил, он отличался устойчивым абсолютным и относительным ростом числа жителей и существенным превышением темпов прироста над аналогичным показателем по РСФСР и ее экономическим районам. За 1966—1980 г. в регион прибыло 4,3 млн чел., из них 3,1 млн направились в города и рабочие поселки. Ежегодно на Дальний Восток приезжало 289,8 тыс. чел., в том числе в городскую местность — 209,4 тыс., в сельскую — 80,4 тыс. В общем приросте населения за этот период на долю миграции пришлось 32,6%. Причем, наиболее активное участие в воспроизводстве населения Дальнего Востока она играла в период девятой пятилетки (1971—1975 гг.). Темпы прироста населения в этот период были в 2,5—3 раза выше среднереспубликанских и значительно лучше аналогичного показателя на других территориях интенсивного хозяйственного освоения²⁷.

Вместе с тем Дальний Восток не располагал достаточно благоприятными возможностями для закрепления прибывающего населения. Отсюда большой "холостой" оборот мигрантов, низкая их закрепляемость. Так, в целом по ДВЭР в 1971—1975 гг. выбыло 85,8% из числа прибывших в регион.

Надо отметить, что в этот период советским правительством был взят курс не только на развитие народнохозяйственного комплекса, но и на усиление

военной мощи и создание системы надежной охраны государственной границы всего Дальневосточного региона страны.

В связи с этим происходила существенная реорганизация всех воинских группировок, дислоцировавшихся в регионе. Существенно укреплялись Дальневосточный военный округ и Тихоокеанский флот. С 1950 г. на Камчатке свою базу базирования получили подводные лодки тихоокеанского флота²⁸. На Чукотке стала размещаться общевойсковая армия. На Дальнем Востоке начала выстраиваться и своя система охраны государственных границ.

С января 1946 г. все государственные границы СССР в дальневосточном регионе были взяты под охрану пограничными войсками. Они стали нести службу по охране дальневосточных морских участков границы общей протяженностью 16 468 км.

В связи с началом “холодной войны” и возрастающей активностью США на Тихом океане штатная численность личного состава большинства пограничных застав была увеличена. В целом в 1950-х гг. пограничная группировка, охранявшая морские пространства, в сравнении с 1945 г. увеличилась более чем в 7 раз.

Увеличение численности военных группировок в Дальневосточном регионе повлекло за собой увеличение численности населения приграничных районов. Вместе с офицерским составом на Дальний Восток выезжали семьи. Жены офицеров и военнослужащих сверхсрочной службы укрепляли кадровый потенциал сельских школ, лечебных заведений, предприятий сферы бытового обслуживания, правлений колхозов и совхозов приграничья.

Кроме того, расширение военной и пограничной инфраструктуры в регионе требовало всестороннего обеспечения. Рядом с военными городками строилась сеть школ, больниц, предприятий быта, отдыха и т.д. Постепенно в 1950—1960 гг. сельские районы приграничных территорий благодаря дислоцированию воинских частей превращались в культурные центры, в поселки городского типа. Значительно росло число городских жителей. Например, в Чукотском автономном округе городское население увеличилось в 1959 г. в 8 раз по сравнению с 1939 г., в 1970 г. в 21 раз; на Камчатке — в 3,7 и 6,2 раза соответственно²⁹.

Особую роль в поддержании стабильности на государственных границах и пограничных территориях сыграло переселенческое движение. Формирование в пограничных зонах постоянного населения способствовало созданию дополнительной силы, оказывавшей существенную помощь пограничным войскам в охране дальневосточных рубежей.

В целях привлечения к охране границы актива местного населения к 1952 г. во всех приграничных районах Дальнего Востока были созданы бригады содействия пограничным войскам из местного населения. Например, к 1952 г. на Сахалине и Курильских островах в 577 бригадах участвовало 6461 граждан. Несколько меньше их было в других районах. Общая численность добровольных помощников пограничникам в охране рубежей на Тихом океане составила 11 850 человек в 949 бригадах содействия³⁰.

Формирование постоянного населения приграничных районов позволяло пограничным органам проводить активную и целенаправленную работу, вовлекая местных жителей в охрану государственной границы. Эффективность работы добровольных помощников пограничников можно проследить по результатам оперативно-служебной деятельности пограничных войск Дальневосточного округа. Например, наличие значительного количества добровольных помощников на Го-

сударственной границе СССР с КНР позволило дальневосточным пограничникам с их помощью в 1954 г. задерживать каждого десятого, в 1955 г. каждого шестого нарушителя границы³¹.

Надо отметить, что организованное переселение и закрепление в дальневосточных районах увольняемых в запас военнослужащих благоприятно сказывалось не только на их активном участии в становлении экономики региона. Пополнение ДНД бывшими воинами значительно повышало их организованность и дисциплину, боеспособность и активность в охране границ³².

Таким образом, в условиях сложной военно-политической и социально-экономической обстановки в СССР в послевоенные годы одним из основных направлений обеспечения безопасности государства советское руководство считало создание надежной защиты и охраны суверенитета, территориальной целостности государства. В формировании системы противодействия проявлявшимся после Второй мировой войны угрозам национальным интересам в Дальневосточном регионе приоритетным становилось увеличение численности населения в столь стратегически важном районе, укрепление военной мощи и пограничной безопасности.

Политика заселения Дальневосточного региона в послевоенные годы строилась на принципах привлечения и закрепления населения путем создания определенных льгот для прибывающего населения. Переселенцы принесли с собой большой опыт колхозного земледелия и животноводства, высокопроизводительного труда, культуру многонационального советского народа и разнообразный быт. Такая политика в значительной степени была эффективной, поскольку, с одной стороны, обеспечивала реализацию стратегических задач развития региона, с другой стороны, позволяла в полной мере обеспечить функционирование военной и пограничной группировок СССР на Дальнем Востоке.

1. О льготах по сельскохозяйственному переселению: Постановление ЦИК и СНК СССР от 17.11.1937 г. № 115/2043 // Собрание актов и распоряжений Рабочее-крестьянского Правительства СССР. М., 1937. С. 352.
2. О порядке проведения организованного набора рабочих. Постановление Совета Министров СССР от 21.05.47 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1941—1952 гг. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. С. 428.
3. Там же.
4. Там же. С. 441, 443.
5. О развитии рыбной промышленности Дальнего Востока: Постановление Совета Министров СССР от 04.10.48 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1941—1952 гг. М.: 1968. Т. 3. С. 526.
6. *Рыбаковский Л.Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. С. 106.
7. Государственный архив Приморского края (далее — ГАПК). Ф. 26. Оп. 33. Д. 305. Л. 1—17.
8. Государственный архив Хабаровского края (далее — ГАХК). Ф. 533. Оп. 1. Д. 55. Л. 28.
9. ГАПК. Ф. 26. Оп. 33. Д. 309. Л. 5, 6.
10. ГАПК. Ф. 26. Оп. 24. Д. 32. Л. 185-193; Д. 20 Л. 107; Д. 37. Л. 122; Оп. 21. Д. 74. Л. 128).
11. ГАХК. Ф. 553. Оп. 1. Д. 55. Л. 53, 77, 101, 122, 137).
12. ГАПК. Ф. 26. Оп. 33. Д. 309. Л. 12.
13. Там же. Оп. 33. Д. 309. Л. 6.
14. Там же. Оп. 21. Д. 74. Л. 209.
15. Там же. Оп. 33. Д. 305. Л. 4.
16. Там же. Оп. 33. Д. 431. Л. 9.
17. Там же. Оп. 33, Д. 431. Л. 17.

18. Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М.: Госкомстат России, 1994. С. 15.
19. ГАХК. Ф. 553. Оп. 1. Д. 66. Л. 56, 57.
20. Там же. Ф. 533. Оп. 1. Д. 66. Л. 60.
21. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2006. С. 12.
22. Гладышев А.Н. Общественные фонды потребления и миграция населения // Плановое хозяйство, 1966. № 10. С. 17.
23. Мотрич Е.Л. Указ. соч. С. 12.
24. О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 июля 1967 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1966—1968. Т. 6. С. 473—486.
25. Мотрич Е.Л., Кравчук С. А. Государственная политика хозяйственного освоения и заселения Дальнего Востока в конце XIX в. и до середины 1980-х гг. XX века // Вестник ДВО РАН. 2006. № 6. С. 124.
26. Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М.: Госкомстат России, 1994. С. 15.
27. Архив отдела демографии и использования трудовых ресурсов ИЭИ ДВО РАН. Д. 15. Т. 6. Л. 1, 2.
28. Гурочкин Е.В. Морская пограничная охрана ФСБ России. ВМФ России: история и перспективы сотрудничества. Северо-Восточное региональное пограничное управление ФСБ РФ: прошлое и настоящее: (по материалам научно-практических конференций). Петропавловск-Камчатский: СВРПУ ФСБ России, 2004. С. 291.
29. Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. Сводный том. М.: Госстатиздат, 1962; Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года. Том 4. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев областей и национальных округов. М.: Статистика, 1973.
30. Из истории советских пограничных войск: Документы и материалы, 1946—1955. М.: Военное изд-во МО СССР, 1980.
31. Центральный пограничный архив ФСБ (ЦПА ФСБ). Ф. 231. Оп. 1. Д. 170. Л. 102, 154, 176.
32. Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 299. Л. 5.

КНР на рынке драгоценных камней и благородных металлов

© 2008

З. Муромцева

Минеральные ресурсы — условие существования и развития человеческого общества, основа национальной экономики и ее важный компонент. В стратегии устойчивого развития и подъема Китая с помощью науки и образования важное место принадлежит разработке, использованию и утилизации минеральных ресурсов. Стоимость их запасов в Китае оценивается в 12% от общемировой. На 1 кв. км его территории их приходится в 1,87 раза больше, чем в среднем в мире.

В начале XXI в. в КНР дважды принимались планы по минеральным ресурсам. Первый внедрялся в 2001—2005 гг. Второй (2006—2010 гг.) был принят Госсоветом лишь в августе 2007 г. Принятие его, как подчеркивали в Китае, произошло в новых социально-экономических условиях. Его предполагается реализовать в условиях повышенного внимания к использованию и утилизации минеральных ресурсов, увязывая текущие задачи с будущим и принимая во внимание состояние окружающей среды. Этот план предусматривает взаимодействие рыночных механизмов и планового начала, внутренних и зарубежных ресурсов.

Настоящая статья посвящена добыче и использованию в Китае драгоценных камней, металлов платиновой группы, золота и серебра.

Алмазы — наиболее твердый из всех известных минералов. Их делят на две категории: крупнозернистые (пригодны для ювелирного производства в качестве бриллиантов), и те, у которых мелкое зерно (пригодны для использования в промышленных целях). Уровень потребления бриллиантов рассматривается как показатель богатства и экономического процветания страны. Алмазы, используемые в промышленных целях, находят применение в таких областях, как новые и высокие технологии, электромеханическое оборудование, оптические инструменты, строительство, транспорт, металлургия, геологическая разведка и т.д.

В 1997 г. мировое производство натуральных алмазов составило 57,7 млн карат¹. Ведущее место, по оценке китайских экспертов, занимали Австралия, Конго (Киншаса), Россия, ЮАР, Ботсвана. В КНР в 1997 г. было произведено

Муромцева Зоя Андреевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

120 400 карат натуральных алмазов. Алмазы, производимые в Китае, экспортируются, в основном, в Бельгию, Таиланд, Израиль, Японию, Германию и Гонконг. Одновременно КНР импортирует алмазы из США, Бельгии и ЮАР. В 2006 г. было импортировано алмазов более чем на 2,5 млрд долл. Ежегодные продажи изделий с алмазами оценивались в 3,8 млрд долл.²

Поскольку натуральных алмазов в Китае не хватает, в промышленных целях используются в основном алмазы синтетические. Ежегодное потребление таковых внутри Китая не превышает 100 млн карат. Они используются в основном в резцовых рабочих инструментах (60—70% от общего объема). В 1996 г. экспорт синтетических алмазов составил более 80 млн карат³.

Таблица 1

Производство натуральных алмазов в КНР (карат)

1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
118036	115255	118300	142300	205000	118400	120400

Источник: *Mineral Facts of China. Editor-in-Chief Zhu Xun. Science Press. Beijing. China. 2002. P. 613.*

Производство натуральных алмазов в Китае сильно отстает от потребностей. По имеющимся данным, в 1996 г. в Китае было 8 шахт, включая 3 государственных, и 5 принадлежали городским и волостным властям (в основном в пров. Хунань и Шаньдун). А предприятий синтетических алмазов на рубеже веков насчитывалось свыше 600, они производили более 400 млн карат в год. По синтетическим алмазам Китай — лидер в мире. Но доля синтетических камней составляет только 4% всего мирового производства алмазов⁴.

Таблица 2

Производство синтетических алмазов в КНР (млн карат)

1982 г.	1984 г.	1986 г.	1988 г.	1990 г.	1992 г.	1994 г.	1996 г.	1997 г.
5	10	18	30	43	110	240	320	440

Источник: *Mineral Facts of China. P. 614.*

В 2000 г. в Шанхае открылась алмазная биржа.

В 2006 г. в КНР было объявлено о правительственной программе по драгоценным камням. Было определено, что для первой фазы ее развития необходимо 10 млн долл., для второй фазы — 25 млн долл. Инициатором программы был профессор Академии общественных наук Фу Жэн. Правительство КНР намерено учредить центры обработки драгоценных камней в пров. Шаньдун, Гуандун, Юньнань и в Гуанси-Чжуанском автономном районе. Предполагается, что это обеспечит в 2008 г. занятость 4,5 млн чел.⁵ Это действительно амбициозная программа, если учесть, что с середины 1980-х гг. до начала 2000-х гг. число занятых в ювелирной промышленности КНР возросло с 20 тыс. до 3 млн чел.⁶

В пров. Шаньдун ежегодно добывается около 12 млн карат сапфиров. Однако только половина из них подвергаются огранке в Вэйфане и Циндао. Остальное пересылается огранщикам в Южную Корею и Таиланд. Правительственной программой 2006 г. предусмотрено удвоение ограночных мастерских в

пров. Шаньдун и увеличение специализированных производств по шлифовке и монтажу в технологических центрах. Одна из задач программы — увеличение экспорта. До 2006 г. в Циндао работало 2500 огранщиков; к концу 2007 г. число занятых в отрасли должно было подняться до 5500 огранщиков, 1500 шлифовщиков и 500 монтировщиков⁷. Обучение огранщиков запланировано оплачивать полностью из муниципального бюджета. Удовлетворение потребности технологических центров в рабочей силе повлечет трудоустройство 6—7 тыс. семей.

Пров. Гуандун наиболее удачно провела подготовительные работы. 250 фабрик драгоценных камней, расположенных здесь, экспортируют продукцию на 100 млн долл., имея 50 тыс. занятых⁸. В течение следующих 4 лет экспорт, как предполагается, превысит 2 млрд долл. Будут построены новые технологические центры. Пров. Гуандун является ювелирной базой Китая, в ней успешно работают фирмы Сянгана. В конце 1990-х гг. город Шэньчжэнь стал рассматриваться как новый центр торговли драгоценностями. Складывается мнение, что сюда из Гонконга перемещается центр огранки камней. Причудливые камни, находящиеся здесь в производстве, в основном импортированы из ограночных мастерских Таиланда и Индонезии. Остальные поступают из мастерских г. Учжоу (ГЧАР). По рекомендации рабочей группы по драгоценным камням АОН КНР, предполагается превратить г. Учжоу в центр синтетических драгоценных камней. В настоящее время в городе 100 тыс. чел. занято на предприятиях драгоценных камней, из них примерно 30 тыс. производят синтетические камни, остальные гранят, шлифуют и монтируют натуральные камни.

Правительство пров. Гуандун намерено утроить производственные мощности синтетических драгоценных камней. Предполагалось закупить в США новые культивационные реакторы для более эффективных кристаллических технологий. Доля КНР на мировом рынке синтетических камней снизилась с 40% в 2002 г. до менее 30% в 2005 г. Учреждение в Сев. Америке государственной системы искусственного синтеза сыграло в этом главную роль. В 2008 г. Китай предполагает обеспечить свою долю на мировом рынке, по крайней мере, на уровне 50%. В Учжоу строится исследовательский центр по синтетическим камням, главная цель которого — развивать в стране производство искусственных бриллиантов. Есть опасение, что торговля натуральными бриллиантами может упасть, если производство синтетических бриллиантов продолжится с излишним усердием. На это приверженцы расширения синтетического центра в Учжоу указывают, что удельный вес натуральных бриллиантов в производстве драгоценных камней слишком низок.

В Куньмине быстро растет производство нефрита и изделий из него. Нефрит поступает из разных районов пров. Юньнань и подвергается здесь огранке и монтировке. Здешний белый нефрит высоко ценится. Он активно проникает на международный рынок. Нефрит-альбит (также белый, но не являющийся юньнаньским) в основном поставляется на Тайвань, где используется в ювелирном производстве. Вместе с продукцией из Мьянмы тайваньские изделия из нефрита-альбита соперничают на мировом рынке с изделиями из настоящего белого нефрита. В Куньмине строится центр ювелирных изделий, призванный поднять престиж подлинного юньнаньского нефрита. Провинциальное правительство Юньнани намерено создать здесь крепкую интеграцию между тради-

ционной техникой обработки нефрита и развитием более современного дизайна ювелирных изделий.

В 2006 г. китайская индустрия драгоценных камней извлекла большую пользу из тенденций использования аквамарина и сапфира. На внешний рынок все более продвигается темный сапфир из пров. Шаньдун. Средства, вложенные в улучшение качества этой продукции, окупаются очень быстро. Только в 2006 г. 2 млн долл. предполагалось инвестировать в подготовку огранщиков, а также оборудование для мастерских. 20 преподавателей из Таиланда работали по программе повышения квалификации огранщиков Вэйфана.

По производству жемчуга Китай занимает первое место в мире. Его в 2005 г. было произведено 1500 т⁹. В производстве и обработке жемчуга занято более 400 тыс. чел. Лидерами являются пров. Чжэцзян, Цзянсу, Хайнань, Хунань, Хубэй. Ежегодная продажа изделий из нефрита и жемчуга составляет более 5 млрд долл.¹⁰ Предполагается, что город Чжуцзи в пров. Чжэцзян станет самым крупным в мире центром торговли жемчугом и драгоценностями. В нем планируется разместить 5 тыс. магазинов и павильонов. Чжуцзи ежегодно поставляет 30 млн украшений из жемчуга, в нем производится 65 т жемчужного порошка и 43% общего объема речного жемчуга. В г. Санья (пров. Хайнань) расположен НИИ жемчуга, где на его основе разрабатываются лекарственные и косметические препараты.

За последние два десятилетия в КНР сформировалась тенденция роста ювелирной продукции. В середине 1980-х гг. ее производство составляло 24 млн долл.; в 2006 г. продажи ювелирных изделий достигли 20,5 млрд долл.¹¹

Производство металлов платиновой группы, включающей палладий, осмий, иридий, рутений и родий, в 1969 г. составило в КНР 100 т. В 1980-е гг. оно достигло 200 т, к началу XXI в. приблизилось к 300 т. В мировом производстве платиновых руд лидируют Россия, ЮАР и Канада, тогда как Китай испытывает серьезный дефицит. До недавнего времени металлы платиновой группы в основном использовались для ювелирных украшений. В середине XX в. они стали широко применяться в химической, автомобильной, авиационной, атомной, нефтехимической, нефтяной отраслях, в электронике, в производстве медицинских приборов. Наибольшее применение находят ныне в автомобильной индустрии и в производстве катализаторов. В 1996 г. из общего мирового потребления, составившего 143 т, в автомобилестроении было использовано 35,5%, в производстве катализаторов — 28%. В 1993 г. на эти цели было потрачено 53 т платины, 22 т палладия и 11 т родия. Исследования последних лет привели к развитию наиболее дешевых палладиевых катализаторов взамен более дорогих платинопалладиево-родиевых. В 1997 г. мировые запасы металлов платиновой группы оценивались в 71 тыс. т, из которых более 95% принадлежало Южной Корее, России, Канаде и США. Запасы платиновой группы в Китае составляют всего 0,3% от мировых¹².

Судя по оценкам, на конец 1997 г., перспективные запасы металлов платиновой группы в Китае составляли 307,9 т (на платину приходилось 53,8%, на палладий — 39,5%)¹³. Более 82% платиновых и палладиевых ресурсов отмечены в пров. Ганьсу, Юньнань, Сычуань, Хэйлунцзян и Хэбэй.

С 1993 по 1997 гг. общее потребление металлов платиновой группы возросло в мире более чем на 35,5%, при том для производства украшений — на 28%. Потребности автомобильной промышленности в этих металлах с 1993 по 1996 гг. увеличились почти на 14%¹⁴. В последние 10 лет спрос на платину опережает рост добычи. Увеличивается спрос и на второй по значению металл платиновой группы — палладий, который стал вытеснять платину в производстве как автомобильных каталитических систем, так и ювелирных изделий. Мировые поставки платины в 2006 г. оценивались в 218 т¹⁵.

В Китае добыча руд платиновой группы началась в 1958 г. К 1978 г. годовое производство платины и палладия достигло примерно 100 кг. К концу 1990-х гг. оно увеличилось более чем в 5 раз.

Таблица 3

Производство платины и палладия в КНР на шахтах в 1980—1997 гг., кг

Год	1980	1985	1990	1993	1994	1995	1996	1997
Платина	157,0	237,7	256,0	280,0	256,0	290,0	304,0	355,0
Палладий	77,0	129,2	132,0	140,0	154,0	171,0	190,0	178,0
Всего	234,0	366,9	388,0	420,0	410,0	461,0	494,0	533,0

Источник: *Mineral Facts of China*. P. 442.

На Цзиньчуаньском медно-никелевом комбинате, вступившем в эксплуатацию в 1965 г. (ныне преобразован в Цзиньчуаньскую корпорацию цветных металлов), производство платины в 1995 г. составило 283 кг, палладия — 137 кг. Эта корпорация лидирует по их производству.

Таблица 4

Производство металлов платиновой группы Цзиньчуаньской корпорацией цветных металлов, кг

	1977 г.	1988 г.	1994 г.	1995 г.
Платина	59	399	750	283
Палладий	25	399	130	137
Рутений	—	10	12,9	25,5

Источник: *Mineral Facts of China*. P. 443.

С 1980-х гг. в Китае активно развивается вторичное производство металлов платиновой группы и золота из отработанных элементов электроники, компьютеров, оборудования и материалов телекоммуникаций, компонентов автомобилей и др., которое благодаря низкой себестоимости очень эффективно. По неполным статистическим данным, вторичное производство металлов платиновой группы возросло с 2500 кг в 1990 г. до 3500—4000 кг к 2000 г.¹⁶ (см. табл. 5). Значительное количество этой вторичной продукции используется в автомобильной промышленности. По данным китайской статистики о структуре потребления металлов платиновой группы в 1987—1989 гг., на Министерство машиностроения и электроники приходилось 40%, на Министерство химической промышленности — 10%, на Китайскую национальную нефтехимическую корпорацию — 10%, на Министерство авиации и аэронавтики — 6%, на Министерство

электроники — 4%, на Китайскую индустриальную корпорацию стройматериалов — 4%, на Академию наук — 4,5%, на Государственную комиссию по науке и технологиям — 4,5%, на Главный департамент логистики — 1,5%, на Министерство атомной промышленности — 0,5%, на почту и телекоммуникации — 1%, на легкую промышленность — 1%, на медицину — 1%. В последние годы потребление металлов платиновой группы продолжает возрастать в таких сферах, как производство азотной кислоты, стекла, в нефтехимии, автотракторостроении, электронике, легкой промышленности, стоматологии.

Таблица 5

**Вторичное производство в КНР металлов платиновой группы
в конце 1990-х гг.**

	Ежегодное производство, кг	Основные материалы для вторичного производства	Основные предприятия
Химическая промышленность	1000—1300	Отходы каталитического процесса	Цеха платиновых сетей Тайюаньского з-да хим. удобрений
Промышленность стройматериалов	~ 1000	Платиновые тигли и втулки для производства стекловолокна	Ф-ка "Яохуа" в Шанхае, Шанх. ф-ка сплавов, Нанкинский ин-т стекловолокна и дизайна
Электромеханическая продукция	~ 300	Термомуфты и т.д.	Чунцинский з-д инструментов и измерительных приборов "Хуаши"
Нефтехимическая промышленность	800—1000	Различные катализаторы, содержащие металлы платиновой группы	Шанх. нефтехим. з-д "Цзиньшань", Фушуньский з-д нефтепродуктов, Чанлинский нефтеочистительный з-д
Предпринимательство, спрос и продажи	~ 300	Все виды отходов	Шанх. ф-ка втор. благородных и редких металлов, Хучжоуский ин-т по восстановлению отходов, Тяньцзиньский ин-т по восстановлению отходов, Шанх. з-д сплавов "Шуйшэн"
Бюро золота	~ 50	Все виды отходов	Шэньянский колледж золота
Компания цветных металлов	~ 50	Все виды отходов	Куньминский ин-т золота

Источник: *Mineral Facts of China*. P. 441.

В 1997 г. в мире произошли изменения в спросе и предложении металлов платиновой группы: перепроизводство в 1996 г. и дефицит в 1997 г. В 1997 г. спрос в западных странах составил 5,092 млн унций (рост против 1996 г. на 3,3%). В том числе спрос на украшения и ювелирные изделия достиг 2,07 млн унций. Однако экспорт платины из России в 1997 г. упал на 42,6% против 1996 г. Сумма этого спада была равнозначна тогдашнему производству в ЮАР и Сев. Америке вместе взятых. В 2006 г. на рынке платины была достигнута большая сбалансированность, чем в предыдущие годы. Показатель дефицита ожидался незначительным.

Таблица 6

Потребности в металлах платиновой группы в мире в 1993—1997 гг., млн унций

Год	1993	1994	1995	1996	1997
1. В автомобилестроении	1,685	1,865	1,880	1,920	...
2. В производстве украшений	1,615	1,720	1,800	1,882	2,070
Всего	4,045	4,510	4,710	4,770	5,092

Источник: *Mineral Facts of China*. P. 442.

Дефицит металлов платиновой группы заставляет Китай, с одной стороны, увеличивать производство внутри страны, а с другой — наращивать импорт. КНР импортировала в 2004 г. из России платины на 16,4 млн долл., в 2005 г. — на 39,11 млн долл., в 2006 г. — на 14,97 млн долл.¹⁷.

Таблица 7

Импорт и экспорт КНР металлов платиновой группы в 1997 г.

	Импорт		Экспорт	
	Объем, кг	стоимость, тыс. долл.	Объем, кг	стоимость, тыс. долл.
Платина и платиновые продукты	2330,945	27546,0	112,878	1152,0
Палладий и палладиевые продукты	1426,698	957,0	3120,935	16831,0
Родий и продукты родия	33,000	376,0	24,032	338,0
Иридий, осмий и рутений и их продукты	327,750	423,0	105,290	609,0
Всего	4118,393	29302,0	3363,135	18930,0

Источник: *Mineral Facts of China*. P. 444.

Следует отметить, что кроме платины и палладия остальные платиноиды (родий, иридий, рутений и осмий) на бирже не котируются. Поэтому производители, заключая долгосрочные контракты, как правило, соглашаются продавать платину лишь при условии одновременного приобретения покупателем на определенную сумму других металлов этой группы¹⁸.

К концу 1995 г. в КНР насчитывалось 1234 предприятия по производству золота, в том числе 1211 шахт и 7 плавильен. Из 1211 шахт 593 имели нефикси-

рованные производственные мощности менее чем по 25 т руды в день, а золота — менее 10 кг в день; стоимость производства — менее 1 млн юаней в день; стоимость основных фондов по первоначальной оценке — менее 1 млн юаней. Остальные 618 шахт имели фиксированные производственные мощности. В 1995 г. было произведено 115,09 т золота, из которых 9,43 т произвели госпредприятия центрального подчинения (9,11%); 54,23 т — госпредприятия местного значения (53,36%); 37,27 т — коллективные предприятия (36%) и 1,58 т — прочие предприятия (1,53%)¹⁹. Многие крупные и мелкие коллективные шахты в пров. Шаньдун имели относительно большое производство (в Чаншане, в Цзичэне, Хэси и Линна).

В соответствии с данными Государственного административного бюро золота при Госкомитете по экономике и торговле, в 1998 г. числилось 480 шахт с фиксированными производственными мощностями по золоту, в том числе 43 — с производственной мощностью более 500 т руды в день и 273 — от 25 до 200 т руды в день. В производстве золота из россыпей имелось 11 драг с объемом производства более чем по 250 л, 29 — с объемом производства от 150 до 250 л, 94 — от 50 до 100 л и еще 64 — открытые карьеры. Общее производство шахт составляло 77,385 т в день первичной породы и 59,89 млн куб. м в день золотой россыпи. Это обеспечивало производство первичного золота в объеме 37,034 кг в день, золота из россыпей в объеме 10 675 кг в день²⁰.

История золота в Китае насчитывает 4 тыс. лет. С быстрым развитием таких отраслей, как космонавтика и электроника, информационные технологии, новые виды энергетических ресурсов и материалов, границы применения золота расширяются. Золото обладает высокой прочностью, тепловой и электрической проводимостью и поэтому все шире применяется в электронных элементах и компонентах, современных космических технологиях, авиации, автомобиле- и судостроении и т.д.

С тех пор, как человечество начало добывать золото, было произведено 107 700 т. Из этого 40% существует в драгоценностях и монетах, 40% в качестве национального сокровища различных стран, остальные 20% потеряны или использованы в промышленном производстве. Количество золота, принадлежащего частным лицам, в слитках, монетах и драгоценностях равно, по оценкам, правительственным золотым запасам всех стран мира. В конце 1985 г. золотые резервы в мире составляли 65 315 т. В правительственных золотых запасах первое место занимали США с суммой 8 220 т; в частных резервах первенствовали Франция, Индия и США²¹.

Таблица 8

Золотой запас Китая по пятилеткам в 1953—1995 гг., млн унций

Пятилетки								
I (1953- 1957)	II (1958- 1962)	1963- 1965	III (1966- 1970)	IV (1971- 1975)	V (1976- 1980)	VI (1981- 1985)	VII (1986- 1990)	VIII (1991- 1995)
5,00	4,00	3,67	6,20	10,52	12,80	12,67	12,67	12,67

Источник: *Mineral Facts of China*. P. 456.

Примечание: Данные по золоту (такие, как объем производства и золотые резервы) до начала экономических реформ являлись секретными.

По разведанным золотым запасам Китай — среди лидирующих стран мира. Золотая руда существует там в основном как первичная порода, россыпь, связанный или побочный продукт. Золотые запасы в качестве первичной руды — главный источник (75—85% годового производства).

В Китае налицо чрезвычайно хорошие металлогенетические условия золотых залежей. Потенциальные запасы в 10 провинциях и автономных районах составляют, по оценке Министерства геологии и минеральных ресурсов, более 11000 т. Размещение ресурсов золота неравномерно. Много типов золотоносных руд обнаружено в северном и восточном Китае. Первичная порода встречается главным образом в пров. Шаньдун, Хэнань, Хэбэй, Шэньси, Цзилинь и Хубэй. Золотые россыпи найдены в окраинных районах северо-восточного Китая и в юго-западных частях пров. Хэйлунцзян, Шэньси, Ганьсу, Сычуань и Автономный район Внутренней Монголии (АРВМ). В качестве сопутствующего продукта залежи золота отмечены в нижнем и среднем течении р. Янцзы в пров. Цзянси, Хубэй и Аньхой.

Таблица 9

Структура добычи золота в КНР в 1997 г., т

Всего		В том числе:					
		из первичной породы		из золотых россыпей		из связанного или побочного продукта	
т	%	т	%	т	%	т	%
181,60	100	153,03	84,30	14,6	8,00	13,97	7,70

Источник: *Mineral Facts of China*. P. 446.

Производство золота в КНР стало быстро развиваться в 1980-х гг. и особенно усилилось со второй половины 1990-х гг. С начала 1980-х гг. было открыто много новых месторождений в различных районах. Была предпринята серия реформ, нацеленных на увеличение добычи золота. Так, были учреждены фонд геологических исследований золота и система контрактов, которая дополняла концентрацию усилий и сотрудничества геологических подразделений по всей стране в поисках золотых месторождений. В эти годы росло потребление золота в промышленных отраслях.

Таблица 10

Потребление золота в промышленности Китая, т

1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
5,5	5,5	11,0	9,9	10,7	10,4	10,4	12,1	12,8	13,8

Источник: *Mineral Facts of China*. P. 456.

Как показывает таблица, в десятилетие с 1987 по 1996 г., несмотря на очевидный рост потребления золота в электронике и некоторых других отраслях промышленности, общее его потребление в промышленных целях оста-

валось невысокой. В то же время благодаря реформам и повышению жизненного уровня значительно возросли потребности рынка золотых украшений, которые в 1996 г. почти в 20 раз превышали потребление золота в промышленности.

Таблица 11

Рост потребления золота в промышленности украшений, т

1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
125,4	93,8	223,5	350	292	292	288	273

Источник: *Mineral Facts of China*. P. 457.

Потребление золота в ювелирном производстве с 1989 по 1996 г. выросло почти в 2,2 раза. Примечательно, что рынок золотых украшений моментально отреагировал на события на площади Тяньаньмэнь в мае 1989 г.: потребности в золоте в 1990 г. снизились почти на 25%. Масштабы рынка золотых украшений в начале 1980-х гг. составляли всего несколько сот млн юаней, увеличившись в последующие 10 лет до 20—30 млрд юаней. Тенденции развития рынка украшений из золота до начала XXI в. были неоднозначны. Ко второй половине 1990-х гг. его экспансия снизилась: в Шанхае, крупнейшем в Китае рынке золотых украшений, потребление золота упало вдвое (с 22 т в 1993 г. до 11 т в 1996 г.). Однако в начале первого десятилетия XXI в. перспективы этого рынка стали расширяться. По данным ГСУ КНР, в 2006 г. продажа золота, серебра и ювелирных украшений возросла по сравнению с 2005 г. почти на треть.

В 1983 г. государство огласило “Правила КНР по контролю за золотом и серебром”, согласно которым до конца 1990-х гг. его добыча, экспорт и импорт, продажа производителями ювелирных украшений контролировалась Народным банком Китая. Производство и продажа золота являлись прерогативой государства. В начале XXI в. на основе мер, разработанных правительством КНР и Всемирным советом по золоту, произведена либерализация — в 2003 г. были устранены многочисленные барьеры, препятствовавшие торговле золотыми ювелирными украшениями. Торговля золотом на Шанхайской бирже началась в 2002 г.

Спрос на золото в монетах в Китае, как и в других странах, имеет тенденцию к снижению. Золото, используемое в драгоценностях и украшениях, имеет большой удельный вес в общем потреблении. В 2006 г. в КНР в рамках правительственной программы по драгоценным камням (принятой, как уже говорилось, в 2006 г.) к их разработке были привлечены мастера золотых дел. Выполнение этой программы повышает интерес к украшениям из золота, спрос на золото в которых составит, по оценкам, примерно 200 т в год²².

По официальным данным, производство золота в 1996 г. составило 120,8 т (иностранцы давали более высокую оценку — 145 т, что превышало добычу золота в России и ставило КНР на 5-е место в мире). В 2004 г. в связи с открытием новых месторождений в пров. Ляонин, Цинхай, Хайнань, Юньнань, АРВМ были приняты меры по расширению золотодобычи. В последующие годы она росла высокими темпами: в 2004 г. составила 212,4 т, в 2005 г. — 224 т. В 2006 г. она планировалась на уровне 240 т — т.е. против 1996 г. должна была возрасти почти вдвое (198,7%). Если золото, добытое на местных шахтах (в том чис-

ле контрабандным путем), станет дозволенным, то спрос на него, считают эксперты, будет удовлетворен.

Таблица 12

Мировая добыча золота, т

	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Всего	2550,5	2471,1	...
ЮАР	315,1	291,8	272
КНР	229,8	247,2	276
США	262,3	251,8	...
Россия	175,4	172,8	...

Источники: Данные за 2005—2006 гг. по материалам *Mining Journal* (БИКИ. 2007. 29 нояб. С. 13); за 2007 г. данные британской консалтинговой компании GFMS (*Коммерсантъ*. 2008. 10 янв. С. 5).

По итогам 2007 г., в соответствии с данными британской консалтинговой компании GFMS, КНР стала мировым лидером, опередив ЮАР, которая в течение 100 лет первенствовала по золотодобыче. Международные эксперты предсказывают укрепление позиций Китая на рынке золота. На фондовой бирже Шанхая началась торговля фьючерсными контрактами на золото. Активную поддержку развитию ювелирного рынка в КНР осуществляют Всемирный совет по золоту и Международная гильдия платины. На китайском рынке ювелирных изделий представлены новые коллекции золотых и платиновых украшений с восточной символикой, пользующиеся спросом у китайских потребителей и изготовленные в основном сянганскими компаниями.

В середине 1990-х гг. преобладали мелкие и средние предприятия по производству золота. В 1996 г. только 18 предприятий Китая имели производственные мощности более 1 т первичной породы в день, на которые приходилось 20% всего производства золота в стране. По данным зарубежных источников, в 1979—1980 гг. в мире на 102 шахты и компании по производству золота приходилось более 85% его мирового производства. Западные компании располагали 135 шахтами мощностью более чем по 150 тыс. т золотой руды, в том числе 21 шахта с производством от 0,5 до 1 млн т, 15 шахт — от 300 тыс. до 500 тыс. т и 35 шахт — от 150 тыс. до 300 тыс. т²³.

В Китае всегда имела место разница в золотодобыче между восточными и западными районами. В 1990-е гг. она стала быстро развиваться на западе, тогда как провинции восточного Китая после длительного периода развития несколько понизили темпы добычи. На 3-м Всекитайском рабочем совещании по золоту в период выполнения 9-го пятилетнего плана (1995—2000 гг.) был принят курс “поддерживать стабильное развитие на востоке Китая с укреплением развития в западных и центральных районах”.

Согласно статистике конца 1996 г., общие изученные запасы золота (A+B+C+D) в 9 провинциях и автономных районах западного Китая (Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Тибетский автономный район (ТАР), Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся-Хуэйский автономный район (НХАР), Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) составляли 1089,54 т, золотые россыпи — 242,48 т и золо-

то как сопутствующий компонент — 198,15 т²⁴. В 2006 г. достоверные запасы оценивались уже в 1995,0 т²⁵.

Серебро. Из всех металлов ему присуща наиболее высокая степень электрической и тепловой проводимости. Кроме того, оно обладает хорошей гибкостью и пластичностью, легко полируется и принимает задаваемые формы. Может быть использовано со многими другими металлами для производства лигатуры и сплавов, обладает относительно высокой стойкостью к коррозии, органическим кислотам и щелочам, с трудом окисляется при нормальной температуре и влажности. Благодаря таким качествам серебро испокон веков использовалось для изготовления монет и украшений, столовых приборов, а ныне все шире применяется в современной индустрии, в строительстве.

К 1997 г. были исследованы 572 района залегания серебряных руд в 27 провинциях, муниципалитетах и автономных районах Китая.

Таблица 13

Запасы серебра КНР в 1985—1997 гг., т

	1985 г.	1990 г.	1995 г.	1997 г.
Серебряная руда	10896	26779	47824	40717
Серебряная руда в качестве побочного продукта	48202	59417	66146	76405
Всего	59098	86196	113970	117122

Источник: *Mineral Facts of China*. P. 458.

В соответствии с данными, опубликованными Бюро горных руд США в 1996 г., общие запасы серебра в мире составляли 280 000 т, а резервная база — 420 000 т. Эти запасы в основном размещаются в США (запасы — 31 000 т, резервная база — 72 000 т), Канаде (запасы — 37 000 т, резервная база — 47 000 т), Мексике (запасы — 37 000 т, резервная база — 40 000 т), Перу (запасы — 25 000 т, резервная база — 37 000 т) и Австралии (запасы — 29 000 т, резервная база — 33 000 т). Китай — на третьем месте после США и Канады, если сравнивать запасы китайских серебряных руд, извлекаемых только для серебра, с резервной базой перечисленных стран²⁶.

В 2006 г. достоверные запасы серебра в Китае оценивались в 19 059 т²⁷.

Наиболее крупные его залежи расположены в Иньдунгоу (пров. Хубэй), Лэншуйкэн (пров. Цзянси), Иньдунцзы (пров. Шэньси), Пошань (пров. Хэнань), Цзяула и Цагань Булагэнь (АРВМ).

Несмотря на значительный рост производства серебра в Китае в 1980-е и 1990-е гг., его производство ниже, чем в Мексике (2200 т), Перу (1600 т), США (1500 т).

В 1990-е гг. в Китае было сооружено более 10 серебряных шахт. К началу XXI в. ключевые шахты размещались в пров. Гуандун (шахта по добыче свинца, цинка и серебра Фанкоу, при годовом производстве 135 т), в пров. Хэнань (шахта Пошань, годовое производство 40 т), в пров. Ляонин (шахта Гаоцзябаоцзы), в пров. Шэньси (шахта по добыче серебра, свинца и полиметаллов в Иньдунцзы), в пров. Цзилинь (шахта Шаньмэнь), в пров. Цзянси (шахта по добыче свинца, цин-

ка и серебра Иньлулин), в пров. Хубэй (шахта Ньюцзюань в Фэннине), в пров. Гуандун (шахта Пансидун), в пров. Чжэцзян (шахта Инькэншань) и в пров. Цзянси (шахта Хуцзяцзянь).

Таблица 14

Производство серебра в КНР, т

Год	Всего	в том числе:	
		добытое серебро	восстановленное серебро
1949	4,6	—	—
1980	490,0	423,0	67,0
1985	611,6	517,1	94,5
1990	783,0	704,0	79,0
1995	1031,2	984,3	46,9
1997	1301,3	1301,3	0

Источник: *Mineral Facts of China*. P. 465.

К настоящему времени Китай в основном обеспечивает свои потребности в серебре. К концу 1980-х гг. его потребление оценивалось в 1000 т, из которых около 20% использовалось в светочувствительных материалах. Потребление серебра в Китае ниже, чем в промышленно развитых странах. Отличается оно и по структуре. Например, годовое потребление серебра в США составляет около 4000 т, и 50—60% от этого объема используется в светочувствительных материалах.

Таблица 15

Структура импорта КНР сырья и изделий ювелирной промышленности, млн долл.

	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Платина, в т.ч.:	507,26	898,16	1303,38
ЮАР	264,52	417,82	452,22
Великобритания	9,90	68,83	242,17
ФРГ	128,34	186,00	180,41
Алмазы, в т.ч.:	1610,23	1917,12	2504,87
Бельгия	745,71	805,42	1015,84
ЮАР	444,50	501,96	694,36
Индия	228,65	277,64	280,85
Израиль	109,23	220,74	262,32
Ювелирные изделия из благородных металлов, в т.ч.:	70,98	108,26	129,64
Швейцария	15,22	26,72	31,84
САР (Гонконг)	18,41	22,23	26,16
Итого	2653,68	3470,51	4618,56

Источник: *Таможенная статистика (БИКИ. 2008. 13 марта. С. 13—14)*.

Потребности Китая в серебре на 2000 г. оценивались в 1400 т и должны возрасти в 2010 г. до 2300 т. Потребление его будет увеличиваться с развитием

продукции кино- и фото-индустрии, машиностроения, электроники и электротехники. В 2004 г. в КНР было добыто более 37430 т серебряной руды и свыше 2075 т золотосодержащих руд²⁸. Развивая рынок драгоценных камней и благородных металлов, КНР в последние годы увеличила импорт платины, алмазов и ювелирных изделий из благородных металлов.

Более половины всех импортных поставок алмазов, платины и ювелирных изделий поглощают центры ювелирной промышленности в пров. Гуандун. В общей сумме импорта платины, алмазов и ювелирных изделий из благородных металлов ювелирные изделия составляют 3,3%.

В 2000-е гг. в ходе рассмотрения и принятия правительственной программы по драгоценным камням стали быстро развиваться продажи качественных алмазов, рубинов, сапфиров. На китайском рынке ювелирной продукции около 60% продаж составляют относительно дешевые изделия, 30% — изделия средней цены и 10% — дорогостоящие²⁹. В дорогостоящем секторе ювелирного рынка Китая представлены известные фирмы мирового уровня: “BULGARI”, “Cartier”, “Tiffany”, “Van Cleef & Arpels” и др. Хотя планы развития ювелирного производства в КНР предусматривают формирование собственных брэндов, и идет процесс создания новых компаний, пока что в производстве преобладают малоизвестные мелкие и средние производители. В 2006 г. более 20 китайских ювелирных марок, в числе которых “Caibai Jewelry”, “Colorful Yunnan”, “YueWang”, были классифицированы как “Китайские знаменитые брэнды” и “Хорошо известные брэнды в Китае”, но на мировом рынке они пока не конкурентоспособны.

Производство благородных металлов и драгоценных камней — важный показатель экономической мощи страны. Внимание к планам его развития можно рассматривать как одно из направлений стратегического урегулирования экономической структуры. Развитие этой области минеральных ресурсов свидетельствует об адаптации пореформенного Китая к развивающейся и изменяющейся ситуации в мире и внутри страны, о стремлении не упустить важные стратегические шансы, использовать китайский дух практицизма и предприимчивости в сферах, характеризующих рост благосостояния китайского общества и нацеленных на инновации в научно-техническом развитии.

1. Mineral Facts of China / Editor-in-Chief Zhu Xun. Science Press. Beijing (China), 2002. P. 612. К 50-летию образования КНР в 1999 г. на китайском языке было опубликовано трехтомное издание «Минеральные ресурсы Китая» под редакцией Чжу Сюня при спонсорской поддержке Китайской ассоциации горного дела, которое суммирует развитие и достижения в области минеральных ресурсов за последние 50 лет. Оно классифицируется как ключевой научно-исследовательский проект Министерства земельных и минеральных ресурсов. Китайское издание включает: 1 т. «Общее положение и энергетические ресурсы», 2 т. «Минеральные ресурсы металлов» и 3 т. «Неметаллические минеральные ресурсы» с более чем 3 млн характеристик, 479 цифровых текстов и 842 таблиц. На основе общей и детальной информации показаны развитие и утилизация минеральных ресурсов. Чтобы продвигать реформы и открытость, а также обеспечить окно за рубежом по систематическому исследованию и проблемам минеральных ресурсов, сразу же после китайского издания был организован его перевод на английский язык, и в 2002 г. монография вышла в Пекине в издательстве

«Science Press». Английское издание состоит из введения, предисловия, 4-х глав («Общее положение», «Энергетические ресурсы», «Металлические минеральные ресурсы», «Неметаллические минеральные ресурсы», справочного приложения и послесловия). В данной статье используются показатели этого издания. Имеются сведения, что с 2002 г. в КНР была изменена ранее принятая методология по оценке минеральных ресурсов, и данные по некоторым из них вновь являются закрытыми.

2. БИКИ. 2008. 13 марта. С. 14.
3. Mineral Facts of China. P. 616.
4. БИКИ. 2007. 11 авг. С. 15.
5. World One. International Watch & Jewellery Journal. 2006. № 1. P. 97.
6. БИКИ. 2008. 13 марта. С. 14.
7. World One. International Watch & Jewellery Journal. 2006. № 1. P. 98.
8. Ibid.
9. Дыхание Китая. 2006. N 3.
10. БИКИ. 2008. 13 марта. С. 14.
11. Там же.
12. Mineral Facts of China. P. 437.
13. Ibid.
14. Рассчитано по: Mineral Facts of China. P. 442.
15. БИКИ. 2007. 24 мая. С. 19.
16. Mineral Facts of China. P. 441.
17. БИКИ. 2008. 13 марта. С. 15.
18. БИКИ. 2007. 24 мая. С. 18.
19. Mineral Facts of China. P. 452.
20. Ibid. P. 453.
21. Ibid. P. 445.
22. БИКИ. 2008. 13 марта. С. 15.
23. Mineral Facts of China. P. 453.
24. Ibid. P. 454.
25. Чжунго гунцзи няньцзянь — 2007. Пекин. 2007. С. 10.
26. Mineral Facts of China. P. 459.
27. Чжунго гунцзи наньцзянь—2007. Пекин. 2007. С. 10.
28. Чжунго гунъе фацжянь баогао — 2006 [Развитие промышленности Китая в 2006 г.]. Пекин, 2006. С. 608.
29. БИКИ. 2008. 13 марта. С. 15.

Транспортная составляющая российских геополитических интересов в Северо-Восточной Азии

© 2008

И. Бояринцев

В советский период задачи транспортных систем Дальнего Востока, в основном, сводились к обслуживанию нужд населения и обеспечению обороноспособности страны. В силу этого они, как и вся страна, зачастую были закрыты от внешнего мира и развивались не вполне в рациональных условиях, в зависимости от внутренних потребностей социально-экономической системы страны и ее Дальнего Востока. Таковы были геополитические реалии того времени.

В период реформ потребовался переход к системе, направленной на растущую внешнюю торговлю и интернационализацию хозяйства; ориентация Дальнего Востока РФ на рынки стран Восточной Азии ставит задачи комплексного развития транспортных систем.

Это диктуется кардинально изменившимися условиями и в мире, и в России, открывает перспективы новых, прежде казавшихся нереалистичными возможностей развития дальневосточного региона и России в целом. Однако в постсоветский период транспортная отрасль не смогла преодолеть затяжной кризис, сильно откатившись назад по сравнению с Советским Союзом. И это вопреки открытию страны для иностранных партнеров, возрождению перспективы создания трансроссийского моста Восточная Азия — Европа, развития внешнеторговых отношений со странами всего мира.

Вместе с обретением политической независимости прежними союзными республиками, входившими в состав СССР, экономический комплекс России утратил множество объектов транспортной инфраструктуры. Крупнейшие потери России¹ пришлось на портовые объекты Черноморья и Балтики, которые на протяжении многих веков создавались для ее транспортной системы и грузовой базы. Тем самым с распадом СССР для России многократно возросли проблемы выхода в Мировой океан. Не случайно в Морской доктрине РФ отмечено, что для Российской Федерации все больше возрастает значение тихоокеанского побережья².

Геополитическое значение выхода в Мировой океан для России и ее Дальнего Востока включает три составляющие: обеспечение безопасности государства; использование биологических³ и энергетических ресурсов, проведение научно-исследовательской деятельности; возможность выхода в Мировой океан для международной торговли и транзита товаров через свои порты.

Степень развития портового комплекса страны оказывает существенное влияние на темпы и объемы участия страны в мировой экономике, на способность вести конкурентную борьбу в региональном и глобальном масштабах. Морские порты дают стране выход на мировые магистрали, позволяют формировать и контролировать торговые пути и регулировать грузопотоки, а также обеспечивать базирование ВМС⁴.

Для стран, обладающих значительной береговой линией и выходящих к бассейнам многих морей, особенно когда сухопутные коммуникации в силу географических условий создать сложно или они очень протяженны, развитость портового комплекса жизненно необходима. Портовый комплекс не только обеспечивает нормальное функционирование национальной экономики таких стран и их деятельность на мировом рынке, но и является элементом поддержания обороноспособности государства⁵.

На Дальнем Востоке Россия имеет около 20 тыс. км морских побережий. На этот регион приходится 40% всех российских портовых мощностей; зоны перевозок из этих портов охватывают весь тихоокеанский бассейн, значительную часть бассейна Северного Ледовитого океана, Индийского океана, выходя и в бассейн Атлантики. Вдоль дальневосточного побережья (протяженность — около 6 тыс. морских миль) функционируют 22 морских и 10 рыбных портов. Порты Приморья и порт Ванино соединены с Транссибом и БАМом, образуя с припортовыми железнодорожными станциями транспортные узлы — Владивостокский торговый порт, Находкинский (торговый и нефтяной порты, порт Восточный) и Ванинский (порты Ванино, Советская гавань и ЗАО «Трансбункер»)⁶. Таким образом, расположение дальневосточных портов идеально для внутрорегионального и международного транзита.

Вместе с тем в России, в отличие от других стран региона, портовая инфраструктура, практически не совершенствовавшаяся после распада СССР, развита плохо. Суммарная пропускная способность Владивостока, Находки и порта Восточный (в обоих направлениях) составляет 25 млн т в год, тогда как только экспортные потребности достигают 30 млн т⁷. Потенциальная же их грузовая база мало отличается от таковой по всей России и других бывших республик СССР — это нефть, уголь, металлы, минеральные удобрения и лес⁸.

Порты Дальнего Востока обрабатывают только около 20% российских внешнеторговых грузов, проходящих через порты РФ, при этом около 80% всех морских перевозок дальневосточного бассейна осуществляются через порты южного Приморья. В целом по Дальнему Востоку загруженность портовых мощностей составляет 59%, так что недобор грузов можно было бы восполнять «переманиванием» грузопотоков с других бассейнов, оттягивая их у зарубежных портов, или развивать новые грузопотоки — за счет активизации внешнеторговой деятельности или привлечения на Транссиб международных транзитных грузов. Развитие транспортных и портовых мощностей решает несколько задач: первая — все российские грузы перерабатываются через отечественные порты; вторая — максимальное привлечение дополнительных грузопотоков за счет транзита, в том числе грузов северо-востока КНР, не имеющего выхода к морю.

Грузообороты портов сопредельных стран на 1,5—2 порядка выше чем у портов Приморья. Транспортные системы Северо-Восточной Азии совершенст-

вуются в унисон усилению экономического взаимодействия стран региона. Особенно интенсивно развивается их морская деятельность, что обусловлено в первую очередь островным или полуостровным положением большинства стран Северо-Восточной Азии или обладанием весьма протяженными морскими побережьями. Эти страны придают особое значение морским перевозкам, что видно уже из грузовой вместимости их флотов и наличия у них крупнейших портов.

Практически все страны, имеющие выход к морю (собственно, все страны Восточной Азии и США), рассматривают морской транспорт как базовую отрасль экономики и задачи развития торгового флота относят к числу приоритетных, ибо морские перевозки по сравнению с другими видами транспорта характеризуются самыми низкими транспортными издержками. Поэтому на долю морского флота приходится около 80% всех экспортно-импортных грузов в мире⁹.

Российский флот ныне не в состоянии обеспечивать транспортировку отечественных внешнеторговых грузов (охватывая лишь около 6% их объема)¹⁰. Сейчас Россия зависит от иностранных судоходных компаний, на которые приходится основной объем экспортно-импортных перевозок по всем главным грузам внешней торговли РФ (нефть, руда, уголь, лес и т.п.)¹¹. Сложившаяся ситуация чревата дальнейшим свертыванием деятельности России в Мировом океане и снижением способности использовать как его ресурсы, так и международные морские коммуникации.

При этом на Дальнем Востоке морские перевозки играют определяющую роль. При большой протяженности побережья и слабой развитости наземных коммуникаций поддержание там каботажного в требуемых объемах жизненно необходимо, он служит основой всей транспортной системы дальневосточной прибрежной зоны, связывая эти районы между собой и с другими регионами России. Для страны с такими географическими параметрами достаточное количество портов и их способность надежно обеспечивать перевалку грузов есть не только экономическая необходимость, но и вопрос национальной безопасности¹².

Загрузке восточных транспортных коммуникаций РФ сильно мешает отсутствие четкой тарифной политики. Порой это вынуждало производителей экспортной продукции входить в непрофильный транспортный (в основном портовый) бизнес, чтобы напрямую участвовать в управлении процессами поставок своей продукции¹³. Но и это наталкивается на тарифы железнодорожных перевозок.

Парадоксально, но в настоящее время множество российских грузов экспортируется и импортируется через иностранные порты (на чем Россия теряет более 1,5 млрд долл. в год). Из-за высоких железнодорожных тарифов стало невыгодно вывозить через дальневосточные порты товары из Западной Сибири и Урала¹⁴. Другой «камень преткновения» — сложные и дорогостоящие таможенные процедуры на дальневосточных границах России. В результате всего этого существенная часть импорта из Японии и других стран Восточной Азии доставляется в нашу страну (даже на ее восточные территории!) не короткими маршрутами через российские дальневосточные порты, а извилистым морским путем через порты Европы. Абсурдное явление: доставка товаров из Японии через приближенные к ней российские порты неконкурентоспособна в сравнении с «европейским транзитом» (сначала морским транспортом в Финляндию, а затем железнодорожным — через всю территорию нашей страны)¹⁵. Так же обстоит

дело и с экспортом. Тарифы на перевозку (по нашей территории) внешнеторговых грузов выше транзитных тарифов, и поэтому экспорт товара в Восточную Азию через дальневосточные порты с доставкой к ним по Транссибу обходится дороже, чем экспорт через порты в европейской части страны или через порты ближнего зарубежья.

Россия с ее огромными территориями, неравномерным хозяйственным освоением, разной плотностью населения как никакая другая страна зависит от оптимально налаженной и эффективно действующей транспортной системы. Более того, выгодное транспортно-логистическое положение российского Дальнего Востока по отношению к основным странам-партнерам (КНР, Япония, государства Юго-Восточной Азии и пр.) дает РФ уникальную возможность развития торгово-экономических отношений в регионе.

Геополитическое значение имеет не только возможность российских экспортно-импортных операций через порты Дальнего Востока¹⁶. Особую роль играют логистические возможности дальневосточного региона, включая создание коридоров для транспортировки в Восточную Азию российских энергоресурсов, а также взаимный транзит европейской и азиатской продукции на основе развития дальневосточной инфраструктуры.

Территория нашего Дальнего Востока оказывается на перекрестке транспортных маршрутов евроазиатских региональных центров, через нее проходят самые короткие маршруты разных видов транспорта. Формирование международных транспортных коридоров привязывает Россию через порты и пограничные переходы к мировому рынку. Развитие международных транспортных коридоров (МТК), проходящих по российской территории, не только сулит привлечение дополнительных транспортных грузов и увеличение доходов страны от транзита, но и способствует развитию всей транспортной инфраструктуры на протяжении всего экономического пространства России¹⁷. Однако этот ресурс используется крайне недостаточно.

Российская транспортная транзитная система имеет ряд преимуществ. Основное, на которое часто ссылаются, говоря о нашем транзитном потенциале, — быстрота доставки грузов железнодорожным транспортом. Второе преимущество российских коммуникаций — мы имеем уже работающую систему транзитных коридоров с достаточным запасом пропускной способности. Они нуждаются лишь в модернизации с учетом характера перспективных грузопотоков. Третье преимущество — транзитная территория России представляет собой единое правовое, экономическое и административное поле. Хотя в условиях переходной экономики невозможно говорить о полной его стабильности, однако при освоении альтернативных маршрутов проблем возникает еще больше, требуется поиск сложных политических и экономических компромиссов, вплоть до урегулирования региональных конфликтов. Наконец, нельзя не учитывать, что российские транзитные коридоры находятся в зонах фактического или перспективного освоения, тогда как многие альтернативные пути проходят по пустынным необжитым местам.

Система международных транспортных коридоров, проходящих через территорию Дальнего Востока РФ, представлена в трех подпунктах: МТК ев-

роазиатские, МТК в Северо-Восточной Азии, пограничные транспортные переходы.

Формирование и развитие транспортных коридоров, соединяющих Европу с Восточной Азией, весьма значимо для России: без них страна не может полностью использовать естественные преимущества своего геополитического положения. Более того, без удобных выходов в Восточную Азию не могут эффективно развиваться и торговые отношения России со странами региона, учитывая, что основные производители российской продукции (речь не идет о добыче и транспортировке ресурсов с Дальнего Востока) и потребители азиатской продукции находятся в европейской части страны.

Цель формирования и развития МТК на территории России: обеспечение условий для повышения надежности и эффективности внешнеторговых перевозок, привлечение отечественных и иностранных инвестиций в развитие транспортной и сопутствующей инфраструктуры, создание условий для ускорения развития регионов, расположенных в зоне тяготения к трассам МТК, интеграция российского транспорта в европейские и азиатские транспортные системы. Большое геополитическое значение имеют и международные интеграционные функции транспортных коридоров.

Вопреки "обвинениям" со стороны ряда стран в использовании природных ресурсов России в геополитических целях, ее экономика сама находится в зависимом положении от их экспорта. Природные ресурсы России, безусловно, пользуются спросом, но ни на одном из рынков ресурсов Россия не является их внеконкурентным поставщиком. Более того, несмотря на сокращение природных ресурсов в мире, до сих пор существует возможность диверсификации поставок сырья из различных стран и регионов. Поэтому Россия должна стремиться к максимальной диверсификации своей экономики, в том числе и с использованием такого фактора, как транзитные коридоры, способные привлекать к сотрудничеству страны и регионы по разные стороны континента.

Регион в направлении Восток — Запад пересекают крупнейшие железнодорожные магистрали — Транссиб и БАМ, выходящие к тихоокеанским портам. Значительное число судоходных рек и шоссе, преимущественно меридиональной направленности, образуют вместе с железнодорожными магистралями единую транспортную сеть региона, на которую дополнительно накладываются освоенные маршруты воздушных перевозок. Транспортные коммуникации России должны стать привлекательными для международных транзитных услуг, особенно в силу их явно недостаточной загруженности из-за отсутствия перспективы кардинального увеличения транспортных перевозок отечественных грузов.

Основа российской транспортной системы в регионе — Транссибирская железнодорожная магистраль. Азиатская часть страны представляет собой систему, при которой все субъекты РФ привязаны к Транссибу как к стволу с ответвлениями к основным населенным пунктам и месторождениям полезных ископаемых, который связывает европейскую Россию с Россией восточной. Поэтому эффективность работы магистрали оказывает прямое влияние на жизнедеятельность Сибири и Дальнего Востока.

От технического состояния регионального транспортного комплекса, его экономических показателей в значительной мере зависит социально-экономиче-

ская ситуация на Дальнем Востоке, и поэтому его следует рассматривать как одну из отраслей экономической специализации региона.

Транссиб как основное звено транспорта Дальнего Востока до недавнего времени являлся самой грузонапряженной дорогой не только в стране, но и в мире. Поэтому некоторое время назад все перспективы развития железнодорожного транспорта и освоения новых территорий на Дальнем Востоке связывали с вводом в строй БАМа, позволявшего разгрузить Транссиб и существенно сократить расстояние и время перевозок грузов, а также обеспечить необходимые условия для освоения новых территорий с целью добычи природных ресурсов¹⁸.

Имеются, однако, некоторые препятствия в деле использования Транссибирской магистрали для транзита. Недостаточная ее загруженность, как уже отмечалось выше, обусловлена дороговизной железнодорожных тарифов в сравнении с транспортировкой груза морем. Ощущаются и проблемы низкого качества сервиса, технологических слабостей дальневосточных железных дорог и портов. Транссиб и БАМ привлекают азиатских партнеров в первую очередь не как потенциальная транзитная магистраль, а как средство доступа к сибирским и дальневосточным ресурсам и как прямой путь в европейскую часть России.

Проект превращения Транссиба и, соответственно, сопутствующей транспортной инфраструктуры в важнейший мировой транзитный коридор существует довольно давно. Логистика пути оказывается оптимальной именно за счет того, что дорога проходит по территории одной страны. При этом БАМ и Транссиб имеют не только региональное и общегосударственное значение, но и являются важнейшими мировыми транспортными коммуникациями — на сегодняшний день это кратчайший путь, соединяющий Восточную Азию и Европу. Но до сих пор Россия не только не реализовала эти возможности, но даже не достигла транзитного уровня Советского Союза. И чем дольше наша страна не в состоянии воспользоваться своим естественным геополитическим преимуществом, тем меньше шансов для этого остается в будущем.

Наличие этого транспортного коридора неизбежно стимулирует соперничество в предоставлении транспортных услуг со стороны соседей. Налицо реальная опасность упустить шанс становления Дальнего Востока «воротами в Европу» для стран Восточной Азии. Существуют альтернативные проекты формирования транспортных коридоров, минуя Россию. До недавнего времени единственный наземный путь из Восточной Азии в Европу пролегал по территории России, но обстановка быстро меняется. Форсирование Китаем, Ираном и другими странами создания трансконтинентальной железнодорожной магистрали Азия — Европа через среднеазиатские республики (ТРАСЕКА, «Шелковый Путь») создает угрозу потери Транссибом части транзитного грузопотока¹⁹. КНР, США и ЕС — серьезные противники «российской идеи» — «моста» между тремя регионами интенсивного развития. Они активно (хотя пока что не слишком успешно) лоббируют создание нового «Шелкового пути» (южнее Транссиба, в обход России).

Проект коридора ТРАСЕКА (Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia) возник из-за обеспокоенности ЕС (главного разработчика и финансиста проекта) по поводу увеличивающейся зависимости евразийских перевозок от России.

Проектируемый коридор непосредственно влияет на геополитические интересы и положение России (транспортировки в обход России подпитывают независимость азиатских республик, отнимают на некоторых участках грузы у Транссиба — магистрали, скрепляющей единство России). Заинтересованность в «Шелковом пути» проявляют также США, КНР (выход к Персидскому заливу), Япония (выход к Индии и странам Центральной Азии). Предполагаемые направления транспортных потоков, соединяющихся с «Шелковым путем», имеют отчетливо выраженный геостратегический характер. Их освоение не сводится лишь к транспортно-экономической проблематике, хотя и она весьма перспективна, поскольку такая дорога не только сулит альтернативу российскому транзиту, но и обеспечила бы странам-участникам прямой и относительно безопасный доступ в Центральную и Южную Азию.

Перечень своих основных интересов в Средней Азии Япония сформулировала в период с 1993 по 1997 гг. и закрепила их в известной инициативе Р. Хасимото «Дипломатия шелкового пути». Активизация Японии в регионе тесно связана с политикой США в Средней Азии. Анализ объемов оказанной за 15-летний период японской финансовой помощи странам региона и объектов инвестирования (вложения в развитие и модернизацию инфраструктуры транспортных коммуникаций) показывает, что на протяжении многих лет Япония оплачивала будущее присутствие США в регионе. Возможно, этот тезис и будет воспринят с «натяжкой», однако более чем очевидно, что деньги Японии сыграли традиционную вспомогательную роль в обеспечении американского присутствия²⁰.

Одна из функций «Шелкового пути» — лишить Россию возможности экспортного расширения потенциала Транссиба. Этот проект активно поддерживается США, принявшими «Закон о шелковом пути», стимулируя тем самым американские капиталовложения в развитие нового маршрута. Среди основных причин «глубокого интереса» США к «Шелковому пути» обращают на себя внимание следующие: страны «Шелкового пути» имеют возможность выйти на мировой рынок топливных поставок, тем самым оказывая благоприятное влияние (и, надо полагать, при активной направляющей роли США) на цены топлива в Соединенных Штатах и в мире; США заинтересованы в сокращении ОМУ в ряде стран «Шелкового пути», до сих пор обладающих такими запасами; США заинтересованы в стабильности в регионе и недопущении деятельности экстремистов по подрыву и смене власти; США стремятся вовлечь страны «Шелкового пути» в орбиту своего политического и экономического влияния. КНР и Россия обладают значительным влиянием на страны региона, в некоторых случаях в ущерб интересам США, у которых большое опасение вызывает формирование новой системы региональных отношений в рамках ШОС²¹.

Впрочем, пока что эффект ТРАСЕКА — почти нулевой. Во-первых, на нем практически отсутствует тот самый транзитный поток, ради которого все и создавалось. Российский Транссиб превышает эти показатели в несколько раз. Во-вторых, очень высоки политические риски, и в первую очередь в Средней Азии. Нормально функционируют лишь отдельные участки трассы, в основном выполняющие региональные перевозки, в отдельных местах идет строительство новых полотен, рассчитанных «на будущее». По сути, ТРАСЕКА в нынешнем виде и ближайшем обозримом будущем может обслуживать только интересы

экспорта/импорта самих стран участников. Ни о каком масштабном транзите, а именно в нем виделся экономический смысл (таможенные сборы, тарифы за перевозку грузов, иностранные инвестиции), и речи нет. Реализации проекта препятствует и комплекс нерешенных политических и экономических проблем, главными из которых остается проблема статуса Каспия и конфликты на постсоветском пространстве.

Огромное значение созданию нового Шелкового пути придает Китай. Транскитайский маршрут (Ляньюнъган – Роттердам), конкурирующий с Транссибом, способен улучшить условия функционирования и скорости движения. В случае доставки груза в Среднюю Азию он обладает рядом преимуществ, в том числе и возможностью взаимодействия с китайскими же морскими перевозчиками. Более того, после введения в 2004 г. платы за охрану груза в пути по Транссибу часть корейского груза на Среднюю Азию, более 90% которого прежде обслуживались Транссибом, перешла на Транскитайский маршрут. Ныне Китай активно рекламирует этот маршрут, подчеркивая, что он имеет интернациональный характер и учитывает интересы многих стран. По мнению В. Якунина, это сейчас — наиболее серьезный конкурент Транссиба²², хотя в условиях нехватки транспортных железнодорожных сетей внутри Китая данный маршрут может оказаться перегруженным внутрикитайскими грузами.

Но в перспективе ввод в действие конкурирующих маршрутов изымает у России весомую часть грузов, идущих в Японию и Китай²³ и в обратном направлении. На решение Японии участвовать в проекте «Шелковый путь», возможно, повлиял отказ России от строительства подводного железнодорожного коридора на Сахалин, и Япония начала переговоры с Кореей о реализации аналогичного проекта, в результате чего Транссибу может достаться лишь незначительная часть японских грузопотоков²⁴. И это — вопреки тому, что создание японо-корейского железнодорожного соединения является более затратным и трудно-выполнимым из-за необходимости строительства более глубокого и длинного подводного тоннеля.

Вместе с тем, возможно продолжение трассы Европа—Япония с мостовым или тоннельным соединением через остров Сахалин. Такие возможности всерьез рассматривались как в России, так и в Японии. На второй Евроазиатской конференции по транспорту представители Японии предложили проект строительства системы железнодорожных тоннелей, соединяющих Японию через Сахалин с континентальной Россией. Ключевыми звеньями сухопутного коридора, согласно этой концепции, могли бы стать два тоннеля: первый — между материком и Сахалином длиной около 8 км, второй — между Сахалином и Хоккайдо — до 40 км, которые бы связали Хоккайдо с Сахалином, интегрировав Японию в единую наземную транспортную систему России и Европы. Соединение Японии с материком через комплексный транспортный коммуникационный коридор могло бы также послужить и мощным стимулом для развития российско-японских отношений.

Япония в настоящее время не играет той роли в трансроссийском транзите, на которую она способна. Ее активность в использовании Транссиба сведена на нет: как выше отмечалось, японские экспортеры полагают, что им выгоднее использовать более долгий, но относительно дешевый морской маршрут. Зато

южнокорейские экспортеры готовы к несколько большим затратам на транспортировку ради ускорения доставки товаров²⁵.

В данном случае имеет значение и проблема доставки груза из Японии в российские дальневосточные порты. Редкое морское сообщение между Японией и РДВ лишает грузоотправителя той самой скорости доставки, вынуждая его держать груз до очередного парома, тогда как морское сообщение между Японией и КНР гораздо интенсивней, что и привлекает японских грузоотправителей.

Большие надежды на активизацию российско-японского сотрудничества в использовании Транссиба связаны с развитием российской экономики. Японские аналитики отмечают, что это обстоятельство стимулирует японские компании, инвестирующие в производство на территории РФ, обращать все большее внимание на железнодорожный маршрут. Экономический рост в России оказывает большое влияние на развитие Транссибирского транзита и перевозок в целом²⁶. В случае, если Россия будет и далее демонстрировать стабильный экономический рост, это будет привлекать новые японские предприятия, в том числе серьезно настроенные в отношении прямых инвестиций в Россию, в такие отрасли как автомобилестроение. На настоящем этапе это уже привело к соглашениям о поставках автокомплектующих деталей по Транссибу. Это уже опробовано корейскими автопроизводителями, разместившими в России сборочные предприятия. При этом исчезает нужда в «финском транзите».

Низкие на данном этапе объемы японского грузопотока объясняются в том числе и тем, что японские товары изначально приходят в корейский Пусан, а откуда уже идут в порт Восточный, но учитываются как корейский груз.

В сравнении с этим китайский груз демонстрирует стабильный рост, увеличившись в 2004 г. на 136.6% по сравнению с предшествующим годом. При этом, вероятно, часть китайского груза учитывается как груз корейский, направляясь в российские порты через Пусан.

Наибольший интерес к Транссибу в настоящее время проявляет РК, которая намерена расширять свои геополитические преимущества в международной транспортной системе. Удачное географическое положение Корейского полуострова, северокорейские железнодорожные сети и южнокорейские портовые мощности дают возможность двум странам соединить их в единое геополитическое преимущество. Более того, привлечение грузов из Северо-Восточного Китая, Монголии, России и Европы повлечет становление Корейского полуострова в качестве крупнейшего в Северо-Восточной Азии логистического центра, к чему уже сейчас стремится РК. Превращение страны в крупнейший азиатский логистический центр — один из государственных приоритетов Южной Кореи.

В результате модернизации Транскорейской магистрали планируется создать транзитный коридор, способный конкурировать с морским маршрутом следования грузов из Азии в Европу через Суэцкий канал. Транскорейская магистраль призвана соединить железные дороги Северной и Южной Кореи и связать их на одном из участков с Транссибирской магистралью. Первое направление перспективного ТКМ, поддерживаемого Россией, проходит по восточному побережью Корейского полуострова. Этот маршрут представляется наиболее привлекательным прежде всего для РФ, прямо заинтересованной в соединении Транскорейской железной дороги с Транссибом (Туманган — Ха-

сан). По оценкам российских специалистов, южнокорейские грузы могли бы поднять загрузку Транссиба до 70%, что снизит тарифы на перевозку в 1,5—2 раза. Реализация проекта позволила бы России до 2010 г. заработать на транзите грузов около 15 млрд долл.²⁷ В этом случае из цепи стран, через которые пройдет транзит груза, выпадает Китай, что удешевило бы стоимость перевозки для грузоотправителя, а кроме того, позволяет РФ в полной мере задействовать железнодорожную инфраструктуру Транссиба. Наряду с этим Россия получала бы основную долю оплаты за транзит груза из РК в Европу.

Ответвление дороги подходит к порту Раджин. Если бы начала полноценно функционировать основанная там СЭЗ Раджин—Сонбон, то можно ожидать увеличение грузопотока на данном направлении. Это обстоятельство делает восточный маршрут весьма привлекательным для российской стороны. ОАО “РЖД” также рассчитывает привлечь на Транссиб транзитные грузы между странами Европы и Юго-Восточной Азии, которые должны будут переориентироваться на терминал в Раджине. Однако эти оптимистические перспективы можно рассматривать лишь как перспективные.

По некоторым оценкам, для того, чтобы восточное направление стало рентабельным, необходим стабильный и активный двусторонний грузопоток по маршруту РК — Европа. Но пока что не существует договоренностей о соединении железных дорог двух стран Корейского полуострова. “Участок Хасан—Раджин — лишь первый этап проекта по восстановлению Транскорейской магистрали. На сегодня не достигнуто никаких конкретных договоренностей о дальнейших работах на дороге и соединении ее с железнодорожной системой Южной Кореи. Это означает, что транзитный груз из РК пока не сможет дойти до Европы только железнодорожным транспортом, а морской терминал в Раджине станет очередным “узким местом” в потоке контейнеров между Европой и Азией”²⁸.

Существует еще одно обстоятельство, которое необходимо учитывать с точки зрения долгосрочных интересов России в регионе. Восточный маршрут имеет ответвление к китайской границе, позволяющее осуществить выход на железные дороги Китая. Более того, именно Пхеньян настаивает, чтобы путь до Транссиба пошел по восточному побережью. Северной Кореей движут как стратегические соображения, в том числе желание ослабить зависимость от КНР, так и намерение получить как можно больше прибыли от транзитной магистрали. Восточный маршрут транзита длиннее, что позволяет получать больше платы за транзит.

Конкуренты же этого проекта лоббировали другой вариант — с прокладкой магистрали вдоль Желтого моря и далее по территории КНР и Казахстана или России. Это второе направление — более короткая линия, пролегающая по западному побережью КНДР, но не имеющая на своем пути портов, способных стать источниками экономического развития Северной Кореи. С этого направления предполагается осуществить выход на железные дороги Китая, а затем посредством китайских железных дорог выйти на железные дороги РФ через переход Маньчжурия — Забайкальск.

В идеале Транскорейская железная дорога призвана взять на себя значительный объем контейнерных перевозок из порта Пусан в Европу, что стало бы источником поступления валюты для стран участниц транзитного маршрута.

Отмечается, что с введением в строй любого из этих двух направлений сроки доставки грузов до конечного получателя в Европе и цены на транспортные перевозки заметно уменьшатся. Однако следует иметь в виду, что только резко увеличивающиеся объемы грузоперевозок благоприятно отражаются на сквозных железнодорожных тарифах. Именно проблема гарантий объема грузоперевозок южнокорейской стороной тормозит участие инвесторов в проекте ТКМ²⁹: южнокорейские власти не способны дать какие-либо гарантии, ибо правительство не в праве обязать частные южнокорейские фирмы пользоваться именно этим маршрутом.

В случае реализации западного направления развития ТКМ уменьшилась бы протяженность российского участка пути, по которому пройдет транзит. Но так или иначе Россия гарантированно становится участником транзитного проекта. С геополитической точки зрения это может быть важно, поскольку в этом случае может быть найден компромисс в реализации транзитных интересов КНР и РФ.

По сравнению с КНР, экономические, а следовательно, и политические позиции РФ в регионе Восточной Азии заметно слабее, поэтому наличие ключевого азиатского партнера в лице КНР в этом стратегически важном проекте создания евроазиатского контейнерного моста может оказаться ценным преимуществом.

Безусловно, корейский транзит, равно как и межкорейское транспортное сообщение, имеет огромный геополитический эффект. Проект реконструкции Транскорейской железной дороги может быть выгодным для всех потенциальных участников, однако реальные политические и экономические механизмы его реализации до настоящего времени практически не проработаны.

Не все, однако, однозначно. Выход Транссиба на Корейский полуостров мог бы повлечь отказ от курса на развития собственных портовых мощностей, поскольку корейские порты в настоящее время востребованы мировыми перевозчиками и, в случае превращения Транскорейской магистрали в единую транспортную систему с Транссибом, ослабят возможность использования российских портов для загрузки железной дороги.

Для эффективной загрузки Транссиба, равно как и для дальневосточных портов, необходима координация их деятельности, их совместная модернизация под современные требования к грузоперевозкам. Требуется ценовая политика, направленная на увеличение грузопотока. В идеале картина транспортного участия России в СВА могла бы выглядеть как совокупное использование портовых мощностей Дальнего Востока с последующим перехватом грузов российскими же железными дорогами в направлении Европы, европейской России или северных провинций КНР (при аналогичном движении в обратном направлении).

С другой стороны, сейчас вряд ли существует возможность развития на территории России транспортно-логистической системы "полного цикла", исключая из него страны Северо-Восточной Азии. Развитая транспортно-логистическая инфраструктура, геополитические и геоэкономические соображения вынуждают прилагать большие усилия для максимального участия в предполагаемых проектах транспортного сообщения. При этом страны Северо-Восточной Азии интересуются не только трансевроазиатскими маршрутами, но и перспек-

тивами создания международных транспортных коридоров внутри Северо-Восточной Азии, что связано с объективными потребностями их развития. Оргкомитет экономической конференции стран Северо-Восточной Азии определил, что в этом регионе имеются перспективы развития девяти международных транспортных коридоров, что позволит нормально обмениваться грузами между странами СВА, а также с Европой и Америкой³⁰.

Центром же геоэкономического притяжения транспортных коммуникаций внутри региона является КНР. Ее экономический рост сопровождается возрастанием потребностей в сырьевых ресурсах и зависимостью от транспортных магистралей для экспорта-импорта. Поэтому вместе с развитием МТК в Северо-Восточной Азии растет значение пограничных транспортных переходов. Через российско-китайскую границу перевозка экспортно-импортных грузов осуществляется через 21 пограничный транспортный переход³¹.

Железные дороги с незамерзающими портами Дальнего Востока органично вписываются в рамки концепции организации транспортных коридоров. Транспортная система Дальнего Востока создает хорошие перспективы для осуществления мировых транзитных перевозок всеми видами дальневосточного магистрального транспорта для развития здесь инфраструктурных отраслей экономики и их интеграции в соответствующие мировые системы.

Тем самым Россия может использовать Дальневосточную железную дорогу и порты Приморья и предложить северо-востоку КНР необходимые условия для активизации промышленной модернизации региона. Географическое положение Дальневосточной железной дороги обеспечило ее специфику перевозок и важную роль для обеспечения жизнедеятельности всех территорий Дальнего Востока. Дорога обеспечивает внешнеэкономические связи дальневосточного региона со странами Восточной Азии.

Находящиеся в поле тяготения российской транспортной системы северо-восточные провинции Китая обладают огромным грузообразующим потенциалом. Из трех северо-восточных провинций Китая две (Хэйлунцзян и Цзилинь) не имеют выхода к морю, что существенно сдерживает грузопоток.

В настоящее время вся внешняя торговля северо-востока Китая осуществляется, в основном, через порт Далянь. Однако перегруженность порта и железной дороги Харбин — Далянь, особенно участка Харбин — Шэньян, а также удаленность промышленно развитых центров региона от этого порта, обуславливают необходимость поиска новых выходов к морю либо новых вариантов транспортировки грузов. Это вынуждает северо-восточные провинции КНР искать выход к морю далеко на юге страны³².

В то же время ДВЖД, будучи замыкающим звеном Транссиба, дает выход грузам к морскому побережью, где созданы крупные транспортные узлы — Ванино, Находка, Находка-Восточная, Владивосток, Посьет, Зарубино, а также к трем пограничным железнодорожным пунктам пропуска с КНДР и КНР: Хасан — Туманган, Гродеково — Суйфэньхэ и Махалино — Хуньчунь³³. Без российских транспортных коридоров и сырьевых ресурсов Северо-Восточный Китай вряд ли сможет сравняться с наиболее развитыми провинциями КНР. Поскольку порты Северо-Восточного Китая перегружены, российские порты и железная дорога могут превратиться в ворота для китайского Северо-Востока.

Сдерживающим фактором развития торгово-экономического и транзитного сотрудничества, о необходимости решения которого говорится с 1990-х гг., является, прежде всего, неразвитость приграничной инфраструктуры. Во многих пограничных переходах сооружения инфраструктуры — в ветхом состоянии. Отсюда и задержка с оформлением таможенных документов, и ограниченность пропуска товаров³⁴. Мощности пограничных переходов не соответствуют реальным объемам грузопотоков и пассажирских перевозок, большое количество грузов скапливается на китайском направлении.

Китайская сторона готова активно участвовать в строительстве современной инфраструктуры на российском Дальнем Востоке, имея в виду не только погранпереходы, состояние которых на российской стороне стало притчей во языцех, но и автомобильные дороги, портовые сооружения, жилье. Правительство пров. Хэйлуцзян уже разработало программу строительства 145 объектов своей транспортной инфраструктуры для развития экономического взаимодействия с Россией, рассчитанную до 2020 г., и готово содействовать российским территориям в преддверии ожидаемого там строительного бума³⁵. Этой возможностью стоит воспользоваться.

В дальнейшем развитие Северо-Восточного Китая во многом будет зависеть от транспортной ситуации в регионе и доступа к портам. Хорошие перспективы может иметь проект международного транзита контейнеров между штатами Западного побережья США и северо-восточными провинциями КНР через дальневосточные морские порты РФ с использованием российской транспортной системы. Один из путей выхода Северо-Восточного Китая в Японское море — железнодорожная линия Хунчун (пров. Цзилинь) — Махалино, позволяющая ускорить процесс доставки грузов в Японию, РК и Северную Америку, используя российские порты через станцию Махалино³⁶. КНР намерена использовать морской маршрут для выхода в Японское море, соединяющий пров. Хэйлуцзян с северными портами Японии. Китай намерен довести транспортный потенциал этого маршрута до 1,2 млн т ежегодно³⁷.

Углубление сотрудничества в Японском море могло бы дать значительный стимул развитию западного побережья Японии и российского Приморья. Наряду с социальным и экономическим эффектом такое сотрудничество было бы весьма благоприятно и для совместного разрешения ряда политических проблем.

* * *

Географическая близость Дальнего Востока РФ к странам Северо-Восточной Азии и бурное развитие международной кооперации производительных сил создают перспективы крупномасштабных транзитных перевозок через его транспортную сеть. Развертывается серьезная работа по модернизации и достройке всей этой транспортной системы с тем, чтобы в максимальной мере увязать интересы РФ и ее партнеров по внешнеэкономическому сотрудничеству³⁸.

Железные дороги всегда служили инструментом укрепления геополитического влияния страны. Кроме того, возможность быстрой переброски вооруженных сил, боевой техники и ресурсов в периферийные регионы есть непре-

менное условие обеспечения национальной безопасности. Развитая сеть транспортных коммуникаций также является важным интегрирующим фактором для экономики всей страны.

Наличие разветвленной сети железных дорог представляет собой стратегически значимое геополитическое преимущество государства, но говорить о высоком развитии транспортной отрасли можно лишь при условии, если ее загрузка стабильна в течение долгосрочного периода. Поэтому экономическое сотрудничество в области транспортного сообщения способствует и росту геополитического потенциала страны, как и ее отдельных регионов.

Для РФ Северо-Восточная Азия дает реальный шанс интегрироваться в мировую экономику через участие в многосторонних экономических проектах, позволяет стать «мостом» развития торгово-экономических связей со странами Европы и внутри самого региона. Этот фактор также определяет специализацию и перспективы участия Дальнего Востока РФ в региональной интернационализации.

Решение любой проблемы экономической деятельности Северо-Восточного Китая практически связано с решением проблем функционирования транспортной инфраструктуры. Очевидно, что и у других стран Северо-Восточной Азии складывается объективная заинтересованность в ее развитии, без чего невозможно добиться активизации внешнеэкономических связей³⁹.

1. Именно для российской транспортной системы и российских грузов создавались многие объекты за ее пределами.
2. См. Морскую доктрину РФ до 2020 г.
3. Дальневосточные моря располагают наиболее крупными биоресурсами (около 75% всех промысловых запасов России). При этом происходит незаконная и практически безучетная масштабная добыча биоресурсов, которые вывозятся и реализуются в сопредельных странах (в основном Японии, Южной Корее, Китае).
4. Стратегическая ситуация в АТР и морская политика России на Тихоокеанском региональном направлении. М., 2005. С. 122.
5. Там же. С. 121.
6. Корзун В.А. Интересы России в Мировом океане в новых геополитических условиях. М., 2005. С. 134.
7. Стратегическая ситуация в АТР и морская политика России на Тихоокеанском региональном направлении. М., 2005 г., С. 74.
8. Корзун В.А. Указ. соч. С. 134.
9. Стратегическая ситуация в АТР и морская политика России на Тихоокеанском региональном направлении. М., 2005. С. 91.
10. См. выступление В. Путина на конференции «Транспорт России на рубеже веков», 6 дек. 1999 г. — // <http://www.mintrans.ru/pressa/Putin.htm>.
11. Корзун В.А. Указ. соч. С. 210.
12. Стратегическая ситуация в АТР и морская политика России на Тихоокеанском региональном направлении. М., 2005. С. 121.
13. См.: Крупнейшие порты Дальнего Востока России и их собственники (2002). — ИА REGNUM <http://www.regnum.ru/allnews/51894.html>.
14. Корзун В.А. Указ. соч. С. 176.
15. Истаков К. Дальневосточный федеральный округ на фоне развития транспортных схем региона // Дальневосточный федеральный округ (официальный сайт полномочного представителя президента РФ) <http://www.dfo.ru>.

16. В структуре дальневосточных портов 80% операций занимает экспорт российской продукции, около 15% — импорт. На долю транзита приходится только около 1%.
17. Корзун В.А. Указ. соч. С. 72.
18. Шляховой А.З., Леонтьев Р.Г. Проблемный регион ресурсного типа в Северо-Восточной Азии: логистика, рыбная отрасль Дальнего Востока РФ. М., 2002. С. 150.
19. ТРАСЕКА ("Великий шелковый путь": Париж-Шанхай). КНР, США и ЕС — серьезные противники "российской идеи" — "моста" между тремя регионами интенсивного развития. Они активно, хотя пока что не слишком успешно, лоббируют создание нового "Шелкового пути" южнее Транссиба, в обход России.
20. Политика Японии в Центральной Азии — геополитический аспект. — www.easttime.ru.
21. См.: The Silk Road Caucus. Congressman Joe Pitt's Issues and Initiatives Page. — <http://www.house.gov/pitts/silkroad.htm>.
22. Якушин В.И. Формирование геостратегии России. Транспортная составляющая. М., 2005. С. 166.
23. Лазарев А. Великий шелковый путь // РЖД Партнер. 2002. Вып. 7.
24. Tetsuya Harada. Is Japan-ROK tunnel feasible? // The Daily Yomiuri, 22. Feb. 2008. — www.yomiuri.co.jp. В перспективе сооружение подводного тоннеля позволит открыть железнодорожные перевозки из Японии на материк, в том числе и по маршруту Токио-Лондон. Япония уже располагает подводным тоннелем между островами Хоккайдо и Хонсю протяженностью 53,9 км и таким образом намерена направить грузы в Европу через РК.
25. Hisako Tsuji. Growing International Use of the Transsiberian Railway: Japan is Being Left Out of the Loop. Niigata, 2003.
26. Hisako Tsuji. International Container Transport on the Trans-Siberian Railway Continued to Increase in 2004 // ERINA REPORT. 2005. Vol. 63.
27. Транскорейская магистраль: возможно ли продолжить транспортный коридор из Южной Кореи в Западную Европу. — www.transport.ru.
28. ОАО "РЖД" дотянет рельсы до корейского побережья // Коммерсант. Хабаровск. 2008. 26 янв.
29. Полномочный представитель Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе К. Пуликовский в 2004 г. заявил, что участие в дорогостоящей реконструкции северокорейских железных дорог будет целесообразно, если Республика Корея и КНДР обеспечат гарантированный объем транзитного контейнерного потока грузов.
30. Концепция транспортных коридоров Северо-Восточной Азии // www.erina.or.jp/en/Publications/booklet/pdf/bl1-r.pdf.
31. Шляховой А.З., Леонтьев Р.Г. Указ. соч. С. 164.
32. China's New Gateway to the Northeast. — www.chinabusinessreview.com.
33. Шляховой А.З., Леонтьев Р.Г. Указ. соч. С. 15.
34. Хэйлуңцзян еще поторгнется // Дальневосточный капитал. № 2006. N 12. — <http://www.zrpress.ru/dk/2006/12/4>.
35. См.: Ларин В.Л. Российский вектор политики Китая: новые веяния и старые проблемы // Россия и АТР. 2005. № 3. С. 96.
36. China-Russia Railway Line Good for Northeast Asia Economy // People's Daily Online. 2000. 13 apr. — http://english.peopledaily.com.cn/english/200004/13/eng20000413_38868.html.
37. China, Russia, Japan to explore eastern "marine Silk Road" // People's Daily Online. 2005. June 21. — http://english.peopledaily.com.cn/200506/21/eng20050621_191374.html.
38. Шляховой А.З., Леонтьев Р.Г. Указ. соч. С. 168.
39. Там же. С. 173.

Этапы развития и особенности китайского выездного туризма

© 2008

А. Нечаева

Китайская экономика на протяжении 1980-х — начала 2000-х гг. демонстрировала миру высочайшие темпы роста. Успешное проведение реформ привело к тому, что за период с 1980 по 2005 гг. средний показатель ВВП на душу населения увеличился более чем в 37 раз, а ежегодный прирост ВВП за последние 20 лет составил в среднем 9%¹. Параллельно с этим неуклонно повышался уровень жизни китайского населения, особенно жителей крупнейших прибрежных провинций, городов и специальных экономических зон. Проведение политикой открытости, увеличение наличных денежных средств и свободного времени у населения после длительного периода политической и культурной изоляции обусловили возрастающее стремление китайских граждан увидеть мир.

Сегодня Китай приближается к тому, чтобы занять ведущее место на международном туристическом рынке в качестве страны-донора. За последние два десятилетия доля его населения, совершающего международные поездки выросла от тысячных долей процента в начале 1980-х гг. до 2,7% в 2006 г. При этом самая большая в мире по численности населения страна (1,3 млрд чел.) представляет собой огромный потенциал для развития выездного туризма.

На протяжении 10 лет (1997—2006 гг.) выездной поток туристов из Китая демонстрировал необыкновенный рост — в среднем около 20% ежегодно (рис.1). В 2002 г. Китай обогнал Японию — одного из традиционных мировых лидеров выездного туризма.² Даже кризис, вызванный распространением в 2003 г. эпидемии атипичной пневмонии, не оказал сильного влияния на выездной поток из КНР, замедлив лишь темпы его роста. Если в 1992 г. число выезжающих за рубеж граждан составило 2,9 млн чел., то в 2006 г. оно достигло 34,5 млн туристов.³

По прогнозам Всемирной туристической организации туристические выезды из Китая к 2020 г. должны превысить рубеж в 100 млн, и по этому показателю страна выйдет на 4-е место в мире.⁴ Однако высокие темпы развития выездного туризма в КНР заставляют пересматривать прогнозы, сделанные в конце 1990-х годов. В настоящее время КНР уже занимает 4-е место по числу зарубежных поездок ее граждан после Германии, США и Великобритании, и как полагают некоторые специалисты, в 2008 г. число китайских туристов достигнет 49 млн чел., в 2010 г. — 60 млн чел., а в 2015 г. — 100 млн чел.⁵

Возникновение и развитие выездного туризма в Китае связано с социально-экономическими и политическими преобразованиями и изменением отношения к туризму как явлению в целом. До 1978 г. туризм в КНР рассматривался как западный буржуазный вид деятельности, а все поездки носили исключительно деловой характер.

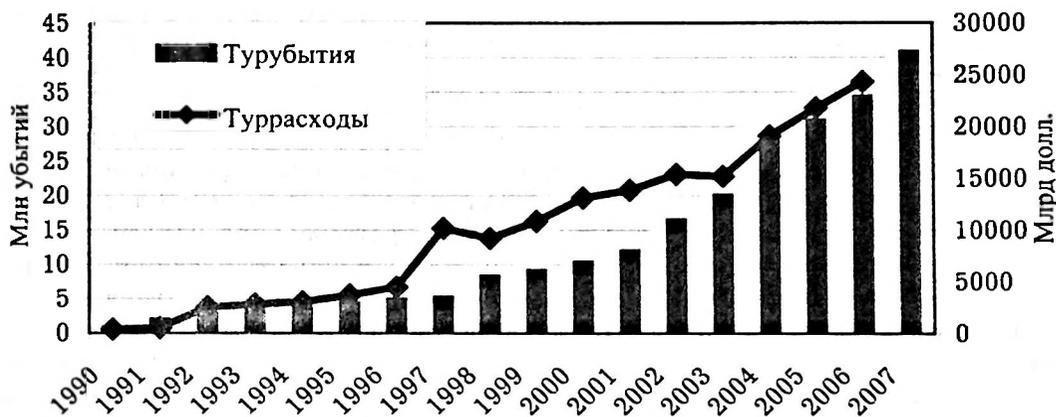

Рис. 1. Динамика турубытий и туррасходов в КНР в 1990–2007 гг.

Источник: China National Tourist Office // <http://www.cnto.org/chinastats.asp>

Политические реформы, стартовавшие в 1978 г., положили начало развитию, прежде всего, въездного туризма как наиболее быстрого и легкого способа получения иностранной валюты. Внутренний туризм не поощрялся, однако число его участников росло. В итоге с 1990-х гг. внутренний туризм получил официальное признание как часть сферы обслуживания и важный элемент идеологии. В 2005 г. в стране было совершено более 1,2 млрд турпоездок, хотя средние расходы по турам составили всего 436 юаней (около 45 евро).⁶

В отличие от въездного и внутреннего туризма политика в области выездного туризма изначально была нацелена на “строгий контроль и ограничение”. Условия для его развития, как правило, были ограничены. Главным стимулом для развития выездного туризма стало возрастание внутреннего спроса, вызванное повышением уровня жизни и появлением необходимых финансовых возможностей у определенных групп населения. Внешнеполитические факторы, такие как падение Берлинской стены, распад социалистического лагеря и развал СССР не оказали какого-либо влияния. Можно выделить три четко различающихся этапа развития современного выездного туризма в Китае.⁷

Первый этап начался в 1983 г. с так называемых “семейных визитов” в Гонконг и Макао, а позднее — в некоторые страны ЮВА, формально оплачиваемых принимающей стороной. Эта политика создала условия для развития нелегального туризма с целью отдыха, предоставив пути получения паспортов, иностранной валюты и виз, необходимых для выезда за пределы КНР. До этого момента поездки за рубеж осуществлялись только в рамках официальных визитов.

В конце 1980-х гг. получил развитие приграничный туризм, в основе которого лежала торговля с сопредельными государствами. Для приграничных регионов Китая он выполнял роль катализатора экономического роста. Основные потоки направлялись: из северо-восточных провинций — в Россию, а из южных — в Мьянму, Лаос и Вьетнам.

Одновременно усиливавшаяся интеграция Китая в мировую экономику вела к росту числа делегаций в развитые страны для участия в ярмарках, деловых переговорах, учебных программах и т. д. Многие из таких поездок являлись ничем иным, как формой отдыха на общественные, государственные или иностранные средства.

Второй этап наступил с официальным признанием выездного туризма с целью отдыха (в отличие от деловых поездок и встреч с родственниками). В 1997 г. правительство КНР обнародовало “Предварительные правила регулирования выезда китайских граждан за рубеж на их собственные средства” и подписало первое соглашение с зарубежными государствами (Австралией и Новой Зеландией) о наделении их статусом “официального туристического направления” (ОТН). В рамках данного соглашения граждане Китая могут совершать поездки в указанные страны с целью отдыха, но исключительно в составе туристических групп и по специальной визе. Только страны, обладающие статусом ОТН, имеют право открыто рекламировать себя в китайских СМИ. Введение системы ОТН стало вехой в истории выездного туризма КНР, т.к. обеспечило возможности для развития массового туризма с целью отдыха.

Для заключения соглашения о статусе ОТН страна-соискатель должна отвечать специальным требованиям: 1) быть туристическим донором для Китая; 2) быть дружественной; 3) обладать привлекательными туристическими ресурсами и мощностями необходимого уровня; 4) не иметь в законах ограничений или дискриминации по отношению к китайским туристам; 5) быть безопасной; 6) иметь свободный въезд для путешествий.⁸ Переговоры о заключении соглашения проходили в два этапа. На первом ведущие правительственные органы КНР рассматривали кандидатуру государства, подавшего заявку. На втором — после оглашения положительного решения происходило согласование всех деталей. Последнее занимало от одного до двух лет, и его результаты в дальнейшем могли подвергаться корректировке.

Несмотря на сложность процедуры количество заключенных соглашений стремительно увеличивалось, особенно начиная с 2003 г. В 2002 г. статус ОТН имели 22 страны. К концу 2003 г. — 28 стран, большинство из которых составляли государства Азии. В 2005 г. в этот список входили 66 государств, в том числе 13 стран ЕС и 8 крупнейших стран Африки. Россия получила статус ОТН в 2003 г. и с августа 2005 г. начала осуществлять прием китайских туристов. В марте 2006 г. общее число таких стран составило 118, из которых в 76 уже осуществляются поездки.⁹

Сегодня страны с утвержденным статусом вместе с Сянганом и Аомэнем принимают более 90% китайского выездного потока. Среди ведущих туристических направлений до недавнего времени его не имели только Соединенные Штаты, которые занимали выжидательную позицию из опасений роста незаконной миграции. Тем не менее, после рассмотрения всех аргументов и под давлением американского туристического бизнеса США также подали заявку, по которой в 2004 г. была принята положительная резолюция, а в декабре 2007 г. две страны

подписали соглашение об осуществлении туристических поездок граждан КНР в США с весны 2008 г.¹⁰

Важность статуса официального туристического направления для принимающей страны подчеркивает резкое увеличение после его присвоения числа прибытий из Китая. Темпы роста прибытий китайских граждан в Австралию в 1999—2000 г.г., то есть в первый и второй годы работы после получения ОТН, составили в среднем 50%. После открытия Германии в июле 2004 г. увеличение китайских прибытий составило 40%. В Канаде после получения ОТН зимой 2005 г. рост только в первой половине года составил 40%.¹¹

Параллельно с расширением географии доступных направлений шел процесс ослабления административных барьеров. В 2000 г. было отменено требование приглашений для деловых и частных поездок. Существенно упростилась процедура получения загранпаспортов. Для помощи туротраслям новых специальных административных районов (САР) были отменены разрешения на въезд в Сянган и Аомэнь.

В итоге, несмотря на политику, все еще нацеленную на “умеренный, осторожно управляемый рост”, развитие выездного туризма шло опережающими темпами. В период 1999—2004 гг. произошло трехкратное увеличение потока с 9 до 29 млн поездок. Однако быстрое развитие имело свои издержки. Спрос на зарубежные туры породил хаотичную и в основном нерегулируемую организацию многочисленных групп нелегализованными агентствами. Получили развитие так называемые “бесплатные туры”, которые предлагались по заниженным ценам, но в пункте назначения туристов принуждали к покупке товаров и услуг, не соответствующих своей стоимости. Погоня китайских туроператоров за количеством в ущерб качеству негативно отразилась на их репутации.

В качестве меры для приостановления неконтролируемого роста выездного туризма правительством Китая обсуждалась возможность повышения выездного сбора в новом тысячелетии до 200 юаней (около 20 евро). Однако, некоторые эксперты указали на то, что большинство валюты вывозимой китайскими туристами, остается в САР Сянган и Аомэнь, которые являются частью китайской экономики.

Началом третьего этапа развития китайского выездного туризма можно считать 2005 г., когда китайское правительство изменило официальную позицию в вопросе выездного туризма. Большой положительный торговый баланс, стремление развеять образ бедной страны, отбирающей рабочие места, и усилить мировое политическое влияние КНР, заставили правительство пересмотреть отношение к туристическому потоку из страны. В 2005 г. была принята новая политика, нацеленная на развитие туризма. Отныне выездному туризму отводится роль популяризатора китайской культуры и языка, метода усиления экономического влияния КНР в ряде стран (особенно Африки), важного элемента внешней политики по вопросу урегулирования конфликта с Тайванем. Таким образом, длительная история становления выездного туризма завершилась признанием его полноправной сферой туристической деятельности КНР.

Изменение характеристик выездного туристического потока Китая

В силу специфики развития китайский выездной туризм характеризуется рядом особенностей. Сезонность в его потоке выражена более резко, чем в потоках из других стран. До недавнего времени в КНР не существовало оплачиваемых отпусков, однако с 1999 г. в стране действуют недельные каникулы во время трех государственных праздников: праздника Весны (по лунному календарю —

январь-февраль), Международного дня солидарности трудящихся — 1 Мая и Дня образования КНР (1 октября). Эти праздники получили название “золотых недель” и являются пиками турактивности — на них приходится 30% оборота турагентств.¹² Непродолжительность каникул (7 дней) определяет популярность у большинства туристов посещения Сянгана, Аомэня и стран Азии. В дополнение к общегосударственным каникулам общепринятыми становятся ежегодные оплачиваемые отпуска, что позволяет продлевать отдых и совершать поездки на дальние расстояния. Многие родители берут своих детей в зарубежные поездки во время зимних или летних школьных каникул. Экономически активное население молодого и среднего возраста склонно путешествовать в разгар туристического сезона, в то время как пенсионеры предпочитают межсезонье из-за низких цен и более качественного обслуживания. В дальнейшем, по мере увеличения числа пенсионеров и расширения охвата сферой туризма лиц пожилого возраста сезонная разница уже не будет выражаться столь резко.

Туристическая сезонность влияет на выбор направления. Зимой и, в частности, в период праздника Весны наибольшей популярностью пользуются южные направления: страны ЮВА и Австралия, а также Япония и Республика Корея, привлекающие зимними видами спорта и горячими источниками.

Частные и служебные поездки. За 20 лет своего развития китайский выездной поток претерпел не только значительные количественные, но и качественные изменения. Либерализация выездного режима отразилась прежде всего на соотношении частных (за свой счет) и служебных поездок. До 1979 г. основу потока из КНР составляли официальные визиты, однако с началом реформ число обладателей частных загранпаспортов начало постепенно расти. В период 1979—1986 гг. они совершили 350 тыс. поездок, в основном для посещения родственников. В конце 1980-х частные паспорта все чаще стали выдаваться студентам для обучения за рубежом. К началу 1990-х гг. 1/3 всех частных загранпаспортов принадлежала этим двум категориям.¹³ На протяжении всех последующих лет в связи с упрощением выездного режима и вовлечением в выездной туризм широких слоев населения, доля деловых поездок неуклонно снижалась (исключение составил 1998 г. — год азиатского экономического кризиса). Если в начале 1990-х частные поездки составляли 40% потока, то в 2000 г. их количество впервые превысило служебные (54%), а в 2005 г. достигло 81%. Таким образом, они стали “двигателем” выездного туризма. Расширение китайских контактов с другими странами, без сомнения, будет способствовать увеличению числа официальных и деловых поездок. Несмотря на снижение их доли, прогнозируется, что они будут составлять более 10% от общего потока.¹⁴

Организация. Согласно установленным правилам, туристы покидают КНР и возвращаются в составе групп не менее трех человек, организацией которых занимаются специально аккредитованные турагентства. Их число непрерывно увеличивалось пропорционально росту выездного потока: если в 1992 г. было всего 9 агентств, в 1998 г. — около 70, то к концу 2002 г. это число достигло 528. В 1993 г. турагентствами было организовано 780 тыс. поездок, а в 2004 г. в 8 раз больше — 5,6 млн. Несмотря на рост абсолютных показателей, доля организованных поездок увеличивалась только до 2000 г. (в 1992 г. она составляла 32%, в 2000 г. — 40%). В начале нового тысячелетия ужесточение контроля за функционированием турфирм и борьба с “бесплатными” турами, а также введение свободного въезда в САР Сянган и Аомэнь для жителей 32-х городов страны спровоцировали снижение доли организованных путе-

шествий в 2004 г. в общем потоке до 20%, несмотря на абсолютный рост на 44,3% в указанный период.¹⁵ Подавляющее большинство поездок (80%) осуществляется самостоятельно, без привлечения турагентств, преимущественно в Сянган и Аомэнь. Впоследствии можно ожидать дальнейшего уменьшения доли организованных поездок в общем потоке и изменения направленности работы турфирм в пользу зарубежных туров.

Мотивы. За последние десятилетия существенно изменились мотивы поездок. Если на раннем этапе развития основу выездного потока составляли служебные поездки и визиты к родственникам, то в настоящее время 41%¹⁶ путешествующих выезжает за пределы страны для получения новых знаний и расширения кругозора. Немаловажную роль в этом играет традиционное для Китая отношение к путешествиям как к форме образования и саморазвития. Древняя китайская мудрость гласит: “Прочитай десять тысяч книг и пройди десять тысяч миль”. Поскольку репутация опытного путешественника повышает социальный статус человека, помогая снискать уважение коллег и знакомых, многие стремятся выехать за рубеж из соображений моды и престижа. Так, некоторые впервые посетившие Европу туристы из КНР, испытав разочарование от соприкосновения с европейской культурой, тем не менее отмечали, что не жалеют о поездке, так как она “повышает их вес” в глазах знакомых.¹⁷

С другой стороны, быстрый экономический рост в КНР повлек за собой увеличение рабочих нагрузок и ускорение ритма жизни городского населения. В результате, второе место по популярности (33%) занимают поездки для отдыха и восстановления сил. Стремление к перемене обстановки, новизне впечатлений и экзотике характерно для 15% туристов.¹⁸ Таким образом, доминирующими мотивами заграничных путешествий являются отдых и познание.

Несмотря на значимость покупок во время пребывания за рубежом, только 2% путешественников заявляют их основной целью поездки. Популярное в прошлом посещение друзей и родственников уже не является главным мотивом (7%).¹⁹ Однако важность связей с зарубежной китайской диаспорой нельзя недооценивать: в 2000 г. четверть всех китайских туристов прибывших в Сингапур, останавливались не в отелях, а у родственников и друзей.²⁰

Социальная структура. Изменение возможностей и характера путешествий повлекло изменение состава их участников. Если на раннем этапе в связи с преобладанием деловых визитов в нем доминировали мужчины (70—80%), то в дальнейшем состав стал более сбалансированным. Высокая привлекательность для совершения покупок Сянгана — главного туристического направления для КНР — определяет преобладание женщин (53%) среди выезжающих туда китайских туристов. Высокая доля женщин также характерна для поездок в староосвоенные страны ЮВА, специализирующиеся на семейном и расслабляющем отдыхе. В межрегиональных путешествиях (в Европу, Северную и Южную Америку) по-прежнему доминируют мужчины (до 58%), что объясняется высокой долей деловых поездок.²¹

Изменение возрастной структуры выездного потока во многом обусловлено особенностями исторического развития КНР во второй половине XX в. Культурная революция 1966—1976 гг., сопровождавшаяся уничтожением образовательной системы и разрушением традиционных конфуцианских ценностей, сформировала поколение, которое в Китае принято называть “потерянным”. Его представители не получили должного образования и отличаются низким культурным уровнем. К началу 1990-х гг. они играли активную роль в государстве,

что на фоне ограничительной туристической политики делало их лидерами зарубежных поездок, однако в эпоху массового туризма их туристическая активность остается низкой. Переход этого поколения в старшие возрастные группы способствовал снижению доли этих групп в общем потоке (рис. 2).

Примечательно, что поколение, чья молодость пришлось на период становления КНР, ударного строительства и дружбы с СССР, проявляло большую туристическую активность и повышало долю своей возрастной группы в потоке. Однако это поколение уже не сможет сыграть значимой роли в выезде за рубеж. Все это объясняет отсутствие в КНР характерной для западных стран высокой доли "зависимого" туризма.

Ведущей "туристической силой" является молодое, экономически активное население, ориентированное быстро растущий Китай. Самая многочисленная группа — лица в возрасте 36—45 лет (28%). Через 20 лет они станут основной туристической "бума" среди лиц пожилого возраста.

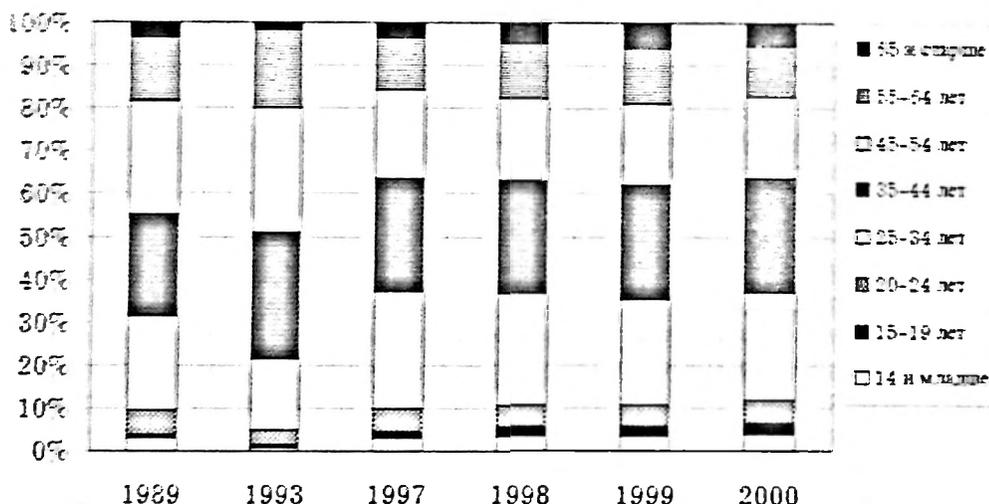

Рис. 2. Изменение возрастной структуры китайского выездного потока в 1989-2000 гг.

Источник: *Chinese Outbound Tourism*. Madrid: World Tourism Organization, 2003

Главной движущей силой становятся семьи: из всего потока 38% путешествуют в сопровождении членов семьи и 20% — всей семьей. При этом 57% туристов относятся к наиболее характерному для китайских городов типу семьи — родители с одним ребенком. Новый для Китая тип семьи, основанный на принципе "двойной доход без детей", представляют пока только 11% туристов. На членов традиционных семей, в которых несколько поколений проживают вместе, приходится 10% туристов.²²

Социальная структура выездного турпотока как зеркало отражает изменения, которые произошли в китайском обществе за последние десятилетия. Высвобождение большого количества занятого в сельском хозяйстве населения (с 67% в 1978 г. до 44% в 1999 г.) дало мощный толчок развитию индустрии в городах и бурному расцвету мелкой и сельской промышленности.²³ Переход к рыночной экономике сформировал новые социальные группы: предпринимателей, управленцев, работников частных, совместных и иностранных предприятий, ак-

шонеров, зажиточных крестьян, рантье, живущих на доход от продажи земли под индустриальную застройку и т.д. Наряду с профессионалами высокого и среднего уровня в области образования, юриспруденции, медицины, работников СМИ, спортивной, культурной и развлекательной сфер они формируют “средний класс”, для которого характерен “западный” стиль жизни и сопряженные с ним высокие затраты на культуру, образование, развлечения. В 2003 г. доля этих статей в общих потребительских расходах достигла 12,7%, превысив расходы на одежду (10,4%) и уступив лишь расходом на продукты питания (41%).²⁴

В настоящее время представители среднего класса, то есть те, чьи ежемесячные семейные доходы превышают 5 тыс. юаней, составляют около 50—60 млн чел. или 11% городского населения.²⁵ Ожидается, что в ближайшем будущем их число будет расти, что представляет огромный потенциал для выездного туризма.

подавляющее большинство выезжающих за рубеж туристов имеют высшее образование (41% — окончили университеты, 31% — колледжи). По профессиональному составу участников выездной поток на 40% состоит из управляющих и служащих компаний. Преподаватели и студенты формируют вторую по значимости группу — 23%. Третье место занимают госслужащие, пенсионеры и профессионалы разных сфер — их доли колеблются от 7% до 9%.²⁶

По уровню достатка, основу выездного туризма составляют представители средних и высших слоев населения. В 2003 г. 31% потока формировали семьи с ежемесячными доходами 5—10 тыс. юаней; 17% — 10—20 тыс., 8% — 20—30 тыс. Доходы 10% превышали 30 тыс. юаней. Остальные 34% имеют семейные доходы близкие к 5 тыс., но не ниже 1 тыс. юаней в месяц.²⁷

В целом, китайский выездной туризм, пройдя путь от элитарного до массового вида деятельности, становится все более разнообразным и сложным по составу участников.

География. В географическом аспекте для выездного потока Китая характерна высокая доля внутрирегиональных поездок — 91%, что обусловлено большим числом поездок в районы “полувнутреннего туризма” — Сянган и Аомэнь. Свободный въезд и транспортная доступность (железнодорожное сообщение связывает Сянган со всеми административными центрами) делают эти специальные административные районы главными направлениями для первых зарубежных путешествий. В настоящее время на них приходится более 70% потока (рис. 3) против 54% в 1999 г., и в дальнейшем он будет расти. Помимо САР основной туристический поток из Китая направлен в Восточную и Юго-Восточную Азию (примерно по 10%), что связано с географической близостью, наличием экономических и культурных связей.

В 2004 г. из десяти самых популярных направлений (Сянган, Аомэнь, Япония, Россия, Вьетнам, Республика Корея, Таиланд, США, Сингапур и Малайзия) только две страны не относились к азиатскому региону.

Доля Америки и Европы снижалась, несмотря на увеличение абсолютных показателей. Путешествия в Африку демонстрировали самые высокие темпы роста среди межрегиональных поездок (около 30%)²⁸, за счет чего их доля оставалась стабильной.

Следует отметить, что азиатские направления китайского туризма в будущем могут столкнуться с конкуренцией со стороны других регионов, так как для туристов из КНР в целом характерен большой интерес к развитым странам и странам с европейской культурой. Согласно опросам, проведенным в Китае, наиболее привлекательными для посещения являются США, Австралия и страны ЕС.

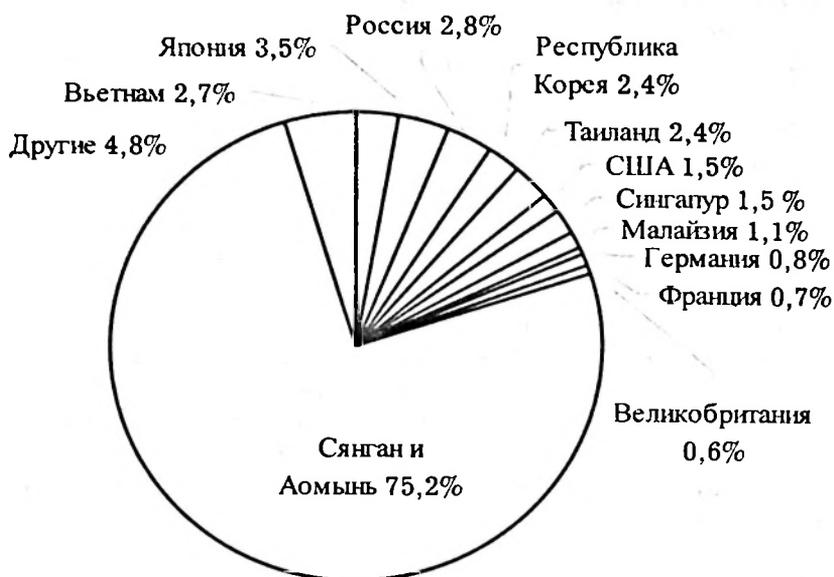

Рис. 3. Распределение китайского выездного потока по направлениям в 2004 г.

Источник: *China National Tourist Office* // <http://www.cnto.org/chinastats.asp>

С 2004 г. китайские туристы получили возможность путешествовать в Европу. В 2005 г. туда было совершено 1 млн поездок, в 2006 г. — 1,9 млн. Большинство из них включают посещение Франции, Италии, Германии и Великобритании.²⁹ Европа является одним из главных направлений для официальных и деловых визитов, однако, возможности для частных поездок используются не в полной мере.

Соединенные Штаты всегда оставались самым желанным направлением для китайских туристов. Несмотря на сложность оформления выездных документов и получения американской визы, ежегодный рост поездок в эту страну в 1995—2000 гг. составлял 10,6%.³⁰ Вступление с 2008 г. в силу соглашения об организации турпоездок в США открывает огромный потенциал для формирования турпотока из КНР в американском направлении.

Изменение расходов китайских туристов

По мере роста объемов и расширения географии поездок важным вопросом для принимающих стран становится экономическое значение китайского выездного туризма. Туристические расходы КНР в последние 15 лет увеличивались так же стремительно, как и число поездок (рис. 1). С 370 млн в 1990 г. они выросли в 66 раз, достигнув к 2006 г. 24,3 млрд долл.

По сравнению с ростом абсолютных показателей, расходы в пересчете на одного туриста менялись не так однозначно, хотя в целом также демонстрировали положительную динамику (рис. 4). На протяжении 1990-х гг. средние расходы китайского туриста росли, достигнув пика в 1997 г., когда в условиях экономиче-

ского кризиса в странах Азии покупательская способность китайских туристов резко возросла. С наступлением эпохи массового туризма в новом тысячелетии подушевые расходы демонстрировали тенденцию к снижению, а затем — к незначительному росту, составив в 2006 г. 705 долл.

Более высокие траты в прошлом объяснялись преобладанием служебных поездок бизнесменов и партийной номенклатуры, в ходе которых расходовались государственные средства. По мере увеличения доли частных поездок на собственные средства и вовлечения в поток “среднего класса”, средние расходы одного китайского туриста уменьшились. В то же время развитие рынка, усиление конкуренции между направлениями за счет расширения географии поездок вызвали снижение стоимости турпродуктов в принимающих странах, особенно в ЮВА.

Расходы китайских туристов меняются в зависимости от специфики направления: его удаленности, длительности пребывания, специализации, уровня развития экономики и индустрии гостеприимства, в частности. Для таких направлений, как Сянган и Аомэнь, материковый Китай давно стал основным туристическим донором.

Самые дорогие турпакеты на китайском туристическом рынке характерны для наиболее удаленных стран, недавно получивших статус ОН. Так, приблизительная стоимость двухнедельного тура в Бразилию составляет 37 тыс. юаней, в Европу — 20 тыс. юаней, в Австралию и Новую Зеландию — 15 тыс. юаней, в ЮВА — 10 тыс. юаней.³¹

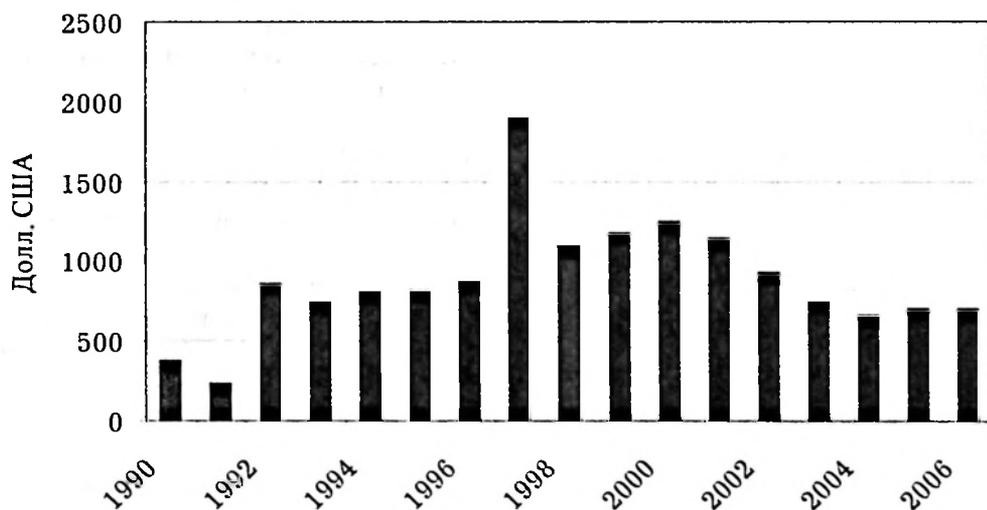

Рис. 4. Изменение подушевых туристических расходов китайских туристов в 1990-2006 гг.

Источник: China National Tourist Office // <http://www.cnto.org/chinastats.asp>
Chinese

Принимающие страны отмечают стремление китайских туроператоров экономить на основных компонентах турпродукта: средствах размещения, транспорте, экскурсиях и даже питании, выбирая наиболее дешевые варианты, и

жестко торгуясь с местными поставщиками. Однако покупательскую способность китайских туристов нельзя недооценивать. В структуре их затрат важную роль играют дополнительные расходы, так как только в 50% случаев пакет услуг является их основной статьей. Для 30% туристов дополнительные расходы составляют примерно половину стоимости тура, 7% готовы потратить больше половины, а еще 14% берут с собой сумму, равную стоимости путевки.³²

По данным Министерства туризма Новой Зеландии, в 2006 г. китайские туристы занимали шестое место по расходам за поездку (3276 долл.) после прибывших из Германии (4753 долл.), Японии, Великобритании, США, Республики Корея³³. Во Франции в 2005 г. средний расход китайского туриста за поездку составил 3000 евро.³⁴ Ежедневные расходы китайцев в 2005 г. заняли первое место в Швейцарии — 313 долл., и второе — 110 долл. (после американских — 117 долл.) в Германии³⁵. В Таиланде они в 2006 г. (112 долл.) превышали американские (107 долл.) и европейские (92 долл.)³⁶.

Отличительной чертой китайских туристов является то, что наряду с экскурсиями (26%) и развлечениями (20%) большая часть их дополнительных расходов за рубежом приходится на шопинг (47%)³⁷. В 2005 г. расходы китайских туристов на покупки за одну поездку по Европе превысили европейские, японские и американские. В том же году ежемесячные траты жителей Поднебесной на покупки за рубежом достигли 235 млн долл. и вывели их по этому показателю на первое место в мире. Средние расходы одного китайского туриста на покупки составили 987 долл.³⁸

Шопинг как важная составляющая турпоездки влияет на географическое распределение китайского туристического потока и внутри страны пребывания. Например, в Германии вторым местом по посещаемости после Берлина является небольшой город Метцинген, в котором находится штаб-квартира “Hugo Boss”, здесь же располагается магазин уцененных товаров этого концерна. Недавно еще 20 известных производителей одежды открыли там свои магазины для извлечения прибыли из возрастающего турпотока³⁹. К лидерам по приему китайских гостей также относятся Кельн и Мюнхен, привлекающие своими торговыми центрами.

Китайским туристам свойственно стремление покупать товары признанных мировых марок. По оценкам французских экспертов, китайские граждане формируют 11% всех доходов от торговли предметами роскоши и, как ожидается, их доля увеличится до 24% к 2009 г., превзойдя американских, японских и европейских потребителей⁴⁰. В заключение следует отметить, что успешное развитие китайского сектора на туррынках западных стран не лишено проблем. Во-первых, поскольку китайским туристам свойственно стремление экономить на базовых составляющих турпакета, концентрируя расходы на покупках, основную выгоду от китайского туристического “бума” получают представители международной розничной торговли и производители предметов роскоши и дорогих товаров. Во-вторых, в силу культурной специфики более выраженного языкового барьера, индустрии туризма сложнее подстраиваться под запросы китайских туристов. Выполнение таких обязательных условий, как наличие китайской кухни, телеканалов, информационных материалов и обслуживания на китайском языке, следование некоторым китайским традициям и представлениям о комфорте требуют от индустрии туризма дополнительных усилий и затрат. К примеру, французская гостиничная сеть “Ассор” уже адаптировала для приема китайских туристов 56 отелей в Европе. К 2009 г. запланировано открытие еще

100 таких гостиниц. В Берлине власти города открыли сеть сувенирных магазинов с немецкой тематикой, предназначенных специально для китайских туристов. Туристические власти многих стран открывают специальные сайты на китайском языке⁴¹. Отдельная группа проблем связана с существующими различиями в культуре поведения и базовом понимании туризма у китайских и европейских путешественников.

В целом быстрорастущий рынок выездного туризма КНР в условиях достижений китайской экономики представляет огромный потенциал. Однако его использование, сопряженное с решением множества задач, требует грамотного подхода и объединенных усилий со стороны правительств, исследовательских центров, туристических властей, представителей турбизнеса и других заинтересованных отраслей принимающих стран.

1. GDP growth. — <http://www.chinability.com/GDP.htm>
2. Pata Trends & Issues: Outbound Travel: China (PRC) Takes the Lead. — <http://www.traveldailynews.com>
3. China National Tourist Office. — <http://www.cnto.org/chinastats.asp>
4. Chinese Outbound Tourism. Madrid: World Tourism Organization, 2003. P. 9
5. Китай опередит США по потреблению предметов роскоши. — <http://www.crc.mofcom.gov.cn/crweb/rcc/info/Article.jsp>
6. China National Tourist Office. — <http://www.cnto.org/chinastats.asp>
7. Arlt W.G. Chinese Tourists Behavior in 'Elsewhereland': Differences of Mainland Han Chinese tourists behavior visiting different destinations. — <http://www.china-outbound.com>
8. Нечаева А. Предпосылки и условия формирования выездного туризма в Китае // Туризм и региональное развитие. Смоленск, 2004. С. 183
9. Нечаева А. Типы направлений для китайского выездного туризма // Дальний Восток России: География. Гидрометеорология. Геоэкология. Владивосток, 2007. С. 68
10. IFCOT 2008: 41h Annual International Forum on Chinese Outbound Tourism. — <http://www.ccontact.com/events/ifcot.htm>
11. Нечаева А. Типы направлений для китайского выездного туризма. Дальний Восток России: География. Гидрометеорология. Геоэкология. Владивосток, 2007. С. 68
12. China — The Asia and the Pasific Intra-regional Outbound Series. Madrid: World Tourism Organization, 2006. P. 18
13. Verhelst V. Study of the Outbound Tourism of the People's Republic of China. The Probability of a Bilateral ADS Agreement between the PRC and the Shengen Area. — http://www.thesis.net/china/STUDY-OF_the_OUTBOUND.pdf
14. Нечаева А. Характерные черты и тенденции в выездном туристическом потоке Китая // Географические и геоэкологические исследования на Дальнем востоке. Владивосток, 2007. С. 161
15. China — The Asia and the Pasific Intra-regional Outbound Series. Madrid: World Tourism Organization, 2006. P. 17
16. Там же.
17. Arlt W.G. Op. cit. — <http://www.china-outbound.com>
18. China — The Asia and the Pasific Intra-regional Outbound Series. Madrid: World Tourism Organization, 2006. P. 12
19. Там же.
20. Chinese Outbound Tourism. Madrid: World Tourism Organization, 2003. P. 55
21. China — The Asia and the Pasific Intra-regional Outbound Series. Madrid: World Tourism Organization, 2006. P. 10
22. Там же.

23. Махновский Д. Современный этап развития выездного туризма в Китае // Туризм и региональное развитие. Смоленск, 2006. С. 266.
24. China's Consumer Market: Opportunities and risks. —
http://www.deloitte.com/dtt/cda/doc/content/China_Consumer.pdf
25. China — The Asia and the Pasific Intra-regional Outbound Series. Madrid: World Tourism Organization, 2006. P. 13
26. Там же.
27. Там же.
28. IFCOT 2008: 4th Annual International Forum on Chinese Outbound Tourism. —
<http://www.ccontact.com/events/ifcot.htm>
29. Там же.
30. Chinese Outbound Tourism. Madrid: World Tourism Organization, 2003. P. 118
31. Agencies hesitate over Brazilian tours. —
www.chinainfotravel.com/Chinese_Tourism.htm
32. China — The Asia and the Pasific Intra-regional Outbound Series. Madrid: World Tourism Organization, 2006. P. 13
33. Statistics by Subject. — <http://www.tourism.govt.nz/quicklinks/ql-statistics/tml>
34. Glaubitz S. Paris wants more Chinese tourists. —
<http://www.theage.com.au/articles/2006/09/15/1157827130249.html>
35. Туристический рынок. —
http://russian.china.org.cn/china/archive/China2006/txt/2006-12/05/content_2278945.htm
36. Thailand tourism statistics. — http://www2.tat.or.th/stat/web/static_tts.php
37. China — The Asia and the Pasific Intra-regional Outbound Series. Madrid: World Tourism Organization, 2006. P. 13
38. Zhou J. Chinese tourists spend most on overseas shopping. —
<http://www.china.org.cn/English/2005/Nov/150023.tm>
39. The Chinese are starting to travel abroad. But getting them to spend is difficult. —
http://www.economist.com/business/displaystory.cfm?story_id=7088698
40. Там же.
41. Там же.

История

Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г.

© 2008

Е. Чернолуцкая

В последние полтора десятилетия история этнических депортаций в СССР является предметом активного исследования. Однако среди множества публикаций нелегко найти специальный труд, посвященный выселению китайцев с советского Дальнего Востока в 1938 г. Основная причина тому — труднодоступность необходимой источниковой базы. В настоящее время выявлен лишь небольшой массив материалов, в том числе рассекреченные "особые папки" заседаний Политбюро ЦК ВКП(б)¹, несколько приказов НКВД СССР², отдельные документы в архивах Дальнего Востока. В них представлены директивы центральных органов власти, фрагментарная информация с мест, но к сожалению, отсутствуют подробные сведения о ходе самой депортации и ее результатах.

Историки в основном оперировали лишь двумя итоговыми цифрами, опубликованными в Японии в 1939 г. беглым начальником УНКВД по ДВК Люшковым, который сообщал, что на Дальнем Востоке в период депортации корейцев было арестовано 11 тыс. и выселено 8 тыс. китайцев, репрессированы представители других этнических групп³. Эти данные, в которых смешаны результаты двух депортаций и нескольких операций по арестам "националов", стали источником не вполне корректных утверждений даже в весьма солидных исследованиях. Так, известный специалист по принудительным миграциям П.М. Полян в своей монографии, говоря о депортации корейцев, вскользь замечает: "Вместе с корейцами были "прихвачены" 7 тыс. китайцев, по несколько сот немцев, поляков и прибалтов, около 1000 харбинских репатриантов"⁴. Другой авторитетный ученый Л.Л. Рыбковский считает, что вся масса китайцев вместе с корейцами была выселена с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан в 1937 г.⁵

В действительности же события развивались не совсем так. Разобраться в этом нам помогла информация, обнаруженная почти случайно в архивно-следственных делах репрессированных сотрудников Приморского ОУ НКВД⁶. Эти материалы до сих пор являются единственным введенным в научный оборот ис-

Чернолуцкая Елена Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

точником по целому ряду аспектов проблемы, о чем свидетельствуют работы других авторов, опирающихся в данных вопросах на наши публикации⁷.

В данной статье мы попытаемся с учетом новых архивных данных осветить некоторые подробности процесса вытеснения китайцев с советского Дальнего Востока, завершившегося депортацией 1938 г.

Не останавливаясь на достаточно широко исследованной общей характеристике китайской иммиграции на Дальнем Востоке, отметим лишь ряд ее особенностей, существенных в контексте рассматриваемой проблемы. Известно, что китайские отходники в конце XIX — первой трети XX в. представляли собой один из важных источников пополнения рабочей силы в строительстве, горной и рыбной промышленности. От других восточных иммигрантов — корейцев они отличались высокой степенью миграционной подвижности, сезонностью пребывания в России, незначительной долей перешедших в российское/советское подданство, абсолютным преобладанием мужчин. В пределах дальневосточного российского региона наибольшая часть китайцев концентрировалась в Приморье, а внутри него — во Владивостоке, где их численность в 1906—1909 гг. достигала 24—31 тыс. чел., составляя 33—39% жителей города⁸.

Приход китайцев в Россию сопровождался рядом трудно решаемых проблем, среди которых — большие масштабы нелегальной иммиграции, специфические виды преступности (хунхузничество, хищнический сбор и вывоз биоресурсов, макосеяние, содержание опиумных и игорных притонов и др.). Практически во всех городах юга Дальнего Востока имелись китайские кварталы, где процветала криминальная обстановка и антисанитария. Особенно известной была “Миллионка”, квартал, стихийно образовавшийся почти в самом центре Владивостока. Он представлял собой комплекс тесно стоящих строений, частично принадлежавших китайцам, с множеством входов и выходов, лабиринтом запутанных и тайных проходов, тупиковыми дворами. Там находились жилые помещения, ночлежки, харчевни, лавки, парикмахерские, опекурильни и притоны, где часто совершались убийства и грабежи.

Неподконтрольность российским властям, закрытый характер китайских общин давали повод подозревать “восточников” и в том, что они используются в шпионаже против России. Эти подозрения особенно усиливались накануне или в период войн. Так, в годы первой мировой войны китайцев рассматривали как вероятных агентов японской и германской разведок. По этой причине их целыми группами арестовывали по всей России и депортировали на родину. Действия полиции были столь активны, что правительство Китая выразило официальный протест по поводу отношения русских властей к китайцам как к подданным враждебного государства⁹. Однако было достоверно выявлено их активное участие в содействии побегам военнопленных из Приморья и Приамурья в Китай. Исследователь В.В. Синиченко отмечает, что шпионаж превратился для китайцев в доходный бизнес, поскольку германская разведка не жалела средств на организацию в тылу России диверсионных групп с целью освобождения немецких военнопленных и уничтожения военного снаряжения¹⁰.

Российская администрация никогда не знала точного числа пребывавших в стране “желтых” иммигрантов. Мало что изменилось и в советское время. Характерно высказывание партийного функционера Амурской области (1933 г.): “Ни одна областная организация не имеет точного и верного учета количества китайских трудящихся в области. Имеющие хождение цифры расходятся анекдотически — от 1 400 чел. как минимум до 11 000 чел. как максимум. ...Учет про-

водится одновременно несколькими организациями (одинаково плохо)¹¹. Не случайно официальные сведения о численности китайцев на Дальнем Востоке в 1920—1930-е гг. существенно разнятся между собой, а для периода между 1933 и 1939 годами практически отсутствуют.

Перепись 1926 г. насчитывала в ДВК (без Забайкалья) 65 тыс. китайцев, в том числе во Владивостокском округе — 43 513 чел. (67% от суммарной численности), Амурском и Зейском — 11 311 (17,4%), Хабаровском и Николаевском — 9 224 (14,2%), Сахалинском — 679 (1,1%), Камчатском — 212 чел. (0,3%)¹². Как и в досоветский период, подавляющая их часть приходилась в ДВК на территорию, близкую к современным границам Приморского края. Предположительно, примерно такие же пропорции сохранялись до 1938 г.

О динамике их численности в разрезе округов и областей имеются лишь фрагментарные сведения. В Амурской области на 18 сентября 1933 г. официально числилось 4,9 тыс. китайцев¹³, в Сахалинской области в 1931 г. — 921 чел.¹⁴ Во Владивостокском округе в 1929 г. было учтено 42,3 тыс. китайцев, в 1932 г. (Приморская область) — 32,6 тыс., в том числе в г. Владивостоке, соответственно — 16,6 и 14,0 тыс., в г. Никольске-Уссурийском — 3,8 и 1,9 тыс.¹⁵ В 1937 г. органы НКВД считали, что во Владивостоке их было менее 10 тыс. Последние перед депортацией сведения содержатся в рассекреченной переписи 1937 г.: тогда в РСФСР находилось 38,5 тыс. китайцев¹⁶, из них на Дальнем Востоке — 24,6 тыс.¹⁷ Таким образом, официальная статистика показывает, что в 1930-е гг. больше половины китайского населения в РСФСР продолжало концентрироваться в ДВК, однако явно прослеживается его уменьшение, что явилось результатом целенаправленной государственной политики.

Вопрос о наплыве “желтых” иммигрантов неоднократно ставился на обсуждение органов власти разных уровней, принимались решения о прекращении их притока на советскую территорию. Для решения этой задачи использовались как косвенные методы воздействия, так и прямое принуждение: китайская рабочая сила постепенно заменялась русской, ограничивалось частное предпринимательство, арестовывались и высылались из страны притоносодержатели и контрабандисты.

Китайская “Харбинская газета” 9 марта 1928 г. писала: “Одно лицо, прибывшее в Харбин на днях из Владивостока, рассказывает, что за последнее время русские власти всеми силами ограничивают китайских граждан во Владивостоке. Под предлогом неправильности постройки, что нарушает правила гигиены, они принудили закрыть эксплуатировавшиеся китайскими коммерсантами маслобойные заводы и хлебные магазины. Затем, ссылаясь на несоблюдение торгово-промышленных правил, они опечатали свыше 20 универсальных магазинов китайских граждан. Кроме того, властями арестовано свыше 50 чел. китайских граждан, которые заключены в тюрьму и приговорены к тюрьме на сроки от 7—8 мес. до 1 года”¹⁸. Предприниматели пытались приспособиться к новым условиям, например, создавали лжеартели в рыбной промышленности и общепите, капитал которых на самом деле принадлежал одному или нескольким частным лицам. Но в основном к 1930-м гг. китайский бизнес был свернут.

Усилилась охрана границ, и возросли полномочия ОГПУ в выселении нелегальных иммигрантов. В 1930—1931 гг. с началом военных акций японской армии в Маньчжурии советские власти закрыли свои границы и запретили въезд иммигрантов. Исключение составляли только лица, имевшие специальные приглашения официальных инстанций¹⁹. Все остальные, пересекавшие границу,

считались ее нарушителями или перебежчиками. Постепенно приток китайцев в край стал ослабевать, и их численность сокращалась.

По мере обострения международной обстановки, особенно в связи с подписанием Японией антикоминтерновского пакта, советское руководство ужесточило режим пребывания в регионе не только для иностранных, но и для своих граждан, проводя периодически “превентивные чистки”. В течение 1930-х гг. принудительно были выселены десятки тысяч советских жителей, считавшихся неблагонадежными²⁰.

В числе мероприятий по “очистке” Приморской области была и ликвидация владивостокской “Миллионки”. По-прежнему ряд домов в этом квартале принадлежали китайским собственникам, однако сами они выбыли в Китай еще в начале 1920-х гг., передав управление недвижимостью своим доверенным лицам. К наиболее крупными домовладениям относились объединенные в кварталы так называемые большая и малая “Миллионки”, находящиеся в центре города по улицам Колхозной, Пекинской и Корейской, а также некоторые другие дома вне квартала. За долгое время эксплуатации они были приведены в ужасающее антисанитарное и аварийное состояние. В помещениях площадью по 4—5 кв. м. обычно стояли двойные нары, на которых обитали по 10—15 чел. Как правило, прописывались в этих домах только квартиросъемщики. Остальные жильцы никакой регистрации не проходили. В силу этого по домовым книгам значилось по 150—200 чел., фактически же проживало по 400—500. В частности в мае 1936 г. только в шести домах “китайского квартала” по прописке проживало 1408 чел., из них 1165 китайцев, 223 русских (в основном женщины, сожительствовавшие с китайцами), 20 корейцев. Но сверх этого предположительно обитало еще не менее 2500 чел.²¹

“Миллионка” сохраняла за собой репутацию злочного места с действующими притонами наркомании, проституции, азартных игр. Она рассматривалась органами власти как район, представлявший угрозу государственной безопасности. По словам начальника Приморского ОУ НКВД Визеля, “Миллионка” являлась “убежищем всего преступного и бездокументного элемента, всех прибывающих из-за границы контрабандистов и японских шпионов, причем последние в этих же домах получали все интересующие их сведения, поскольку сталкивались с лицами, работающими в государственных организациях и даже на военных объектах”²².

Скорее всего, именно такого рода материал лег в основу телеграммы начальника УНКВД по ДВК Дерibasа (к сожалению, текст телеграммы нам не известен), по которой 17 апреля 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление: “Предложить т. Дерibasу ликвидировать “Миллионку” малыми порциями под тем или иным соусом в течение 4—5 месяцев, т.е. к осени сего года”²³. В мае 1936 г. Приморское ОУ НКВД приступило к выполнению задачи. Производились аресты бездокументных иностранцев, уголовников и притоносодержателей, дома, которые находились в частном владении китайцев, передавались в арендное пользование или продавались советским организациям. Первыми объектами акции стали два дома по улицам Батарейной и Пекинской, откуда все жильцы были выселены, а помещения опечатаны.

Эти действия вызвали бурное недовольство оказавшихся на улице жильцов, а Посольство Китая в Москве 26 мая и 4 июня 1936 г. направило две протестные ноты в НКВД СССР. События выходили на уровень межгосударственных отношений и вынуждали руководство страны предпринимать шаги к сглаживанию ситуации. На заседании 17 июня 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) снова обсуждало вопрос “О ликвидации “Миллионки” во Владивостоке”. Дерibasу давалось распоряжение

дальнейшие действия осуществлять “с большей осторожностью, не давая оснований к обвинениям, что это мероприятие носит исключительно характер против китайцев. Сроки и порядок выселения согласовать с НКВД с тем, чтобы с ликвидацией “Миллионки” закончить не позже этого года”. Одновременно Владивостокскому горсовету предлагалось “снабдить жилплощадью всех тех китайских граждан, которые были или будут выселены из домов “Миллионки” и которые проживали там на законных основаниях и не совершали никаких преступлений”²⁴.

К 1 ноября 1936 г. четыре здания “китайского квартала” были полностью, а два — частично освобождены от прежних жильцов. В них органы НКВД ликвидировали 97 притонов, по которым репрессировали 807 чел. В декабре 1936 г. начальник Приморского ОУ НКВД Визель информировал секретаря Приморского областного комитета ВКП(б) Мякинена: “На сегодня ни большой, ни малой “Миллионки” не существует. Все эти дома к данному времени в большей части отремонтированы и заняты служащими и рабочими организаций, арендовавших дома... За время с 1 января по 1 декабря 1936 г. выехали в Китай 4202 чел., в том числе до 1 мая — 672 чел. и с 1 мая, т.е. с начала проведения опермероприятий по “Миллионке” — 3682 чел. Несмотря на проведенную чистку области от указанного элемента, мы и на данное время еще имеем большое количество китайцев, не имеющих никаких документов и нигде не работающих, что подтверждается проходящей перерегистрацией китайского населения. Так, например, из прошедших перерегистрацию 2986 чел. — 690 чел. не имеют никаких документов и 287 чел. не имеют видов на жительство, причем, как правило, все эти лица живут в СССР от 3 до 10 лет и никогда не имели соответствующих документов”²⁵.

Проведенная операция стала серьезным потрясением для китайских иммигрантов, особенно тех, кто не имел необходимых для проживания в России документов. Часть из них была арестована, другая предпочла возвратиться в Китай, третья разбежалась по окрестностям.

В конце июня 1936 г. Визель лично проехал с инспекторской проверкой по колхозам и пригородным хозяйствам области и обнаружил, что многие из них, особенно маломощные, привлекают на работу от 5 до 40 китайских граждан, в большинстве не имеющих документов, и даже принимают их в члены колхозов, наделяя землей. Нередко китайские работники наряду с возделыванием огородных культур выращивали опийный мак и содержали притоны опиекурения, за что в период проверки было арестовано 22 чел. В докладной записке на имя Дерibasа и секретаря Приморского обкома ВКП(б) Таныгина Визель обращал внимание руководителей края на остроту проблемы нахождения в крае бездокументных китайцев. При этом он не считал обязательными принудительные меры воздействия, а вполне допускал принятие китайцев в советское гражданство при условии “их добросовестного отношения к труду”²⁶.

Однако позиция центральной власти по отношению к так называемым “националам” круто менялась. Политика развития этнических культур в нетитульных республиках, активно проводившаяся во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг., была свернута, ликвидированы национальные районы и сельсоветы. Июньский пленум 1937 г., решение Политбюро от 2 июля 1937 г. “Об антисоветских элементах” и последующие оперативные приказы НКВД дали старт массовым репрессивным операциям. Расширялся список “неблагонадежных” и “враждебных” элементов, куда вошли и этнические группы, в том числе поляки, латыши, немцы, эстонцы и некоторые другие, а также китайцы. В 1937—1938 гг. в СССР прошли массовые аресты представителей этих национальностей. “Чист-

ка” пограничных регионов проходила практически по всему сухопутному периметру страны. Осенью 1937 г. на Дальнем Востоке состоялась первая в СССР тотальная депортация по этническому признаку — всех корейцев (более 180 тыс. чел.) переселили в Казахстан и Среднюю Азию.

Освободив регион от присутствия одной крупной азиатской общины, государство обратило свои действия на другую. Но в отличие от корейской, акции против китайского населения начались не с депортации, а с массовых арестов. Мы полагаем, что основной причиной этого был высокий уровень нелегальной иммиграции китайцев и ее криминальный характер.

Несомненно, деятельность местных управлений НКВД направлялась из центра. Однако нам пока не известны подробности принятия политическим руководством страны и центральным аппаратом НКВД соответствующих решений. Выявленные материалы позволяют лишь пунктирно выстроить цепочку директивных указаний.

Первая “китайская” операция была проведена в ДВК в самом конце 1937 г. по указанию наркома внутренних дел Ежова, который 22 декабря отправил начальнику УНКВД по ДВК Люшкову шифротелеграмму: “Всех китайцев, независимо от их подданства, проявляющих провокационные действия или террористические намерения, немедленно арестовывайте”²⁷. На следующий день дополнительной шифротелеграммой он уточнил: “Одновременной операцией ликвидируйте крае все притоны, китайские и другие. Проведите тщательные обыски. Притоносодержателей и всех задержанных в них посетителей арестуйте. Проведите следствие. Дела совграждан, изобличенных антисоветской, шпионской, контрабандистской деятельности, и активных уголовников рассмотрите тройке и репрессируйте первой и второй категориям. Дела иноподданных этой группы передайте рассмотрение суд последующего выдворения за пределы СССР. Дела всех остальных арестованных рассмотрите судебным порядком, запрещением проживать ДВК, Читинской, Иркутской областях”²⁸. Люшков отреагировал на эти директивы 26 декабря, издав приказ № 62833, требовавший ареста китайских притоносодержателей и выявления среди них шпионских и диверсионных связей.

Учитывая, что большая часть китайцев в ДВК находилась в Приморье, которое являлось пограничной зоной с укрепрайонами, можно с уверенностью сказать, что именно сюда пришелся основной удар “китайских” операций. Их проведение в области возглавил ст. лейтенант погранохраны Лиходзеевский, который приехал вместе с новым начальником ОУ НКВД Диментманом (вместо арестованного Визеля) из Хабаровска в августе 1937 г., он отличался карьеризмом и жестокостью не только по отношению к подследственным, но и к своим подчиненным. Сам он был арестован в июле 1938 г., расстрелян в октябре 1940 г.²⁹

Операция по ликвидации притонов в Приморской области была проведена в ночь с 29 на 30 декабря, когда сотрудники НКВД совместно с милицией блокировали все выходы бывшего квартала “Миллионка”, другие злачные места в городах и селах и к рассвету прочесали их. Всего было арестовано 853 чел. Характер проведения первой “китайской” операции был сравнительно спокойным, информация о притоносодержателях собиралась на основе данных агентуры, допросы еще не были экстремальными³⁰.

В это время по всей стране продолжалось массовое репрессирование прочих “враждебных” этнических групп. Политбюро ЦК ВКП(б) своим постановлением от 31 января 1938 г. разрешило продлить операции против “шпионско-диверсионных контингентов” из числа “националов”, в том числе китайцев, до 15

апреля 1938 г. с рассмотрением их дел во внесудебных инстанциях вне зависимости от подданства арестованных.

В тот же день Политбюро приняло постановление "О перебежчиках". В нем заявлялось, что "иностранцы разведки свою массовую шпионскую и диверсионную сеть агентуры забрасывают в СССР по преимуществу под видом перебежчиков". Постановление обязывало всех их арестовывать. Тех, "в отношении которых будет прямо или косвенно установлено, что они перешли на территорию СССР со шпионскими, диверсионными и иными антисоветскими намерениями, предавать суду Военного трибунала с обязательным применением расстрела". Остальных "передать на Особое Совещание НКВД СССР с применением меры наказания 10 лет тюремного заключения"³¹.

Кроме того, 1 февраля 1938 г. по Дальнему Востоку было принято специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О запретной пограничной зоне и пограничном режиме" с целью усиления охраны государственной границы СССР с Японией, Кореей, Маньчжурией и МНР. К пограничной зоне были отнесены участок железной дороги от Иркутска до Хабаровска, все территории к югу от него и к востоку от рек Уссури и Амур, а также полностью Камчатская, Нижне-Амурская и Сахалинская области. В числе мероприятий по "очистке" погранзоны было намечено выселение из нее "антисоветского и неблагонадежного элемента". Для дальневосточных лагерей утверждались дополнительные "квоты" на расстрел 12 тыс. заключенных, осужденных за тяжкие государственные и уголовные преступления. Органам НКВД поручалось "иностранцев, не имеющих ни советских, ни иностранных паспортов из пределов ДВК, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР выселить, а всех подозреваемых в шпионской, диверсионной или другой антисоветской деятельности арестовать, и дела их рассмотреть в существующем внесудебном порядке на тройках, независимо от заявленного репрессированными подданства"³².

Таким образом, в течение двух дней политическое руководство страны приняло серию постановлений в целях "очищения" погранзоны, развязывающих массовые репрессии на Дальнем Востоке, в том числе и в отношении китайцев. Соответствующий приказ НКВД СССР поступил в регион 15 февраля 1938 г. Он обязывал арестовать всех китайцев-перебежчиков, выявить обстоятельства перехода ими границы и проверить возможную принадлежность к иностранным разведкам.

Вторая и третья "китайские" операции в Приморской области прошли 22 февраля и 28—31 марта, они "изъяли" соответственно 2005 и 3082 чел., а всего за трехмесячный период было арестовано 5 993 чел. Часть узников разместили во Владивостокской городской тюрьме, другую — в бараках Севвостлага в пригороде Владивостока. Арестованным пришлось в полной мере испытать всю тяжесть царивших в этот период в НКВД порядков. В отличие от первой, вторая и особенно третья операции, подгоняемые из центра, проводились наспех. Китайских граждан арестовывали без санкции прокурора, только на основании ордера, а нередко их хватали на улицах вообще без какого-либо оформления. Дознавание сопровождалось избиениями и пытками. Положение усугубляли ужасающая скученность в тюремных помещениях и сверхинтенсивная работа издерганных следователей, обязанных под страхом уголовной ответственности в кратчайшие сроки закончить тысячи дел. Для проведения арестов и следствия был мобилизован весь штат Приморского ОУ НКВД, вызваны резервисты, присланы командированные из Хабаровска. Но сотрудников все равно не хватало. Краевое руководство требовало форсировать следствие, "в связи с отставанием от других об-

ластей Дальнего Востока". Того же добивались от своих подчиненных Лиходзевский и Диментман, при этом главным направлением считалось "вскрытие шпионских и диверсионных связей".

Практически все оформленные в этот период уголовные дела были составлены наспех, а обвинения сфальсифицированы. С 27 апреля по 17 мая следствие в основном было закончено, и дела отправлены в Хабаровск на утверждение для внесудебного рассмотрения, всего — на 5816 чел., в том числе по 1-й категории (расстрел) — на 3123 чел., по 2-й категории (лишение свободы) — на 2693. Однако не все арестованные дожили до окончания следствия. Только в тюрьме № 2 Владивостока, по данным ее начальника, с октября 1937 г. по 25 июля 1938 г. скончались 133 чел.

Аналогичные акции прошли и в других областях ДВК, однако точных сведений о них, за исключением отрывочной информации, у нас не имеется. Так, в Сахалинской области, по показаниям арестованного осенью 1938 г. начальника местного УНКВД Дрекова, производились массовые аресты по "спецкорейской" и "спецкитайской" операциям. А его бывший подчиненный свидетельствовал: "Китайцев арестовывали всех подряд — без оперативных списков и установочных данных. Просто работники НКВД по заданию Дрекова приходили на базар и оттуда приводили людей в областное управление. Через три часа уже были готовы показания о шпионаже и повстанчестве"³³. По некоторым данным, в "шпионскую китайскую организацию" на Сахалине были включены 115 чел.³⁴ В Амурской области, согласно отчету секретаря обкома партии Макогонова от 22 июня 1938 г., было арестовано 1350 китайцев³⁵, а всего по Дальнему Востоку, если верить Люшкову, 11 тыс. чел.

"Китайские операции", как того требовали директивы центра, состоялись и в других регионах страны. Об этом свидетельствует, например, доклад начальника Тульского ОУ НКВД, из которого явствует, что с 1 октября 1937 г. по 20 марта 1938 г. в области по разным "национальным линиям" были арестованы 1646 чел., в том числе по китайской — 35³⁶.

В то время, когда в ДВК арестные операции были в самом разгаре, китайское посольство в Москве попыталось смягчить участь своих сограждан. Оно обратилось к советскому руководству с предложением об их переселении с Дальнего Востока в китайскую провинцию Синьцзян, Казахстан и некоторые районы Западной Сибири. Это предложение было принято постановлением Политбюро от 5 марта 1938 г. "в принципе". Осуществление его поручалось НКВД по согласованию с НКВД "для возможного учета пожеланий китайского правительства и придания этому переселению добровольного характера"³⁷. Лояльное отношение к просьбе официального Китая объяснялось тем, что в этот период СССР проводил политику поддержки Китайской республики. Ей выделялись финансовые кредиты, поставлялось вооружение, направлялись военные советники. В условиях японской оккупации северо-восточного Китая провинция Синьцзян играла роль связующего звена с СССР и находилась под сильным советским влиянием.

В мае Наркомат внутренних дел отправил на Дальний Восток распоряжение о выселении китайцев. В Приморское ОУ НКВД директива зам. наркома Фриновского за № 11161 от 16 мая 1938 г. поступила 22 мая. Уточняющие указания Ежов передал Люшкову по проводу 3 июня 1938 г.: "Первое: китайцев, не имеющих ни советских, ни китайских паспортов, заявляющих себя китайскими подданными, выселять в Синьцзян, оформление получение нацпаспортов через китайское посольство. Второе: жен китайских подданных советских гражданок

вместе с мужьями направлять в Синьцзян, обязательно отбирая заявления о выходе из советского гражданства. Третье: китайнок, китайских подданных, являющихся женами китайцев советских граждан, выселять вместе с мужьями в Казахстан. Четвертое: спецпоселенки — жены китайских подданных — выселению не подлежат. Пятое: для переселяемых в Синьцзян станция назначения Аягуз, выпуск за кордон через контрольно-пропускной пункт Бахты...³⁸

К концу мая на железнодорожной станции Эгершельд во Владивостоке был развернут специальный переселенческий пункт, откуда сотрудники НКВД укомплектовали и отправили через ст. Аягуз Туркестано-Сибирской железной дороги в Синьцзян четыре эшелона с 6189 китайскими гражданами и их семьями. В первых двух выехали лица, не подвергшиеся арестам. Причем первый эшелон формировался в принудительном порядке (1379 чел.). Однако после его отправки переселение было приостановлено на основе распоряжения наркома № 1237 от 5 июня 1938 г. Объяснялось это тем, что поверенный в делах Китая добился от руководства СССР разрешения оставить в ДВК тех китайцев, которые не желают возвращаться на родину³⁹. Вследствие этого 10 июня 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло следующее постановление: "1. Выселение китайцев из пределов ДВК прекратить, допуская лишь переселение в Синьцзян тех китайцев, которые изъявят на то свое добровольное желание. Переселение китайцев в Казахстан совершенно прекратить. 2. Китайцам, добровольно пожелавшим выехать в Синьцзян, оказывать полное содействие (помощь в реализации имущества, быстрейшее оформление документов, содействие в доставке к станции железной дороги, в исключительных случаях материальной денежной помощи и т.п.). 3. Китайцев, желающих выехать в Синьцзян, отправлять за собственный счет. 4. Китайцев — китайских подданных и советских граждан, проживающих на территории запретных пограничных зон и укрепленных районов, в том случае, если они не изъявят желание выехать в Синьцзян, расселить за пределами этих зон и районов на территории края. ... 6. Арестованных китайцев, исключая осужденных и обвиняемых в шпионаже, активной диверсии, терроре, из-под стражи освободить и выселить в Синьцзян вместе с их семьями и имуществом. В дальнейшем массовые аресты китайцев прекратить. Аресты китайцев производить при наличии достаточных данных, изобличающих их в контрреволюционных или уголовных преступлениях. Дела арестованных китайцев направлять на рассмотрение соответствующих судебных органов"⁴⁰.

Данные указания с некоторыми добавлениями были повторены в директиве зам. наркома иностранных дел Б.С. Стомонакова от 11 июня 1938 г., отправленной по адресу краевого и областных управлений НКВД в Хабаровск, Владивосток и Благовещенск, в шифротелеграмме и директиве № 1299 Ежова Люшкову (ориентировочно, от 11—13 июня). Нарком НКВД также распорядился, чтобы на Сахалине и Камчатке какая бы то ни было подготовительная работа по переселению китайцев была прекращена, но пожелавшим выехать в Синьцзян на добровольных началах было оказано полное содействие⁴¹.

Эти директивы изменили характер депортации, продолженной 14 июня. Второй эшелон из Владивостока формировался на добровольных началах (1637 чел.). Следующая партия набиралась из лиц, побывавших в тюрьме. После пересмотра части следственных дел, возвращенных во Владивосток из Хабаровска, из-под стражи было освобождено 2853 чел. Однако после отправки второго эшелона переселение по указанию УНКВД по ДВК вновь приостановили и стали переносить с одной даты на другую по организационным причинам: из-за перегрузки ст. Аягуз,

эпидемического карантина на ст. Хабаровск, задержки поступления средств на питание бывших арестованных. Китайцы, подвезенные к месту погрузки, находились у линии железной дороги с 28 июня по 16 июля 1938 г. Только после этого они вместе с членами семей были отправлены в Синьцзян следующими двумя эшелонами (1613 и 1560 чел.). Те, кто не пожелал вернуться на родину, а также принявшие советское гражданство вместо намеченного ранее Казахстана были выселены пятым эшелонам в Кур-Урмийский район Хабаровского края (941 чел.).

Следует подчеркнуть, что территория, соответствующая современным границам Приморского края, в период депортации состояла из двух областей — Приморской и Уссурийской, которые лишь в конце 1938 г. были объединены в Приморский край. Все вышеприведенные количественные данные об арестных операциях и депортации относятся к Приморской области. По Уссурийской области столь же полной информации мы не имеем, но все же некоторые материалы сохранились. Согласно им в Синьцзян было депортировано не менее 1665 китайских граждан (из них главы семей — 204, члены семей — 484, одинокие — 908, ехали без семей — 69 чел.)⁴², а также не менее 194 русских женщин, очевидно, жен китайцев⁴³. В Амурскую область было переселено не менее 528 китайцев, находившихся в советском гражданстве (из них 235 глав и 293 члена семей), и не менее 80 — в китайском⁴⁴. Всего из Уссурийской области вывезены как минимум 2273 чел.

В Сахалинской области вопрос “О переселении китайских подданных из ДВК” был заслушан 3 июня 1938 г. на заседании бюро обкома ВКП(б), утвержден план переселения⁴⁵. Но в связи с директивами Ежова от 11—13 июня эта работа, очевидно, была свернута. А вот из г. Хабаровска выселение состоялось, о чем свидетельствуют списки переселенных китайцев и опечатанных квартир. Имеются также сведения, что 28 июня из города было отправлено 72 чел. (38 семей) в Кур-Урмийский район, 29 июня — 76 чел. (23 семьи) в Амурскую область, 2 июля — 209 чел. (место назначения не указано), всего — 357 чел.⁴⁶ Согласно директивам центра, “чистке” должны были подвергнуться и районы погранполосы в Амурской области, но этих данных у нас нет.

Заметим, что общее число лиц, вывезенных в Китай из Приморья, практически совпадает с тем, что было обнародовано Люшковым относительно всего Дальнего Востока. Исходя из этого, а также из наших материалов, можно предположить, что из других областей ДВК депортация в Синьцзян не производилась.

Последствия арестных операций и переселения китайцев нашли отражение в материалах Всесоюзной переписи населения, проведенной 17 января 1939 г. Всего в СССР было учтено 32 тыс. китайцев⁴⁷, из них на Дальнем Востоке — 5,5 тыс. чел. В разрезе краев и областей (в приблизительном пересчете по территориям в современных границах) они распределялись следующим образом: Приморский край — 351 (6,4% от суммарной численности), Амурская область — 3172 (58,0%), Хабаровский край (вместе с ЕАО) — 1652 (30,2%), Сахалинская область — 175 (3,2%), Камчатская область (вместе с КНО) — 118 (2,2%)⁴⁸. Таким образом, после депортации Дальний Восток перестал быть основным районом проживания китайцев в РСФСР, а внутри дальневосточного региона произошло перераспределение китайского населения из Приморья в пользу Амурской области и Хабаровского края.

По всей видимости, перепись не учитывала китайцев, находившихся под стражей, поскольку только во Владивостокской тюрьме на 5 августа 1938 г. оставалось 2990 чел. Вне тюрьмы, по сведениям НКВД, в городе проживало около 100

китайцев, из них 72 студента китайской ленинской школы, переселение которых было запрещено до особых указаний, 15 чел., не успевших выехать с последним эшеломом, и примерно столько же освобожденных из тюрьмы и ожидавших визы.

В ноябре 1938 г. китайское посольство в Москве поставило перед НКВД СССР вопрос о досрочном освобождении из мест заключения граждан Китая, которых, по сведениям посольства, в разных городах СССР начитывалось около 400 чел. По этому поводу 4 ноября Ежов направил Сталину записку. На ее основании 10 ноября 1938 г. Политбюро приняло постановление, разрешавшее выдворение в Синьцзян граждан Китая, которые отбывали сроки заключения за спекуляцию, мелкую контрабанду, валютные операции, содержание опиокурлен и продажу наркотиков, бытовые преступления (если санкция не свыше 5 лет), антисоветскую агитацию. После решения Особого совещания при НКВД СССР они могли вернуться в Китай с упрощенным оформлением выезда⁴⁹.

Участь заключенных облегчалась также в связи с принятием постановления Политбюро "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия" от 17 ноября 1938 г., резко затормозившим разгул Большого Террора. В последующем приказе НКВД СССР за № 00762 от 26 ноября 1938 г. было объявлено: "Считать утратившими силу приказы по национальным операциям"⁵⁰.

Как происходило дальнейшее освобождение из-под стражи или исполнение приговоров, нам не известно. На 20 января 1939 г., по данным нового начальника Приморского краевого УНКВД Гвишиани, в следственной тюрьме Владивостока все еще содержалось 860 китайцев, дела по которым в мае—июне 1938 г. были направлены на утверждение в Хабаровск⁵¹.

Во второй половине 1939 г. в Приморском крае прошла очередная кампания по выселению в административном порядке т.н. "неблагонадежного" населения (независимо от этнической принадлежности), охватившая более 14 тыс. чел.⁵² В ее рамках в сентябре—декабре 1939 г. в Казахстан были отправлены китайцы, освобожденные из тюрьмы (227 чел., из них граждане Китая — 189, граждане СССР — 38), остававшиеся в Приморье смешанные семьи (181 чел.) и русские женщины — жены арестованных китайцев с детьми (1130 чел.).

Таким образом, к настоящему моменту удалось выявить, что всего в 1938—1939 гг. на Дальнем Востоке с мест было поднято не менее 11,2 тыс. китайцев и членов их семей другой национальности, в том числе 10,8 тыс. — в Приморском крае. Из них в Синьцзян депортировано 7,9 тыс., в Казахстан — 1,4 тыс., переселено внутри ДВК в Амурскую область и Кур-Урмийский район Хабаровского края — 1,9 тыс. чел.

"Изъятие" китайцев из Дальневосточного края не было тотальным и не являлось сопутствующим элементом корейской депортации. Оно проходило как самостоятельная кампания, состоявшая из нескольких этапов. Депортации китайцев предшествовал 10-летний период их постепенного вытеснения с советского Дальнего Востока. В годы Большого Террора они стали одним из объектов массовых арестов по национальному признаку. И только после этого, при вмешательстве китайского правительства, была проведена их частичная депортация в Синьцзян и переселение из приграничных во внутренние районы ДВК и Казахстан. Основной "чистке" подверглись территории вдоль границы с Маньчжурией, главным образом Приморский край.

1. Документы частично опубликованы — см.: Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД: Архив Сталина. Докум. высш. органов парт. и гос. власти, янв. 1922 — дек. 1936./Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотников. М.: МФД, 2003.; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина: Докум. высш. органов парт. и гос. власти, 1937—1938./Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2004.
2. Сталинские депортации, 1928 — 1953/Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД, Материк, 2005. С. 101—104.
3. Люшков Г.С. Я критикую социализм // *Gehkan Roshia*. Tokio, 1939. № 5. См.: *Бугай Н.Ф.* Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // *Вопр. истории*. 1994, № 5. С. 144.
4. Полян П.М. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ — Мемориал, 2001. С. 92.
5. *Рыбаковский Л.Л.* Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М., 2001. — <http://www.i-u.ru/biblio/archive/imagatsia>.
6. Подробнее об этом см.: *Чернолуцкая Е.Н.* Депортация китайцев из Приморья (1938 г.) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII—XX вв.: (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. Кн. 2. С. 78—81; *Она же.* Русский с китайцем братья навек? (неизвестные страницы о депортации китайцев из Приморья) // *Комс. правда (дальневосточ. регионал. вкладка)*. 1993. 20 марта; *Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке / А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королева, Г.Б. Дудченко, Л.А. Герасимова.* Владивосток: ДВО РАН, ИИ-АЭ, 2002. С. 79—80.
7. *Песков В.М.* Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000. С. 236; *Merritt St.* The Great Purges in the Soviet Far East, 1937—1938: A Dissertation... for the degree of Doctor Philosophy in History. University of California, Riverside, 2000. P. 449—455; *Головин С.А.* Дальний Восток РСФСР в 20—30-е гг. XX века: (аспекты репрессивной политики). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 295—296.
8. Этномиграционные процессы в Приморье. XX в. С. 36—37.
9. *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: Моск. обществ. науч. фонд; ООО “Изд. центр науч. и учеб. программ”, 2000. — <http://www/auditorium/books/124/glava3-1.pdf>.
10. *Синиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков. Иркутск: Вост.-Сибир. ин-т МВД России, 2003. С. 140—148.
11. Государственный архив Амурской области (далее — ГААО), ф. П-1, оп. 1, л. 19, л. 1—4.
12. Подсчитано авт. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 7. Дальневосточный край. Якутская АССР. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. С. 8—43.
13. ГААО, ф. 114, оп. 2, л. 6, л. 1.
14. Государственный архив Сахалинской области (далее — ГАСО), ф. 3, оп. 2, л. 1, л. 30.
15. Итоги переписи корейского населения Владивостокского округа в 1929 г. Хабаровск; Владивосток: Дальневост. краевое земел. управл., 1932. С. IV; *Приморская область в цифрах.* Владивосток: Дальгиз, 1933. С. 22.
16. *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом “секретно”: Всесоюз. перепись населения 1937 г. М.: Наука, 1996. С. 92.
17. Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. Дальний Восток РСФСР: Основные итоги: Сб. документов/Сост. С. А. Головин. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 79.
18. Государственный архив Хабаровского края (далее — ГАХК), ф. 893, оп. 1, л. 1, л. 218.
19. *Natsuko Oka.* Koreans in the Russian Far East: Collectivization and Deportation: Manuscript of the Paper for Conference “Russian Far East: Past and Present”. Khabarovsk, August 1995. P.16—19.

20. Подробнее об этом см.: *Чернолуцкая Е.Н.* Паспортизация дальневосточного населения (1933—1934) // *Revue des Etudes Slaves*. Paris, 1999, № 71. P.17—33; *Она же.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // *Вестн. ДВО РАН*. 1995, № 6. С. 71—79.
21. Государственный архив Приморского края (далее — ГАПК), ф. П-1, оп. 1, л. 462, л. 294, 295.
22. Там же, л. 296.
23. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, л. 19, л. 136.
24. Там же, л. 198, 207.
25. ГАПК, ф. П-1, оп. 1, л. 462, л. 297, 298.
26. Там же, л. 43—50.
27. Сталинские депортации, 1928—1953. М., 2005. С. 101.
28. Там же. С. 102.
29. *Буяков А.* Карьера палача: Дело Лиходзеевского // *Тихий океан*. Владивосток, 1992. 3 авг. С. 4—5.
30. Здесь и далее основные подробности событий, происходивших в Приморской области в конце 1937—1938 гг., мы приводим по материалам следственного дела Лиходзеевского и других сотрудников областного УНКВД, где имеются не только показания арестованных, но и официальные информационно-справочные сведения (д. П-4375, П-3032, ПУ-3075).
31. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. М., 2004. С. 468, 469.
32. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, л. 22, л. 121—123.
33. *Войничович М.* Дело № СУ-3246 (жизнь и смерть комбрига Дрекова). Южно-Сахалинск, 1991. С. 18, 51.
34. *Дударец Г., Пашков А.* Корейское дело // *Молодая гвардия*. Южно-Сахалинск, 1992. 11 нояб. С. 2.
35. *Merrit St.* Op. cit. P. 454.
36. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. М., 2004. С. 503.
37. Там же. С. 498.
38. Сталинские депортации, 1928—1953. М., 2005. С. 102—103.
39. Там же. С. 103.
40. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. М., 2004. С. 539—540.
41. Сталинские депортации, 1928—1953. М., 2005. С. 103—104.
42. ГАПК, ф. 163, оп. 1, л. 4.
43. ГАПК, ф. 163, оп. 1, л. 2, л. 3—13.
44. ГАПК, ф. 163, оп. 1, л. 21, л. 1; л. 17, л. 1—21, 24—26.
45. Сахалинский центр документации новейшей истории, ф. П-4, оп. 158, л. 6, л. 142.
46. ГАХК, ф. 384, оп. 5, л. 21, л. 1—4, 21—42.
47. Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. Дальний Восток РСФСР. Благовещенск, 2005. С. 166.
48. Там же. С. 387.
49. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. М., 2004. С. 603.
50. Там же. С. 613.
51. *Буяков А.М.* М.М. Гвишиани во главе органов госбезопасности Приморья в 1938—1950 гг. // *Органы государственной безопасности Приморья: Взгляд в прошлое во имя будущего*. Владивосток, 2003. С. 37.
52. *Чернолуцкая Е.Н.* “Очистка” Приморья от “неблагонадежного” населения в 1939 г. как элемент сталинской репрессивной политики // *Вопр. соц.-демогр. истории Дальнего Востока в XX в.* Владивосток: ДВО РАН, 1999. С. 95—112.

Корея в поисках общенационального единения в условиях деколонизации. 1945—1948 гг.

© 2008

Н. Ким

Разгром Японии и освобождение Кореи силами союзных войск, завершившееся безоговорочной капитуляцией японской армии 15 августа 1945 г., открыло новую эпоху в политической истории Кореи. Долгожданный крах японской колониальной власти был воспринят корейской общественностью как начало нового этапа в истории страны¹ и возможность создания нового независимого общества, так называемого "сэроун сахве", на основе антиимпериалистической, антифеодальной платформы². Таким образом понимаемая общественными силами национальная задача изначально не вполне соответствовала проектам решения корейского вопроса по принципу международной опеки, предложенному на международных конференциях второй мировой войны. Только политическая конъюнктура могла, в принципе, изменить позицию лидеров националистического и левого движений в вопросе о деколонизации и подлинно независимом существовании корейской нации.

До 1948 г. корейские националисты и представители левых организаций наивно полагали, что будущее Кореи может и должно быть определено общими усилиями самих политических партий Кореи, а не международными конференциями и их участниками. Но для реализации этой стратегии существовало множество препятствий, главными из которых было присутствие на территории Кореи иностранных войск.

Освобождение не стало результатом внутренней борьбы корейцев с японским милитаризмом. Оно было достигнуто с помощью внешних сил, которые в свою очередь стали претендовать на административную власть в оккупированной зоне. Корейцы изначально оказались на положении аутсайдеров в вопросе о власти и ее легальном существовании.

Другим не менее важным препятствием было отсутствие политического единства между различными политическими партиями. Националисты и лидеры левых организаций были единодушны в своей ненависти к японцам, но совершенно разобщены в том, что касалось внутренней стратегии и политики страны. Более того, они не могли прийти к согласию относительно того, кто действительно представляет законные интересы корейского народа. К их идеологической разобщенности стоит прибавить партийный фракционизм, отсутствие авторитетного общенационального лидера, политическую незрелость. Следовало бы иметь в виду и то, что большинство политических эмигрантов, активно возвращавших-

ся в Корею в 1945 г., покинули страну 20—30 лет назад и были во многом изолированы от внутренней ситуации в Корее³. Сознательно или нет, за это время они успели усвоить ценности, поведенческие установки страны пребывания, оказавшись частично американизированы, китаизированы или советизированы. В душе они оставались корейцами, но их политическая культура более не являлась типично корейской.

Разделение Кореи по 38 параллели первоначально с военной целью (принятие капитуляции японских войск) наметило политическое разделение страны еще в августе 1945 г. Политические процессы на Севере и Юге (формирование органов управления, партий и пр.) стали протекать независимо друг от друга, несмотря на то, что эта граница воспринималась как формальная и неокончательная. В таких условиях первая задача, которую предстояло решить политическим партиям, было формирование единого правительства и только потом уже определение внутривластного курса.

Сразу после освобождения политические движения на юге Кореи разделились на три потока: первый был представлен правыми организациями, поддерживавшими Временное правительство Кореи; второй — левыми партиями, выступавшими за создание Корейской Народной Республики; третий компрадорский поток объединял тех, кто в период колониальной зависимости сотрудничал с японцами (“чхинъильпха”). В отличие от первых двух третье течение обладало экономической силой, но не имея массовой поддержки корейской общественности, не могло открыто участвовать в политическом процессе⁴.

Сначала наибольшую политическую активность проявили представители левых движений, воодушевленные освободительной миссией СССР. Это объясняется несколькими причинами: 1) их стремлением занять прочную политическую нишу до возвращения лидеров националистов; 2) активным участием левых в формировании рабочих союзов, крестьянских комитетов, занимавшихся задачами текущего управления на местах после ухода японцев; 3) некоторой неопределенностью политического курса американской военной администрации на территории Кореи в первые три месяца после ликвидации колониальной власти.

Левая, социалистически ориентированная идеология, пользовалась широкой поддержкой и популярностью как в среде корейских интеллектуалов, так и простых граждан. За годы национально-освободительной войны заметно усилилось разочарование в Западе. Равнодушие, с которым западные правительства отнеслись к колониальной политике Японии на территории Кореи, заставило многих корейских интеллектуалов обратиться лицом к советской России. “Многим из них марксизм казался подлинно либеральной доктриной. Вероятно, тактика немедленного действия коммунистов, тактика борьбы за освобождение угнетенных народов привлекала их больше, чем далекие идеалы свободы личности. Они склонны были размышлять в понятиях нации, нежели чем отдельного индивида”⁵.

Выборочные общественные опросы, проведенные в 1946—1947 гг. в Сеуле свидетельствуют о том, что социалистические идеи пользовались солидной общественной поддержкой. В 1946 г. американской военной администрацией был проведен опрос общественного мнения, опубликованный позже в газете “Тонъя ильбо”. На вопрос “какой строй вы одобряете?” были даны следующие ответы: капитализм — 14% (1,189), социализм — 70% (6,037), коммунизм — 7% (574), “не знаю” — 8% (653)⁶. Другой опрос был проведен сообществом журналистов “Чосон синмун” 3 июля 1947 г. На улицах Сеула ими было опрошено 2495 человек. Ниже приводим содержание этого опроса.

1) Как вы оцениваете выступления 23 июня?⁷

а) путь к независимости — 26%; б) не ведет к независимости — 71%; в) воздержавшиеся — 3%

2) Есть ли такие партии, социальные организации, которые должны быть исключены из участия в Совместной советско-американской комиссии?

а) Есть такие партии (71%): Корейская Демократическая партия (1272), Партия корейской независимости (922), Южнокорейская рабочая партия (174), Конференция профсоюзов Южной Кореи (91), Народно-демократический фронт (9), Всекорейское объединение профсоюзов (14), Молодежный союз (19); б) Нет таких партий (14%); в) воздержавшиеся (4%)

3) Как следует назвать независимую страну?

а) Республика Корея (24%); б) Корейская Народная Республика (70%); в) другое (1%); г) воздержавшиеся (4%)

4) Какую форму политического правления избрать?

а) как прежде (14%); б) Народные комитеты (71%); в) другую (10%); г) воздержавшиеся (5%)

5) Характер земельной реформы?

а) платная конфискация земель с последующим распределением за выкуп (17%); б) безвозмездная конфискация земель с бесплатным распределением (68%); в) платная конфискация земель с бесплатным распределением (10%); г) воздержавшиеся (5%)⁸.

Разумеется, такого рода опрос не может претендовать на высокий уровень достоверности. Тем не менее мы обнаруживаем тенденцию, согласно которой большинство опрошенных высказалось в поддержку левой идеологии (около 70%). Вряд ли кто-либо из них глубоко осознавал и понимал, что такое социализм или коммунизм. Ситуация была такова, что после ухода японцев колониальные заводы, земли должны были перейти в народную собственность, а не в руки тех, кто активно сотрудничал с чужеземцами. Этого требовала социальная справедливость. Так называемые “чхинъильпха”, коллаборационисты, были представлены в основном компрадорской буржуазией, чиновниками, военными высшего ранга, полицейскими, менеджерами крупных предприятий, членами различных пропагандистских организаций, работавших в Корею на японское правительство⁹. Естественно, корейские рабочие, крестьянская беднота, мелкие земельные собственники боролись за отстранение от управления страной всех “предателей и изменников”. Чем последовательнее они были в своей ненависти к коллаборационистам, тем больше они стихийно склонялись в сторону левого движения и идеологии.

Левые организации сразу после освобождения стремились консолидироваться вокруг Ё Ун Хёна (лидер радикального крыла националистов) и организованного им Комитета по подготовке к национальной независимости (15 августа 1945 г.). Ё Ун Хён пригласил к взаимодействию Сон Чжин У, лидера правых сил, но тот уклонился от участия под предлогом, что следует дожидаться возвращения Временного правительства во главе с Ким Гу. Отказ Сон Чжин У от сотрудничества затруднил попытки Ё Ун Хёна привлечь к участию в комитете других видных представителей правых националистов, таких как Ким Чжан Ён, Чан Док Су. Они объяснили свой отказ нежеланием пойти против решения Сон Чжин У. Исключение составил только Ан Чже Хон (представитель умеренного крыла националистов), сог-

ласившись участвовать в работе Комитета и заняв в нем пост вице-председателя. Но и он вскоре покидает Кабинет, будучи не согласен с принятым руководящим составом решением о провозглашении Народной Республики и создании еще одного правительства при уже существующем Временном правительстве¹⁰.

В действительности общая позиция правых в вопросе сотрудничества с Ё Ун Хёном сводилась к необходимости дожидаться возвращения Временного правительства, единственного, по их мнению, представляющего законные интересы корейцев. Другой не менее важной причиной стали обвинения Ё Ун Хёна в сотрудничестве с японским генерал-губернаторством¹¹. Сон Чжин У стремился дискредитировать не только его личный авторитет, но и политический престиж сформированного им Комитета по подготовке к национальной независимости.

Однако Ё Ун Хён в августе 1945 г. оказался единственным корейским политиком, приложившим огромные усилия для сохранения порядка на освобожденной после ухода японцев территории и консолидации всех политических сил. В силу этого обвинения Сон Чжин У стоит расценивать как провокацию¹².

Организуя Комитет и позже выступая за создание переходного правительства, Ё Ун Хён исходил из чрезвычайности ситуации, в которой оказалась страна. Ситуация (“писан сатхе”) требовала немедленных действий не только для поддержания хрупкого общественного порядка, но и сохранения существующего пока единства корейской нации. Временное разделение страны на две зоны оккупации, как предполагал Ё Ун Хён, могло в случае каких-либо разногласий между США и СССР оформиться в окончательное. Чтобы этого избежать, говорил он, необходимо создать новое правительство на “народной основе” (“инминэге тходэ”), поскольку действующее в эмиграции Временное правительство давно уже не отвечает этому требованию. Ё Ун Хён считал, что Временное правительство, находящееся в течение нескольких десятилетий за границей, отражает интересы ограниченного круга людей. За это время в Корее возникли новые революционные силы, пользующиеся огромным влиянием в народе, которые нельзя просто так проигнорировать при создании нового независимого государства, и потому было бы ошибкой поддерживать только Временное правительство¹³.

Организованный Ё Ун Хёном Комитет очень быстро превратился в крупную организацию с многочисленными местными подразделениями. Отделения центрального Комитета возникали от Чечжудо на юге до провинции Хамгён-пукто на севере. В каждом крупном городе, районе были свои Комитеты по подготовке к национальной независимости, занимавшие центральное положение в “системе” местных органов управления. Спонтанно возникавшие в районах народные комитеты, отряды обеспечения безопасности (“чхиандэ”, “поандэ”) добровольно подчинялись подразделениям Центрального Комитета. К 31 августа 1945 г. по всей стране насчитывалось до 145 отделений главного Комитета¹⁴.

6 сентября 1945 г. Комитет по подготовке к национальной независимости собрал конференцию из 600 народных представителей, избравших 55 человек в Комитет по подготовке проекта новой конституции. На конференции было провозглашено создание Корейской Народной Республики и сформировано правительство. Пост председателя был предложен Ли Сын Ману, вице-председателя — Ё Ун Хёну, министра иностранных дел — Ким Гу, министра финансов — Чо Ман Сику, министра образования — Ким Сон Су. Никто из членов провозглашенного правительства, за исключением Ё Ун Хёна, никогда не занимался государственной деятельностью, более того, вопрос об их включении не был согласован с ними заранее.

14 сентября 1945 г. была опубликована программа Народной Республики, носившая довольно радикальный и демократический характер. Она предусматривала:

- 1) создание политически и экономически суверенного корейского государства;
- 2) искреннюю верность демократии, способной устранить пережитки японского империализма и феодализма, и удовлетворить политические, социально-экономические нужды народа;
- 3) улучшение жизненного уровня рабочих, крестьян и других социальных групп¹⁵.

Провозглашение Народной Республики шокировало лидеров правого движения, спровоцировав жесткую дискуссию по вопросу о легитимности ее существования. Оппозиция вынудила их пойти на создание единой правой партии, способной противостоять усиливающемуся левому движению. Так, 16 сентября путем слияния нескольких партий была создана Корейская Демократическая партия или КДП (“Хангук минчжу дан”). Но еще ранее, 7 сентября, члены-учредители приняли декларацию, где заявляли о своей оппозиции Народной Республике. Лидерами КДП были объявлены Ли Сын Ман, Ким Гу, Мун Чжан Бом, Со Дже Пхиль, Квон Дон Чжин, О Сэ Чжан.

Программа Демократической партии состояла из следующих положений:

- 1) гарантии основных прав человека; 2) установление демократии взаимной выгоды и равенства; 3) гарантии свободы слова, вещания, собрания и вероисповедания; 4) гарантии равных возможностей в получении образования и здравоохранения; 5) курса на развитие тяжелой индустрии; 6) национализация или контроль крупных промышленных предприятий; 7) осуществление “справедливой” земельной реформы; 8) формирование национальных сил самозащиты¹⁶.

КДП группировала вокруг себя в основном консерваторов, либералов правого толка. Ее идейная платформа и политическая программа были выражением консервативных сил и фундаменталистской философии. Под консерватизмом в данном случае понимается не приверженность монархическому прошлому, а умеренный в целом характер социально-экономической программы, предлагаемой корейскими демократами. Переломный характер времени, в котором оказалась послевоенная Корея, требовал радикальных изменений в обществе, совсем не обязательно связанных с применением политического насилия. Но в силу ряда причин, прежде всего преобладания янбанско-буржуазных кругов, представители Демократической партии, не могли принять революционную платформу Народной Республики и левого движения.

По своему социальному составу члены КДП принадлежали к аристократическим и зажиточным слоям общества. Ядром партии была Посонская группа, сформированная на базе университета Посон (ныне университета “Коре”) и вокруг крупного земельного собственника, фабриканта Ким Сон Су, который обеспечивал финансовую помощь новой партии. Один из членов группы Посон, Сон Чжин У, был председателем КДП. Демократическая партия включала также представителей привилегированной корейской интеллигенции, получивших образование в США и Японии, участников движения за независимость как внутри страны, так и за рубежом, умеренных национал-социалистов, бывших земельных собственников, чиновников американской военной администрации (АВА)¹⁷.

Представители КДП, судя по всему, более реалистично оценивали политическую конъюнктуру, складывавшуюся в Корею в 1945—1948 гг., чем многие

романтически настроенные левые. Они четко понимали, кому принадлежит реальная власть на юге и с кем надо решать судьбу страны — с американской военной администрацией. В итоге, их политическое поведение стало определяться в дальнейшем общим курсом АВА на юге Кореи, с которой они стали активно сотрудничать (Чо Пёнг Ок и Ю Ок Чжём были назначены директорами отдела полиции и образования при АВА, тогда как Ким Сон Су, Ким Ён Су и др. служили там в качестве советников). Тесный союз КДП с американцами фактически означал невозможность какого-либо длительного политического примирения между КДП, партией-лидером в среде правого движения, и теми левыми организациями, которые высказывались за создание единого корейского правительства.

Усиление политических позиций Демократической партии, благодаря тесным связям с АВА, совпало с ослаблением позиций Корейской Народной Республики. Ее не признали не только правые организации во главе с КДП, но и вернувшиеся на родину члены Временного правительства. 27 ноября 1945 г. Хо Хон из Народной Республики встретился с членами Временного правительства, предложив политическое сотрудничество и союз. Но Ким Гу и Ким Гю Сик отказались от взаимодействия, т.к. были недовольны провозглашением Народной Республики до их возвращения в страну. Неудачная попытка Хо Хона объединиться с Временным правительством нанесла тяжелый удар по политическому престижу Народной Республики. Впрочем, ей оставалось существовать совсем недолго. 12 декабря 1945 г. АВА объявила деятельность КНР вне закона.

С этого момента американцы начали последовательное наступление на позиции левых на юге Кореи. Позже они объявили вне закона и деятельность Коммунистической партии Кореи в связи с провокационным инцидентом Чжонпанса, 15 мая 1946 г.¹⁸ Американская военная администрация отчетливо понимала, что без подрыва влияния левых организаций ей не удастся подавить массовое народное движение на юге, руководимое многочисленными крестьянскими и рабочими комитетами. Однако в отличие от политических партий, народные комитеты невозможно было просто запретить или ликвидировать административным путем. Они пользовались огромным влиянием на местах, что признавала сама АВА. Так, к примеру, результаты обширной инспекции сельской местности на юге Кореи, проведенной сотрудниками АВА в декабре 1945 г., показали, что не существовало такого органа на местах, который мог бы реально соперничать с народными комитетами как наиболее сильными и активно действующими организациями¹⁹. Прочными позициями обладали народные комитеты, крестьянские союзы, созданные в южных провинциях: Чолла-намдо, Чолла-пукдо, Кёнсан-намдо. Только в Чолла-намдо из общего количества занятых в земледелии семей (412 774) 369 414 человек числились членами Всекорейского крестьянского союза, возглавившего движение крестьянских комитетов²⁰.

16 октября 1945 г. в Сеул из 33-х летней эмиграции вернулся Ли Сын Ман. Он демонстративно отказался от всех руководящих постов, предложенных ему политическим партиями и социальными организациями. Но две недели спустя, 25 октября он создает Комитет по ускоренной реализации независимости Кореи (“тоннип чхоксон чжунан хёбыйхве”), который с самого начала становится в открытую оппозицию Народной Республике, а также Коммунистической партии Кореи²¹.

В отличие от Ли Сын Мана, вернувшиеся на родину из Китая 23 ноября 1945 г. члены Временного правительства Кореи Ким Гу и Ким Гю Сик выступали за сотрудничество с коммунистами. Известно, что еще до возвращения на родину Временное правительство не было признано АВА в качестве законного. Но

несмотря на это, его члены сразу же по возвращении в Сеул активно включились в политическую борьбу. Теперь будущее корейской политической сцены складывалось из отношений четырех ведущих сил: Временного правительства, продолжавшего формально действовать, КДП, комитета Ли Сын Мана и левого движения во главе с Коммунистической партией Кореи.

Решения Московского совещания, состоявшегося в декабре 1945 г. вызвали кратковременное объединение всех корейских политических сил на юге, которые единогласно выступили против установления режима иностранной опеки. 27 декабря при Временном правительстве срочно создается комитет по борьбе с опекой, а 31 декабря в Сеуле и других крупных городах Кореи вспыхнули массовые демонстрации против решений Московского совещания. Поначалу выступив единым фронтом, коммунисты 2 января 1946 г. неожиданно в корне изменяют свою позицию, провозгласив линию на поддержку решения об опеке. Возможно, Пак Хон Ён предпринял такой шаг по инструкции, полученной извне. Вслед за этим Коммунистическая партия на юге стала быстро утрачивать свою независимость в принятии каких-либо важных самостоятельных политических решений. После открытия в октябре 1945 г. ее отделения в Пхеньяне коммунисты в северной части Кореи не без помощи советской военной администрации стали быстро завоевывать властные позиции. Уже к началу 1946 г. коммунистическое движение на юге стало во многом зависеть от коммунистического движения на Севере²².

Таким образом, произошел глубокий раскол между левыми, поддерживавшими режим опеки, и правыми, выступавшими против него. Однако вскоре и правые разделились на две противоположные группы по вопросу об опеке.

20 марта 1946 г. открылось первое заседание Совместной советско-американской комиссии. Согласно одному из решений, принятых на Московском совещании, в комиссии должны были участвовать представители различных корейских партий с тем, чтобы в дальнейшем сформировать Временное корейское демократическое правительство. Но участие в комиссии означало бы согласие с итоговой декларацией Московского совещания, следовательно, с необходимостью установления режима опеки. Левые организации, включая Коммунистическую партию, подписали декларацию. Но многие правые партии отказались это сделать.

В такой ситуации ряд политических лидеров сделали заявления, которые призваны были содействовать разрешению кризиса. 18 апреля Ким Гю Сик объявил, что все политические партии должны сотрудничать с Совместной комиссией независимо от их позиции по вопросу об опеке. Четыре дня спустя Ли Сын Ман настоял на том, чтобы все заинтересованные деятели приняли участие в работе Совместной комиссии. А 27 апреля генерал-лейтенант Джон Р. Ходж, настойчиво требовавший участия правых в комиссии, заявил, что подписание декларации не рассматривается как поддержка или оппозиция режиму опеки. Ободренные этими доводами, КДП, Партия корейской независимости и 20 других правых партий и общественных организаций представили подписанную ими декларацию совместной комиссии²³.

Однако партии, согласившиеся участвовать в деятельности Совместной комиссии, не смогли договориться о том, чьи представители должны войти в состав будущего временного правительства Кореи. В результате политические лидеры условно разбились на три линии: линия Ли Сын Мана сводилась к формированию отдельного правительства на юге; Ким Гу считал необходимым сформировать единое общекорейское правительство, решительно противостоящее режиму опеки; Ким

Гю Сик и Ё Ун Хён высказывались за очередной созыв заседания Совместной комиссии для создания коалиции различных политических сил.

Оценив политические проблемы, с которыми столкнулась в своей работе Совместная комиссия, Ли Сын Ман взял курс на создание сепаратного правительства на юге Кореи. 3 июня 1946 г. в селе Чжоньп провинции Чолла-пукдо он произнес свою историческую речь, в которой впервые открыто озвучил идею создания самостоятельного правительства на юге. Будущий диктатор явно спешил взять власть в свои руки в условиях нарастающего давления со стороны левых, выступающих за формирование общенационального правительства, а также раскола в среде правого движения.

В принципе, Ли Сын Ман не был тем политиком, который мог добиться объединения политических сил. Еще в годы антияпонской национально-освободительной борьбы он зарекомендовал себя как упрямый ортодокс, неспособный к политическому компромиссу²⁴. Но линия Ли Сын Мана органично совпадала с политическими намерениями АВА. Американская позиция по корейскому вопросу выработывалась постепенно. Еще в годы Второй Мировой войны в Вашингтоне высказывались идеи об опеке, хотя ничего не говорилось о разделении Кореи и формировании двух независимых правительств. Даже само решение об установлении 38 параллели в качестве временной разделительной линии было принято только в августе 1945 г. Однако в условиях назревающей “холодной войны” американское правительство пришло к идее создания сепаратного государства на юге Кореи.

Американцы всеми силами пытались придать своей власти на юге более легитимный характер. С этой целью они активно привлекали к управлению и консультациям лидеров правых партий. В феврале 1946 г. при АВА был создан Демократический совет (“минчжужуй вон”) во главе с Ли Сын Маном. Совет, по преимуществу состоявший из консервативных представителей правых партий, подвергся резкой критике со стороны умеренных и левых. Поэтому генерал Ходж после консультаций с Коалиционным комитетом, сформированным при посредничестве Ким Гю Сика и Ё Ун Хёна еще в мае 1946 г. и представлявшим политический центр (союз правых и левых партий), объявляет о создании Временной законодательной палаты (“квадо иппопый вон”) (ВЗП) в качестве законосовещательного органа при АВА. Председателем ВЗП был назначен Ким Гю Сик. ВЗП, по сути, стала предтечей будущего сепаратного правительства на юге Кореи.

Но и на этот раз легальность выборов в ВЗП была оспорена со стороны Коалиционного комитета и КДП. Ким Гю Сик потребовал вновь провести выборы, по крайней мере, в определенных районах. Он обвинил АВА, во-первых, в том, что при выборах в Сеуле не были дисквалифицированы депутаты, известные как “предатели” и “коллорационисты”, а во-вторых, в исключении всех левых группы из участия в выборах.

В итоге КДП вообще решила бойкотировать открытие ВЗП, не признав законности и правомерности выборов, поскольку выборы ее депутатов (Ким Сон Су, Чжан Ток Су, Ким То Ён) в Сеуле были объявлены не имеющими силы. Хотя они и были переизбраны позже, престиж партии сильно пострадал. С целью восстановления своего престижа партия принимает решение поддержать линию Ли Сын Мана на создание независимого правительства на юге Кореи. В данном случае расчет КДП состоял в следующем: 1) тесные отношения Ли Сын Мана с АВА должны приобщить партию к административной власти на юге; 2) союз с Коалиционным комитетом, а следовательно, и Временным правительством Ким Гу и Ким Гю Сика невозможен (КДП не разделяла платформу Ким Гю Сика в реше-

нии земельного вопроса и не одобряла идеи наказания коллаборационистов, создания общенационального правительства на основе переговоров Севера-Юга)²⁵.

Второе заседание Совместной советско-американской комиссии открылось в мае 1947 г. Корейские партии, а также советская и американская военные администрации, вновь не смогли договориться по вопросу о представительстве в общем корейском правительстве. В такой ситуации советская делегация вносит предложение об одновременном выводе из Кореи войск США и СССР и предоставлении корейцам права самим решать свои проблемы. Американская сторона отвечает отказом и в качестве контрмеры решает передать корейский вопрос на рассмотрение в ООН. В ноябре 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию о создании Временной Комиссии ООН по Кореи, которой было поручено контролировать проведение выборов в обеих зонах Кореи и создание общекорейского правительства. Советская делегация была против данной резолюции, в связи с чем советскому командованию на Севере Кореи была дана директива не допускать комиссию ООН в зону своей оккупации.

В реальности решение ООН вело к разделению Кореи. Если часть правых во главе с комитетом Ли Сын Мана и КДП готовы были с ним согласиться, то левые и политический центр, представленный в то время Коалиционным комитетом, Временным правительством, еще надеялись на сохранение целостности страны. 16 февраля 1948 г. Ким Гу и Ким Гю Сик направили письма Ким Ир Сену и Ким Ду Бо-ну с предложением назначить встречу политических лидеров Севера и Юга. На этой встрече предполагалось обсудить возможность создания единого правительства и связанную с этим программу строительства нового демократического государства. Интересно, что в этих письмах неоднократно подчеркивается необходимость предоставить возможность корейцам самим решать свои дела ("нашу проблему только мы сами можем решить", "хотя наша ситуация контролируется внешними силами, тем не менее мы сами должны решать наши дела")²⁶.

Северокорейский лидер Ким Ир Сен выразил свое согласие на организацию встречи, состоявшейся в Пхеньяне 23 апреля 1948 г. На ней присутствовали представители левых и умеренных политических партий и общественных организаций как с Севера, так и с Юга (под итоговой декларацией подписались 44 организации). Был принят манифест, который предусматривал: 1) немедленный вывод американских и советских войск с территории Кореи; 2) обязательство представителей всех партий и социальных организаций Севера и Юга Кореи обеспечить полную безопасность граждан и не допустить возникновения беспорядков, гражданской войны после вывода иностранных войск; 3) создание Временного демократического правительства Кореи путем созыва представителей всех политических партий и социальных организаций Кореи; 4) исключить проведение сепаратных выборов на юге Кореи²⁷.

Однако несмотря на массовую оппозицию левых сил, выборы в Национальное собрание состоялись 10 мая 1948 г. Ни одна левая организация не приняла в них участия. Левые либо бойкотировали выборы, либо были отстранены от участия в них. В результате большинство мест получил организованный Ли Сын Маном комитет и КДП. 15 августа 1948 г. было официально провозглашено создание Республики Корея.

В конце июня — начале июля 1948 г. в Пхеньяне вновь прошло совещание политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. Оно не признало законность сепаратных выборов и приняло решение провести на Севере и Юге Корейского полуострова общенациональные выборы в единый законода-

тельный орган — Верховное Народное Собрание (ВНС). Выборы состоялись 25 августа 1948г., но в основном с участием северян. На первой сессии ВНС в Пхеньяне было провозглашено создание Корейской Народно-Демократической Республики.

Проведение сепаратных выборов на юге Кореи, направленных на раскол нации, означало неспособность корейской политической элиты того времени прийти к какому-либо взаимоприемлемому консенсусу. Отсутствие политического взаимопонимания в Корее сыграло не последнюю роль в разделении страны на два самостоятельных государства. В условиях жесткой внутривнутриполитической борьбы и сильного влияния со стороны США Ли Сын Ман и политически близкие к нему правонационалистические группы руководствовались скорее стремлением захвата власти, нежели интересами достижения общенациональной консолидации. Но за разделение несут ответственность не только правые силы и две супердержавы — США и СССР. Даже если предположить, что территория Кореи не была оккупирована советскими и американскими войсками, то политические партии и общественные организации Кореи, хаотично и стихийно образовавшиеся после освобождения по всей стране, вряд ли смогли бы прийти к политическому компромиссу и консенсусу. Еще до 1945 г. различные политические силы Кореи, участвовавшие в национально-освободительной борьбе, были сильно разобщены идеологически и территориально. Они не могли договориться до 1945 г., не смогли и после освобождения. Разделение Кореи по 38 параллели лишь усилило существующую разобщенность.

Именно на юге Кореи, куда главным образом возвращались из эмиграции националисты, лидеры правого движения, разыгралась наиболее жесткая внутривнутриполитическая борьба по вопросам будущего политического устройства Кореи. Но даже перед угрозой национального разделения политические партии юга Кореи оказались не в состоянии выступить единым фронтом. В итоге, последовали трагические события межкорейской конфронтации и братоубийственной войны.

1. Некоторые аспекты данной проблемы частично освещались в работах отечественных ученых: *Шабшина Ф.И.* Южная Корея, 1945—1946. М.: Наука, 1974; Советский Союз и корейский вопрос: Документы. М.: МИД СССР, 1948; *Мандрыгин А.В.* Политическая ситуация на юге Кореи после освобождения // Актуальные проблемы корееведения. СПб., 2000; История Кореи: Новое прочтение / Под ред. член-корр. РАН А.В. Торкунова. М., 2003 и др. Вместе с тем ряд малоизученных материалов, в том числе на корейском языке, позволяют раскрыть новые сюжеты исследуемой темы.
2. *Кан Чжон Гу.* Пунданква чончжен хангук хендеса [Современная история Кореи: разделение и война]. Сеул, 2002. С. 197.
3. *Lee Chong Sik.* The politics of Korean nationalism. Berkeley, 1963. P. 129.
4. *Цой Сан Ён.* Мигунчжонква хангукминчжокчжуй [Американская военная администрация и корейский национализм]. Сеул, 2005. С. 76.
5. *Lee Chong Sik.* Op. cit. P. 154.
6. Тона ильбо. 1946. 13 авг. Цит. по: *Кан Чжон Гу.* Указ. соч. С. 193.
7. Скорей всего, это была демонстрация против режима опеки, прошедшая в Сеуле в июне 1947 г. Речь идет о небольшом выступлении, поскольку упоминание о нем не встречается ни в одном тексте по истории данного периода, также нет ссылок на нее в “Хангукса епхе” [Хронология корейской истории] (Сеул, 2003).
8. Чжаре Техаммингукса [Материалы по корейской истории] Сеул, 1973. Т. 5. С. 21—22.
9. *Цой Сан Ён.* Указ. соч. С. 77.
10. 10 сентября 1945 г. Ан Чже Хон опубликовал доклад “Комитет по подготовке к национальной независимости и моя позиция”, где объяснил причину своего ухода из Коми-

- тета. Так же как и Сон Чжин У Ан Чже Хон считал необходимым дождаться возвращения Временного правительства. Но в отличие от последнего его позиция по отношению к Временному правительству была более тонкой. Ан Чже Хон, исходя из защищаемых им идей народной демократии (“синминчжокчжуй — синминчжучжуйрон”), считал необходимым сформировать правительство на более широкой социальной основе, с включением представителей от всех социальных групп и классов. С этой целью нужно было переформировать существующее Временное правительство, а не оставлять его таким как есть, как полагал Сон Чжин У (*Лю Чжю Тэ*. Хэбан чжик ху Конгукчунбивонхвей хвальдонква тхонилькугаый мосэк [Деятельность Комитета по подготовке к национальной независимости и поиски объединения Кореи после освобождения]) // *Journal of Korean Modern and contemporary history*. 2006. Vol. 36, P. 38—39.
11. Там же. P. 43—45.
 12. В современной отечественной и корейской историографии не представлена с полной достоверностью информация относительно связей Е Ун Хена и японского генерал-губернаторства. Известно, что накануне капитуляции, утром 15 августа 1945 г. японский генерал-губернатор Абэ сделал предложение Е Ун Хену о сотрудничестве, которое в тот момент могло быть интерпретировано как неформальная передача власти. Но по каким-то причинам несколько дней спустя японское генерал-губернаторство в Корее меняет свою позицию и становится в жесткую оппозицию уже сформированному Комитету Е Ун Хёна, распространяя при этом искаженную информацию о нелегальном захвате Е Ун Хёном власти в Корее // *Лю Чжю Тэ*. Указ. соч. С. 9—15.
 13. Там же. С. 40.
 14. *Цой Сан Ён*. Указ. соч. С. 86.
 15. Там же. С. 88.
 16. *Pak Chi Young*. Political opposition in Korea 1945—1960. Seoul, 1980. P. 31.
 17. Там же. С. 32.
 18. 15 мая 1946 г. АВА голословно обвинила коммунистов в выпуске фальшивых денег в здании издательства “Чжонпанса”.
 19. Кан Чжон Гу. Указ. соч. С. 196.
 20. *Цой Сан Ён*. Указ. соч. С. 102.
 21. 31 октября 1945г. Ли Сын Ман встретился с Пак Хон Ёном, лидером Коммунистической партии Кореи. Между ними состоялся диалог, интересный с точки зрения понимания политической тактики Ли Сын Мана и коммунистов в период с 1945—1948 гг. Ли Сын Ман потребовал добровольно прекратить деятельность Народной Республики и распустить сформированное ими правительство. В данном случае он руководствовался заявлениями ген.-лейт. Ходжа, не раз декларировавшего незаконность создания НР, а также отсутствием признанием со стороны правительств других стран. Пак Хон Ён выразил полное недоумение: “Не понимаю, на каком основании вы требуете роспуска НР? Не понимаю, на каком основании вы судите, что НР выступает против американской ВА, а также, почему международное сообщество не может согласиться с правительством, созданным самими корейцами? Наконец, непонятно, по какой причине существование НР мешает вам и вашей политической деятельности? (*Ли Хён Чжу*. Чосонконсанданый кволлеккусанква чосонинминконхвагук [Осуществление власти Корейской Коммунистической партии и Корейская Народная Республика]) // *Journal of Korean modern and contemporary history*. 2006. Vol. 36. P. 96.
 22. *Materials on Korean communism*. 1945—1947/Ed. By Lee Chong Sik. P. 4.
 23. *Pak Chi Young*. Указ. соч. С. 41.
 24. Подробнее о деятельности Ли Сын Мана, роли его в национально-освободительном движении см.: *Lee Chong Sik*. The politics of Korean nationalism. С. 75—90.
 25. *Pak Chi Young*. Указ. соч. С. 45—46.
 26. Письма Ким Ир Сену и Ким Ду Бону, 1948.2.16 // Намбукхан тхонильбананый чжонгева сурём [Программы по объединению Южной и Северной Кореи в их развитии и взаимной дополняемости]/Под ред. Сим Чжи Ён. Сеул, 2001. С. 105—106.
 27. Там же. С. 109—110.

Философия

Рассуждение по образцу и политическое предвидение в китайской интеллектуальной традиции

© 2008

А. Крушинский

Политическое прогнозирование для Китая всегда было слишком серьезным делом для того, чтобы довольствоваться здесь просто угадкой — упражнениями в популярной индукции, апелляцией к вульгарному шаманизму или иным, более продвинутым формам пресловутого "мантического сознания". В этом нас лишней раз убеждает принадлежащий Конфуцию классический анализ возможностей такого прогноза. Речь идет о рассуждении Конфуция, которым он ответил на вопрос одного из своих учеников, Цзы Чжана. Ученик спросил о возможности знания того, что за порядки будут в обществе спустя десять поколений: "Династия *Инь* наследовала установления (букв. ритуалы *ли*) [предшествовавшей ей] династии *Ся*, причем как то, что она [из них] утратила, так и то, что [она к ним] добавила — можно узнать. [Сменившая *Инь*] династия *Чжоу*, наследовала установления династии *Инь*, причем как то, что она [из них] утратила, так и то, что [она к ним] добавила — можно узнать. [Поэтому если] какая-либо [династия] продолжит [следование] *чжоуским* [установлениям] (*ци хо сюй Чжоу чжэ*), то в этом случае можно будет узнать [какие при ней будут порядки], хотя бы [ее отделял от нас промежуток времени в] сто поколений"¹.

Неоспоримость утверждения заключительной части данного рассуждения — "[если] какая-либо [династия] продолжит [следование] *чжоуским* [установлениям], то в этом случае можно будет узнать [какие там будут порядки], хотя бы ее [отделял от нас промежуток времени в] сто поколений" — гарантируется условием "следования образцу". При отсутствии (или невыполнении) данного условия разбираемое рассуждение превращается в обычную неполную (и потому недостоверную) индукцию. Поэтому игнорирование ключевого условия и простая апелляция к хронологической последовательности династий может ввести в заблуждение — создать впечатление, что здесь мы имеем дело всего лишь с популярной индукцией от прошлого к будущему, не имеющей характера необходимости. Вроде

следующего весьма проблематичного рассуждения о единобрачии: из того, что прапрадед, прадед, дед и отец этого человека только раз были женаты, следует, что и он унаследует это свойство своих предков по мужской линии. Сравнение конфуциева рассуждения о династиях с этим далеким от достоверности рассуждением было бы действительно уместным, если бы у Конфуция речь шла о простой хронологии — китайских династиях, взятых в их исторической последовательности. Однако предмет его рассмотрения не совпадает со всей последовательностью исторически существовавших китайских династий. Он говорит лишь о тех из них, которые следуют *чжоускому* образцу, выстраиваясь в последовательность династий, воспроизводящих *чжоуские* эталонные установления. Таким образом, речь идет не о продолжении династийного ряда в смысле хронологической преемственности — непосредственной последовательности поколений, а о наследовании культурной традиции в смысле сохранения предзаданной *чжоуским* образцом культурной идентичности.

Вот почему данное рассуждение Конфуция имеет характер неоспоримой достоверности. В самом деле, невозможно сомневаться в аподиктичности следующего вывода: если (1) порядки династии *Чжоу* нам известны, и если мы знаем, что (2) некая династия *X* унаследовала эти порядки, то, стало быть, нам известны порядки этой — в остальном совершенно неведомой нам — династии *X*.

Как видим, сохранение верности *чжоускому* эталону, которое расшифровывается Конфуцием как нормирование социальной действительности посредством приведения ее к согласию, с эталонным значением ключевых слов социально-политического дискурса, дает, среди прочего, возможность предвидения и долгосрочного политического прогнозирования. Таким образом, выправленность имен (*чжэн мин*) по *чжоускому* образцу выступает у Конфуция залогом безошибочности исторического предвидения. Заметим, что пафосом концепции “выправления имен” является трактовка акта именованья, прежде всего как акта конституирования и утверждения социальных ролей: ведь назвать кого-либо “правителем” или “подданным” означает предписать им соответствующую социальную роль (точно так же выстраивается и внутрисемейная иерархия, центрируемая определяющим для патриархата отношением отец-сын).

Здесь следует особо отметить один принципиальнейший момент: в учении о “выправлении имен” имеется в виду вовсе не тривиальное соответствие обозначающего знака обозначаемому им объекту или положению вещей в духе теории отражения, а нечто совершенно противоположное — требование приведения к исполнению и осуществлению того предписания, которое зачастую закодировано самим графическим устройством термина² и направлено на реализацию смысла, подразумеваемого этим термом. Вектор направлен не от сущности, обозначаемой термом, к его значению, а ровно наоборот — от его значения к возникающей благодаря этому значению сущности. Цель таким образом понимаемого “именования” не в пассивной регистрации уже каким-то образом существующего (до и независимо от всякого именованья) бытия, а в создании бытия.

Наиболее отчетливо эта проективно-конструктивная нацеленность акта именованья раскрывается в следующей лаконичной максиме, которой Конфуций ответил на вопрос правителя царства Ци о правильном способе правления: “правитель [должен быть] правителем, а подданный — подданным, отец [должен быть] отцом, а сын — сыном”³. Очень характерным моментом данного императива является его кажущаяся тавтологичность, смахивающая на бессо-

держательность. Однако эта мнимая бессодержательность правила сигнализирует о том, что мы имеем здесь дело с совершенно особым типом правил — не с регулятивным, а с конститутивным.

Напомню это важное различие. Существует следующее фундаментальное различие между двумя видами правил: одни правила (регулятивные) регулируют формы поведения, которые уже существовали до них и независимо от них. Например, правила этикета регулируют межличностные отношения, но эти отношения существуют независимо от правил этикета. Другие же правила (конститутивные) не просто регулируют, но сверх того еще и конституируют или определяют новые формы поведения. Шахматные правила, например, не просто регулируют игру в шахматы, но конституируют эту игру — впервые создают саму возможность такой деятельности, можно сказать, определяют ее. Ведь деятельность, называемая игрой в шахматы, как раз и состоит в осуществлении действий в соответствии с этими правилами, и наоборот — вне шахматной игры эти правила просто не существуют.

Именно идейная и структурная близость конститутивных правил определениям сообщает этим правилам аналитическую форму, характерную для определений. Поскольку же сформулированный Конфуцием императив, намечающий способ конституирования общественных и семейных отношения у китайцев, — это не описание, повествующее о некоей независимой от наблюдателя реальности или, как могло бы показаться, регулятив, упорядочивающий уже существующую общественную практику, а предписание, инструкция, до реализации которой искомой реальности просто не существует, то в силу этого они подпадают под категорию конститутивных правил со всеми формальными особенностями последних — в том числе аналитичностью, внешне выглядящей как тавтологичность.

Таким образом, предложенная Конфуцием внешне безобидная рекомендация “всего лишь” приведения в соответствие фактического положения дел (фактического поведения или статуса того или иного человека) нормативному наименованию этого положения дел (номинальному статусу данного человека, той или иной предписанной ему социальной роли), на самом деле была равносильна радикальному требованию создания новой — разительно отличной от современной “некоронованному царю”⁴ — социальной реальности.

Оказывается, что конструирование вполне осуществимо и в области социокультурной и социально-политической активности. Вот только в качестве необходимой предпосылки успешности этого предприятия следует ужесточить требования к референции соответствующих социально-политических термов (“имен”), представляющих собой своего рода строительные блоки, которыми оперирует правитель, возводя или, по крайней мере, упорядочивая вверенное ему хозяйство. Действительно, любые серьезные отклонения от предписанной, нормативной референции термина — если бы, например, словом “правитель” вздумали вдруг титуловать самозванца — в самой своей основе подрывают возможность того социального конструирования посредством формирования системы социальных ролей, за которую столь настоятельно ратовал Конфуций.

Яркое описание негативных последствий неправильного употребления имен содержится в следующем замечательном пассаже из “Весен и осеней господина Люя”: “Представим себе, что некий человек, которому понадобился бы буйвол, стал [буйволом] именовать коня, а когда ему понадобился бы конь, стал [конем] именовать буйвола — несомненно, он не получил бы искомого. Если бы при этом он продолжал требовать с угрозами и гневом, то должностные

лица начали бы роптать и огорчаться, и даже среди самих буйволов и коней возникли бы волнение и беспокойство. Чины царств и представляют собой этих должностных лиц, а тьма вещей подобна табуны буйволов и коней. Когда их имена неправильно [употребляются], когда их должностные обязанности четко не распределены, а наказания и штрафы применяются в избытке — нет хаоса большего, чем этот. Если о ком-то говорят как о мудром и понимающем, а на самом деле он исключительно рассеян и забывчив; если о ком-то идет молва как о возвышенном и достойном, а в действительности он подл и низмен; если кого-то восхваляют за целомудрие и чистоту, а между тем добродетель его весьма сомнительна; если кого-то назначают на должность, чтобы он блюл законы ради общего блага, а вместо этого он погрязает в корыстолюбии и злоупотреблениях; если кого-то берут на службу, предполагая за ним мужество и отвагу, а на поверку он оказывается малодушным и трусливым, то все эти пять случаев представляют собой явления того же порядка, что и казус с буйволами, превращающимися (в результате несоответствия между обозначением и обозначаемым — А.К.) в коней, и конями, превращающимися (в результате несоответствия между обозначением и обозначаемым — А.К.) в буйволов. [Это все издержки] неправильного [употребления] имен⁵.

Заметим, что разработка проблематики определений, должным образом вводящих в рассмотрение объекты дискурса, т.е. правильные способы задания как социально-этических, так и прочих предметностей, несомненно, является прерогативой логики. В самом деле, объем общего термина — как соответствующего рода (*лэй*) — в классическом китайском языке стандартно задается с помощью конструкции, которая с точки зрения современной логики идейно близка структуре индуктивного определения.

Простейшим примером индуктивного определения, как известно, служит определение натурального числа n по Д. Гильберту, где базисом является единица 1, а индуктивным шагом — итерация (т.е. последовательное добавление) единицы: $1 + 1, 2 + 1, 3 + 1, \dots, n + 1$.

Аналогичным образом при задании объема общего термина базисом выступает единичный предмет, обозначаемый данным термом. Точнее, минимальная экзemplификация той предметности, которая подразумевается посредством этого термина. Порождающим правилом является итерация минимальной экзemplификации предметности, подразумеваемой данным термом. Например, объем термина “лошадь” (*ма*) задается по индукции, базисом которой служит “единичная лошадь” (*и ма*), а шагом — последовательное добавление единичных экземпляров этого животного. Возможность такого индуктивного определения основывается на отсутствии категории числа в китайском языке (грамматического показателя множественного числа), вследствие чего одна и та же пиктограмма может указывать и на единичную вещь, и на любое число экземпляров этой вещи (“одна лошадь — лошадь, две лошади — лошадь” и т. д.).

Описанная выше семантическая концепция достаточно эксплицитно представлена в работах Сюнь-цзы (конец IV — III вв. до н. э.) — ведущего (после Конфуция) теоретика, разрабатывавшего проблематику именования в конфуцианской традиции. На возможности подобного одновременного обозначения любого числа экземпляров одной и той же вещи посредством одного и того же термина (“имени” в терминологии Сюнь-цзы) он строит свою теорию обобщающих (букв. “сокращающих”, юэ) имен. Отталкиваясь от минимальной части ро-

да, которая может быть поименована данным именем (например, одна лошадь), благодаря кумулятивности референции (где кумулятивность референции — это своего рода «замкнутость» референтов по сложению: любая сумма объектов референции данного иероглифа снова является объектом его референции) соответствующее наименование переносится на любую часть рода, включающую в себя минимальную часть (например, две или десять тысяч лошадей). Таким образом, «сокращающее имя» «лошадь» сворачивает в себе бесконечное число лошадей.

Когда же — при «неправильном именовании» — нарушается нормативность референции, и термы перестают указывать на то, на что они должны указывать (например, референтом термина «буйвол» ошибочно оказывается конь), происходит подмена базиса индуктивного определения подразумеваемой предметности базисом индуктивного же определения совсем иной, зачастую совершенно нежелательной, предметности. Именно такой семантический казус описывается в приведенной выше намеренно абсурдной истории о коллизии интенции и ее исполнения, вызванной путаницей с референцией термов. Лицо, фигурирующее в этой истории, не получит желаемого, несмотря на свои неоднократные попытки. Почему? Потому что отказывает привычный механизм выражения подразумеваемой им предметности. Мы уже знаем устройство этого механизма (индуктивное определение) и поэтому легко можем найти то место, где происходит сбой. Это базисный пункт индуктивного определения.

В самом деле, изначально неверное исполнение интенции гипотетического персонажа — предоставление ему коня вместо желаемого им буйвола — как раз и означает, что в качестве исходного объекта берется объект, на самом деле не относящийся к подразумеваемой предметности. Все дальнейшие неудачные попытки незадачливого персонажа путем угроз и нажима получить желаемое (т.е. буйвола или буйволов) следует интерпретировать как реализацию индуктивного пункта индуктивного определения: добавление все новых экземпляров исходной предметности — лошадей, т.е. как безуспешные усилия продвинуться дальше в построении искомой им предметности на основе неверно выбранного базиса (начальной ложной идентификации коня как буйвола). Иначе невозможно объяснить упор автора текста, представленного в «Веснах и осенях господина Люя», на процессуальность, растянутость во времени происходящего недоразумения («продолжал требовать»). Как видно из приведенной выше цитаты, там всячески подчеркивается, что проблема вовсе не в случайных эпизодических ошибках, а в систематическом, возрастающем по масштабам повторении «неверного именовании», когда, по словам цитировавшегося выше источника: «хотят белого, а увеличивается черное, настойчиво добиваются чего-либо, но не получают этого»⁶.

Доходчивый образ, изображающий обескураживающую своей нелепостью ситуацию контрпродуктивной работы стандартного механизма формирования предметности, дает популярная китайская притча о путешественнике, имевшем намерение добраться до южного царства Чу, но при этом направлявшемся на север, т.е. в противоположную сторону («[развернув] оглобли на север, направляться в [южное царство] Чу — бэй юань или Чу). Так что, чем успешнее осуществлялось его путешествие, тем больше удалялся он от своей цели.

Соответственно, в нашей ситуации «неверного именовании» (т.е. выбора неверного базиса индуктивного определения) алгоритм, реализующий индуктивное правило, вне зависимости от его эффективности, будет лишь тиражировать ошибку, тем самым увеличивая масштабы начальной ошибки. Хуже то-

го. В упомянутой древней притче отличное качество лошадей, щедрость дорожных расходов и умелость возницы работали против путешественника, лишь удаляя его от Чу; сходным образом эффективность алгоритма, реализующего порождающее правило, будет лишь форсировать построение предметности, отличной (вплоть до противоположности, как в обсуждаемой нами истории с неправильным именовани^{ем}) от искомой.

Вот почему при конструировании социально-политической реальности так важен выбор именно первого шага. Прежде всего, необходимо найти такой, в некотором смысле минимальный предмет, из числа членов монотонно возрастающей последовательности социальных объектов, подлежащих пересозданию, который в силу своей минимальности должен быть выставлен в качестве первого, а потому образцового члена этой последовательности.

Заметим, что неизменным кандидатом на роль модельного образца любых социальных проектов был ближайший для любого реального или потенциального адресата инструкций совершенномудрых, да и для всякого человека, предмет — он сам собственной персоной. Впрочем, не следует забывать, что эти инструкции в первую голову были обращены к “властем предержажим”. Вспомним каноническую монотонно возрастающую последовательность социальных объектов (личность, семья, государство, Поднебесная) из “Великого учения”: “У вещей есть корень и верхушка. У дел есть конец и начало. Если знаешь, что раньше, а что позже, то приближаешься к Пути. В древности желавшие высветлить светлую добродетель в Поднебесной предварительно упорядочивали свое государство, желавшие упорядочить свое государство предварительно выравнивали свою семью, желавшие выровнять свою семью предварительно исправляли себя; ... когда сам исправен, тогда и семья выровнена; когда семья выровнена, тогда и государство упорядочено; когда государство упорядочено, тогда и Поднебесная умиротворена. Для всех и каждого — от Сына Неба и до простолюдина — исправление себя является корнем”⁷.

Как мы уже знаем, кроме обеспечения возможности социальной инженерии правильность имен была необходимой логико-методологической предпосылкой безошибочности прогноза в социополитической сфере. Так, если целью выстраивания приведенной выше последовательности из “Великого учения”, представленной последним ее членом, была “умиротворенность Поднебесной” (*тянься пин*), то в “Дао дэ цзин^е” на почти той же самой (лишь обогащенной одной дополнительной позицией) последовательности ключевых социальных объектов уже демонстрируется эффективность “априорного” познания (“не выходя со двора, зная, что делается в Поднебесной”), основанного на схеме рассуждения, апеллирующей к понятию модельного образца. Таким образом подтверждается эпистемологический смысл условия “следования образцу” (понятно, что в общем случае — совсем не обязательно *чжоускому*). “[Судя по] себе понимать других, [судя по одной] семье понимать [другие] семьи, [судя по одной] деревне понимать [другие] деревни, [судя по одному] государству понимать [другие] государства, [судя по нынешней] Поднебесной понимать поднебесные [других времен]. Откуда я знаю, что Поднебесная такова?! Посредством этого” (“Дао дэ цзин”, § 54)⁸.

Решающим моментом взыскиваемой политической дальновидности является умение загодя предвидеть события, что равносильно способности распознавать направление развития событий сразу, лишь только подобный событийный вектор хоть как-то наметится. Иными словами, речь идет о своевременном

опознании минимального (т.е. начального/образцового) события, открывающего возрастающую последовательность дальнейших событий, в постоянно нарастающем масштабе тиражирующих исходное событие. В “Чжоу И”⁹ — представляющем собой методологическое основание обсуждаемой схемы рассуждений по образцу, тема минимальности в связи с задачей предвидения прописана особенно убедительно. Ицзиновская абстрактно-техническая характеристика соотношения минимальности и максимальности такова: “Шесть [гексаграммных] черт взаимоперемешаны, [появление каждой отдельной черты] детерминируется фактором времени. [Если смысл] исходной [черты] трудно постичь, [то смысл] верхней [черты] легко постичь — ведь [они] суть корень и верхушка”¹⁰. Наиболее известной конкретизацией этого положения является образ инея, наступанье на который служит предупреждением о неизбежном появлении в дальнейшем крепкого льда (афоризм к исходной черте гексаграммы № 2 “Исполнение”).

Смысл данной природной метафоры далеко не исчерпывается отсылкой к банальной житейской мудрости, настаивающей на постепенности вызревания большинства фатальных событий, или ссылкой на феномен дурных предзнаменований (от более или менее нехитрых примет до вполне себе зловещих знамений). Поскольку появление инея — это минимальное обнаружение снежного покрова, то как раз эта его минимальность делает уместным выбор образа инея в качестве метафоры в каком-то смысле минимального дурного поступка или недоброго события (такого, например, как “обмен [гневными] взглядами между мужем и женой” — *фу ци фань му* — заключительный фрагмент афоризма к 3-й черте гексаграммы № 9 “Пасение [посредством] малого”).

Подобное, казалось бы, совершенно ничтожное само по себе начинанье, выходя в роли поведенческого/событийного образца, способно, тем не менее, таким образом организовать дальнейшую последовательность воспроизводящих данный образец поступков (“запрограммировать” восходящую к данному исходному происшествию цепь событий), что логическим (в смысле логики воспроизведения исходного образца) и потому вполне предсказуемым итогом этого рокового почина станет трагический финал: на семейном уровне это может быть отцеубийство, а в масштабах государства — цареубийство.

По словам комментария к данному афоризму (насчет инея и льда), “когда подданный убивает своего господина, а сын убивает своего отца, то причины [подобных событий] не ограничиваются [пределами] одного утра или одного вечера — они складываются постепенно! ... Когда “И [цзин]” говорит: “Наступанье на иней [сигнализирует о последующем] приходе крепкого льда”, то, вероятно, речь идет о “следовании” (*шунь*) [исходному дурному начинанью]”¹¹.

Совершенно не случайно, что в качестве парадигмальной иллюстрации следования дурному образцу выбраны образы, относящиеся именно к гексаграмме № 2. С одной стороны, характеристическим свойством этой гексаграммы как раз является способность послушно следовать образцу (*шунь*). С другой стороны, в период, ассоциированный с данной гексаграммой, особенно велика опасность подмены — выбора негативного (т.е. иньского) образца в качестве примера для подражания (когда *Инь*, вопреки своему исконному предназначению быть послушной *Ян*, самочинно берет на себя роль лидера).

Симптоматично, что трудности, таящиеся в подобном — основанном на центральном логико-методологическом понятии древнего Китая (род-лэй как генеалогическое древо, со своим ближайшим дериватом — “продвижением по ро-

ду”, “прослеживанием рода” *туй лэй*) — типе аргументации, являются предметом постоянной заботы древнекитайских логиков и методологов. О широкой распространенности рассуждений, использующих концепцию рода-*лэй*, свидетельствует критика типичных ошибок, сопутствующих умозаключениям подобного типа. Причиной ошибки может быть, во-первых, неправильное выстраивание последовательности объектов (прослеживание рода), мыслимой в качестве объема обсуждаемого понятия: “Малое количество квадратов, а также маленький квадрат (*сяо фан*) входят в тот же род (*лэй*), что и большое количество квадратов, а также большой квадрат (*да фан*). Малое количество лошадей, а также маленькая лошадь (*сяо фан*) входят в тот же род (*лэй*), что и большое количество лошадей, а также большая лошадь (*да ма*). Но малое количество ума/малый ум (*сяо чжи*) не входит в тот же род (*лэй*), что и большое количество ума/большой ум (*да чжи*)”¹².

Опора на неправильное прослеживание рода (например, в случае понятия “ум”, когда переход от “малого” к “большому” в рамках одного и того же рода оказывается недопустимым), естественно, ведет к неправомерным умозаключениям. Заметим, что взаимопротивопоставление малочисленности (*сяо*) и многочисленности (*да*) отражает возрастающий характер последовательностей объектов (родов-*лэй*), образующих или псевдообразующих (как в случае с понятием “ум”) объемы понятий “квадрат”, “лошадь” и “ум”. Вариантом этого противопоставления по возрастанию является оппозиция “половина (*бань*) vs целое (*цюань*)”. Остроумной иллюстрацией неправомерности умозаключения от половины к целому — в том случае, когда описываемые подобным образом объекты на самом деле вовсе не принадлежат к одному и тому же роду — служит следующая анекдотическая история. Среди жителей царства Лу был некто по имени Гунсунь Чо, заявлявший: “Я могу поднять на ноги мертвого!”. Когда его спросили, как это возможно, он ответил: “Я умею лечить односторонний паралич, поэтому, если я удвою количество лекарства, употребляемого для лечения одностороннего паралича, я смогу оживить мертвого человека (целиком. — А.К.)”¹³.

Другим источником возможных сбоев в ходе рассуждений, опирающихся на понятие рода, оказывается неудачный выбор свойства, утверждаемого относительно всего рода объектов, представляющих объем того или иного понятия. Знаменитая моистская¹⁴ апория демонстрирует случаи подобных сбоев в индуктивных рассуждениях на стандартном для древнекитайского логико-методологического дискурса примере лошади (лошадей). Сначала выбирается такое свойство лошадей (“четвероногость”), которым обладает один и только один экземпляр лошади. “Одна лошадь — лошадь. Две лошади — лошадь (т. е. две лошади так же как один экземпляр лошади входят в род лошадей). Притом, что лошадь четверонога, лишь одна лошадь четверонога. Неверно, что две лошади [вместе] четвероноги”¹⁵. Затем берется такой предикат (“среди лошадей имеется белая”), который имеет смысл применительно лишь, как минимум, к двум экземплярам этого животного: “[Несмотря на то, что] одна лошадь — лошадь”, [сказать, что] “среди лошадей имеется белая”, можно в отношении двух лошадей, но не в отношении одной лошади”¹⁶.

Моистские примеры с лошадьми призваны показать, что, несмотря на то, что предикация некоторого свойства в общем случае признается истинной или допустимой (верно, что “лошадь четверонога”, можно сказать, что “среди лошадей имеется белая”), на поверку же оказывается, что либо не все объекты, принадлежащие лошадиному роду (*лэй*), обладают приписываемым свойством (как

это произошло с парой лошадей и свойством “четвероногости”), либо подобное предцирование вообще оказывается бессмысленным (случай с одной лошадей и экзотическим предикатом “среди лошадей имеется белая”).

Рассмотренный нами способ рассуждений, основанный на “прослеживании” (*туй лэй*) возрастающей последовательности “однородных” (*тун лэй*) объектов, типичен для архаических культур. Не являясь исключительно китайским изобретением, он впоследствии был, по-видимому, полностью вытеснен в ареале античной культуры совершенно иными типами рациональной аргументации¹⁷, достигших кульминации в аристотелевской силлогистике.

Возникновение подобного “генеалогического” способа аргументации мотивировано самой природой традиционного сознания, сердцевина которого — “эстафетное” понимание традиции как непрерывного воспроизведения потомками некоторого исходного канонического примера, возводимого к родоначальнику (“первопредки суть корни рода-лэй” — *сянь цзу чжэ лэй чжи бэнь е*)¹⁸, что только и может обеспечить сохранение исторического преемства. Последующая рефлексия, так сказать, “извлекает” базисную — генеалогическую — схему дологического сознания из его архаичной социальной практики и преобразует ее во вполне осознанный регулярный логический прием, сутью которого оказывается потенциально бесконечная трансмиссия некоторого выделенного свойства образца (последний, конечно же, отождествляется с патриархом — началом генеалогического дерева).

Этот тип умозаключений был назван мной “рассуждениями по образцу”. Образцом (иначе говоря, “оригиналом”, или “моделью”) является минимальный (в том или ином смысле) и потому начальный объект *s*, возглавляющий линейно упорядоченную и (как правило, монотонно) возрастающую последовательность *S* всевозможных своих воспроизведений (“возрастающих” по масштабу “копий”, или “репродукций”). Это объект, который позиционируется в качестве руководства для продолжения, вообще говоря, потенциально бесконечной последовательности *S*. Смысл построения последовательности объектов, тиражирующих в возрастающем масштабе некоторый предзаданный образец, состоит в том, чтобы в требуемом количестве строить объекты с заданными (по построению) свойствами. Ведь последовательность строится так, чтобы каждый ее член, построенный согласно инструкции, так или иначе содержащейся в начальном члене, сохранял некоторое выделенное свойство этого начального — образцового члена. Сохранность свойства, задаваемого модельным образцом, гарантируется для всех его воспроизведений самим построением их последовательности. Такая наследуемость свойств как раз и делает возможными “рассуждения на основании образца”.

Примечательно, что современный генетический тип дедукции, исторически восходящий к описанному выше способу аргументации, представляет собой альтернативу традиционно понимаемому логическому следованию (как выводу из аксиом)¹⁹. Характеристическая черта генетической дедукции состоит в том, что она базируется на правилах построения объектов (когда задаются исходный объект и правило порождения новых объектов из уже построенных). Бросающееся в глаза внешнее отличие подобного рода дедукции от традиционной — это отсутствие такого отличительного свойства последней, как неперенная связь по истинности одних высказываний с другими (обычно посылок с заключением — например, в силлогистике). Вместо этой связи на первый план выступает напоминающая оракульскую способность “не выходя со двора, знать, что делается в Поднебесной”. Иначе говоря, умение высказывать необходимо истинные

(аподиктические) суждения об эмпирически не воспринимаемом (может быть, даже еще и не существующем) объекте — при условии, что мы знаем правило его построения. Рассмотрим, к примеру, последовательность дробей, в которых и числитель, и знаменатель являются степенью двойки: $2/4$, $4/8$, ..., $2^{n-1}/2^n$, Сообразив закон построения данной последовательности, мы будем в состоянии высказывать необходимо истинные суждения о любом — сколь угодно удаленном от начального — члене этой потенциально бесконечной последовательности. Ясно, что в этих “прорицаниях” относительно некоторых свойств дробей указанного вида и в помине нет никакого мистического визионерства.

В пользу глубокой древности и не обязательно китайского происхождения дедуктивной схемы “рассуждений по образцу” говорит наличие его структуры в такой, например, краеугольной для Библии концепции, как ветхозаветное откровение относительно сотворенности человека по образу и подобию Божьему (Быт 1. 26). Как известно, святоотеческая традиция (в лице, в частности, Гр. Нисского) мыслит образ как образец, как идеал, исходно заложенный в каждом из нас “по сотворению”. В свою очередь, подобие понимается как поведенческая реализация указанного образца — следование данному образцу — совершаемое “по произволению”, т.е. как результат собственного свободного выбора и самоопределения. Только один образ Божий составляет врожденное свойство человеческой природы, богоподобие же — нечто отличное от этого. Оно состоит в той или другой степени свободного, личного развития человеком свойств этого божественного образа по пути его приближения к Первообразу. Образец задан (“бремя” божественного образа возложено на человека), а уж следовать ему или нет, трудиться или нет над “возведением образа в подобие” — решение остается за человеком.

Собственно “рассуждением по образцу” — логическим выводом, основанным на постулате сотворенности человека по образу Божьему — является непосредственно следующее за утверждением этого постулата недвусмысленное указание на логическое следствие данного уподобления. Речь идет о вручении царственных полномочий первым людям, в частности, о даровании им владычества над низшими тварями: “и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле” (Быт 1. 26). Божественная логика здесь самоочевидна — люди, сотворенные по образу Вседержителя, наследуют державные свойства образца и потому должны “владычествовать ... над всею землей”²⁰.

Концепция “рассуждений по образцу”, являвшаяся логическим основанием социально-политического предвидения в Китае, позволяет наметить рациональную реконструкцию и некоторых других ключевых моментов библейского дискурса, связанных с темой пророческих благословений/проклятий. Например, тех знаменитых пророческих благословений, которые Иаков, патриарх народа Израильского, преподал своим сыновьям — родоначальникам двенадцати колен израилевых, предрекая судьбы каждого из них вместе с потомством их (Быт 49. 1-28).

Вспомним такую примечательную черту рассуждений на основании образца, как их визионерски-провидческая форма (“не выходя со двора, знать, что делается в Поднебесной”). Разумно предположить, что и в случае рассматриваемого — одного из древнейших пророческих текстов Ветхого Завета речь так же может идти о выводе (предсказании), основанном на переносе характеристических свойств родоначальника, выступающего в качестве образца для своих

потомков, на все поколения этого потомства — в предположении их неизменной верности исходному поведенческому образцу своего прародителя²¹.

В этой связи очень характерна форма всех двенадцати пророчеств патриарха Иакова, предсказывающих не только судьбу каждого из его двенадцати сыновей, но и одновременно предвещающих участь всего их потомства. Тем самым, имеет место очевидное отождествление каждого из двенадцати родов с его родоначальником: “Рувим, первенец мой! ... но ты бушевал, как вода; не будешь преимуществовать” (Быт 49. 3-4). “Симеон и Левий братья, орудия жестокости мечи их; ... проклят гнев их ... и ярость их ... разделю их в Иакове и рассею их в Израиле” (Быт 49. 5-7). “Иуда! Тебя восхвалят братья твои. Рука твоя на хребте врагов твоих; поклонятся тебе сыны отца твоего” (Быт 49. 8). ... “Вениамин хищный волк, утром будет есть ловитву и вечером будет делить добычу” (Быт 49. 27).

Так или иначе, но развернутую логическую теорию “рассуждений по образцу” — часто служившую логико-методологическим основанием социокультурной прогностики — мы находим лишь в китайской традиции (я имею в виду “Чжоу И” и сопутствующие тексты). Именно эксплицитность теоретического осмысления и разнообразие случаев практического применения данной аргументативной схемы мыслителями древнего Китая позволили идентифицировать ее в качестве самостоятельного логического приема, который в том или ином виде обнаруживается и в интеллектуальных традициях других цивилизаций.

1. Лунь юй [Суждения и беседы] // Чжу цзы цзи чэн [Собрание произведений философов]. Пекин, 1988. Т. 1. С. 39-40.
2. В качестве показательного примера рассмотрим структуру графемы Царь (*Ван*). Согласно канонической трактовке данной пиктограммы, Царь является тем единственным из людей, кто соединяет Небо, Землю и Человека (изображаемых тремя горизонтальными чертами). Таким образом, происходит своего рода обобщение трех уровней бытия (горнего — Неба, дольного — Земли, и средоточия горнего и дольного — Человека) посредством сведения их к выделенной — опять-таки центральной — части одного из обобщаемых уровней (человеческого), визуализированной вертикальной чертой, соединяющей три горизонтали. Как видим, само графическое устройство пиктограммы Царь прочитывается традицией как инструкция для создания соответствующей социальной реальности.
3. Там же. С. 271.
4. *Су Ван* «некоронованный Царь», так Конфуция было принято именовать впоследствии.
5. Люйши чуньцю [Весны и осени господина Люя] // Чжу цзы цзи чэн. Т. 6. С. 199. “Люйши чуньцю” — энциклопедический свод, созданный в III в. до н.э. в царстве Цинь по заказу первого министра Люй Бувэя и призванный стать компендиумом по всем социально значимым сферам знания.
6. Там же.
7. Ли цзи [Записи о ритуале] // Шисань цзин чжушу [Тринадцатиканоние с комментариями и толкованиями]. Шанхай, 1935. Т. 2. С. 1673. “Великое учение” [“Да сюэ”] — одно из канонических произведений конфуцианства, приписываемое ученику Конфуция Цзэн-цзы.
8. Канон о Пути и способностях [Дао дэ цзин] // Чжу цзы цзи чэн. Т. 3. С. 33.
9. “Чжоу И” (“Чжоуские Перемены”) — название полного корпуса памятника, больше известного по имени его канонической части как “Книга Перемен”, “Канон Перемен” — “И цзин”.

10. Чжоу И чжэнги [“Чжоу И” в ортодоксальном понимании] // Шисань цзин чжу шу [Тринадцать канонов с комментариями и толкованиями]. Шанхай, 1935. Т. 1. С. 90.
11. Там же. С. 19.
12. Люйши чуньцю // Указ. соч. С. 319.
13. Там же.
14. Моисты — последователи Мо-цзы (V — начало IV в. до н.э.). Их взгляды, в том числе развернутое учение о познании и логическая теория, изложены в памятнике, названном именем основоположника.
15. Мо-цзы сяньгу [“Мо-цзы” в вольном толковании] // Чжу цзы цзи чэн. Т. 4. С. 254.
16. Там же.
17. Достаточно вспомнить, например, по обыкновению ироничное обсуждение проблематики этимологической “правильности имен”, близкой к рассмотренной выше идеологии воспроизведения образца, уже у Платона в “Кратиле”.
18. Сюнь-цзы // Чжу цзы цзи чэн. Т. 2. С. 233.
19. Подробнее см.: Смирнов В.А. Генетический метод построения научной теории // Логико-философские труды В.А. Смирнова / Под ред. В.И. Шалака. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 417-437; Крушинский А.А. Генетический тип дедукции — альтернатива традиционно понимаемой дедукции как выводу из аксиом // Логические исследования. М.: Наука, 2007. Вып. 14. С. 176-186.
20. Св. Иоанн Златоуст специально подчеркивает, что под “образом” здесь подразумевается не что иное, как “образ господства” — *αρχῆς ἐκόντα* : “Сказав: по образу и по подобию, присовокупил: и да обладают рыбами морскими”. — Беседы на книгу Бытия // Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого архиепископа Константинопольского Избранные творения. М.: Посад, 1993. Т. 2. С. 737.
21. Ср. с логикой конфуциева династийного рассуждения, открывающего данную статью.

Культура

Охрана памятников нематериальной культуры в Китае: неделя традиционной драмы в провинции Шаньдун

© 2008

Е. Завидовская

В октябре 2007 г. Институт китайского искусства в Пекине получил приглашение от Бюро культуры провинции Шаньдун принять участие в научном форуме, посвященном жанру местной традиционной драмы *люцинь си* и неделе традиционной драмы, в рамках которой предполагалось посмотреть в г. Цзаочжуан выступления семи театральных коллективов из провинций Шаньдун, Цзянсу, Аньхой, где распространен этот жанр. Руководство пекинского института пригласило автора статьи принять участие в этом мероприятии.

Приезд гостей из Пекина был крайне важен для повышения ранга мероприятия: прибыли бывший глава департамента искусства Министерства культуры, заместитель председателя Ассоциации китайской традиционной драмы г-н Цюй Жуньхай, а также заместитель главы Института исследований китайского искусства г-н Сюэ Жолинь. Участие специалистов из Института исследования китайского искусства (Пекин) было важно в связи с тем, что именно при этом институте Министерством культуры КНР открыт Государственный центр охраны нематериальной культуры [*Гоцзя фэйчжун ичань баоху чжунсинь*]. В число объектов нематериальной культуры входят виды и жанры народного исполнительского творчества, традиции и обычаи, ритуалы и праздники, технологии промыслов, имеющие уникальные особенности и неповторимые черты. В своей работе по охране нематериальной культуры Центр руководствуется теоретическими подходами, заимствованными из практики работы ЮНЕСКО. Важным стимулом для начала работы в Китае стал факт причисления комитетом ЮНЕСКО старинного театрального жанра *куньцюй* к числу памятников мировой нематериальной культуры в 2001 г.

Специалисты из центра облечены полномочиями проводить оценку заявленных видов искусства на предмет зачисления их в список подлежащих

охране. Эта организация работает уже более трех лет. На данный момент в ранг памятников общегосударственного значения вошло 518 номинаций из всех провинций КНР.

Люцинъ си — жанр традиционного музыкального театра, название которого можно перевести как “драма, исполняемая под *цинъ* в форме ивового листа”. Это название возникло относительно недавно. В апреле 1953 г. в рамках общегосударственной работы по реформированию традиционного театра (*сигай*) отдел пропаганды г. Сюйчжоу (пров. Цзянсу) после переговоров с актерами пришел к договоренности об изменении старого названия жанра *лахунъ цян* (букв. “напевы, вынимающие душу”) на новое — *люцинъ си*. Таким образом, вместо традиционного названия, бытовавшего на территории четырех провинций (Шаньдун, Цзянсу, Аньхой и Хэнань), возникло три жанра с новым названием: помимо *люцинъ си* также появились *хуайхай си* (гг. Ляньюнган, Хайчжоу, Хуайян пров. Цзянсу) и *сычжоу си* (г. Сыян, уезды Сусянь, Чусянь пров. Аньхой). История жанра *лахунъ цян* насчитывает более двухсот лет. За этот период он прошел путь развития от вида сказительского искусства, практиковавшегося крестьянами как форма сезонного труда, до зрелого жанра музыкального театра с такими необходимыми составляющими, как регламентированная манера исполнения, нотная запись мелодий и тактов, наличие записанных пьес. На раннем этапе непрофессиональные актеры использовали местные народные напевы для исполнения коротких сценок, содержащих пожелания счастья и процветания хозяевам дома, и таким образом зарабатывали несколько медяков на пропитание. Нередко этим ремеслом занимались и “профессиональные” нищие. С развитием системы амплуа и усложнением сюжета *лахунъ цян* обрел форму т.н. “малого народного жанра драмы”. В 60–70-е гг. XX в. в жанре *люцинъ си* начали ставить большие, многоактные постановки, что дало основание специалистам причислить его к числу зрелых “местных жанров” драмы. Отметим, что существует также понятие “большого драматического жанра”, ярким примером которого является “столичная опера” (*цзинцзюй*), оказавшая значительное влияние на формирование многих местных жанров. Существующая классификация жанров драмы не в полной мере отражает особенности функционирования малых жанров, которые до сих пор могут обретать форму сказительства или игры двух или нескольких актеров в зависимости от требований и характера аудитории. Народное искусство, функционирующее в тесном контакте со зрителем (как правило, деревенским), крайне подвижно и изменчиво в своих формах. Тем не менее, история развития народных исполнительских жанров после 1949 г. указывает на определяющую роль государства в деле их систематизации и приведения в соответствие с определенными стандартами. При этом многие принципы организации театра как искусства сцены были почерпнуты из-за границы, что повлекло коренное изменение формы существования народных жанров драмы.

Первичное знакомство с охраной культуры на местах позволяет сделать вывод о том, что государство проделывает большую работу по регламентации, стандартизации и упорядочению почти всех ее аспектов. Характер соотношения категорий “государственное — народное” (го — минь¹) особенно важен для Китая, государство в Китае — это мощная исполнительная сила, корректирующая народное творчество сообразно генеральным политическим линиям. Народное искусство на данном этапе уже значительно отличается по форме и содержанию от периода до 1949 г., драма *сицюй* в ее нынешнем виде, к сожалению, пребывает

в большем отрыве от культуры и быта народных масс, неотъемлемой частью которой она раньше была. После “Движения 4 мая” 1919 г. народная культура (театр, сказительство, изобразительное искусство и т.д.) стала объектом пристального изучения видных деятелей того периода — Лу Синя, Гу Цзегана, Го Можо, Мао Дуня и других. После 1949 г. она стала предметом “огосударствления”, что во многом было связано с необходимостью поиска каналов делегирования новых идей широким крестьянским массам, приверженным традиционным формам искусства. Тогда было решено наполнить драму новым идеологическим содержанием, демонстрирующим классовую борьбу, мрачное феодальное прошлое, равенство мужчин и женщин при новом строе. Пожалуй, впервые в истории государства удалось взять под контроль ту сферу народной деятельности, которой доселе оно почти не касалось. Эта работа началась в 50—60-е гг. XX в., когда на базе старых трупп были сформированы новые государственные, систематизированы и отобраны по определенным стандартам пьесы, традиционная опера (драма) из чайных и с деревенских “травяных подмостков” (*цао тай*) переместилась в здание театра, возникло более разнообразное музыкальное сопровождение, декорации, освещение, а позже и технологии спецэффектов. Стандарты западного театрального искусства стали играть немаловажную и даже определяющую роль в формировании политически “верного” облика китайского театра.

Из диссертации сотрудницы Института исследования китайского искусства (Пекин) Кун Пэйпэй, озаглавленной “От *лагунь цян* к *люцинь си*”, мы можем почерпнуть подробные сведения о сути проводившейся в 1950-е гг. реформы драмы². Начальная ее стадия была направлена на систематизацию и переписывание традиционных пьес, уже тогда значительная часть традиционного наследия была отсеяна по идеологическим соображениям. Позднее во вновь созданные государственные труппы были направлены “культурработники”, а также чиновники из местных домов культуры с тем, чтобы осуществить кардинальную реформу музыкального сопровождения, состава оркестров, провести нотную запись арий. Эти работники имели определенный уровень музыкальной подготовки и обладали знаниями западной музыкальной теории, в то время как прежде мелодии и арии запоминались музыкантами со слуха, передавались от мастера ученику. Культурработники столкнулись с рядом трудностей при попытках вывести и зафиксировать стандарт звучания музыки и пения, т.к. в жанре *лагунь цян* была принята манера свободной вариации, когда музыка следовала за голосом, и, как следствие, каждый раз одна и та же ария исполнялась по-разному. Более того, принятая в “столичной опере” *цзинцзюй* манера нотной записи “сильных” (*бань*) и “слабых” (*янь*) ритмических ударов, оказалась неприменимой к этому жанру, где ударные также были ведущим инструментом, но ритмический рисунок был гораздо проще: существовало только ускорение и замедление ритма для передачи настроения. Неудачные попытки ввода нотной записи, в конце концов, увенчались успехом в ходе мощной государственной кампании периода “культурной революции” по изучению и копированию т.н. “образцовых пьес” (*яньбань си*). Именно тогда применительно ко всем местным жанрам стала насаждаться заимствованная из *цзинцзюй* система тактов (*баньши*), и звучание мелодий *люцинь си* было фактически адаптировано под стандарт звучания пекинской оперы. Примерно в тот же период начинают активно ставиться т.н. “современные пьесы” (*сяньдай си*), призванные “лучше отразить современную жизнь”, для ко-

торых начали писать новые мелодии, в труппе появляется профессиональный композитор, сочиняющий музыку. Доселе такая должность отсутствовала. В 1950-е гг. проводится реформа манеры пения, традиционно сольное пение теперь дополняется парным и даже хоровым пением. Вследствие кардинальной реформы пение из свободной вариации, сопровождаемой музыкой (которая была на вторых ролях), превращается в воспроизведение фиксированных нотной записью арий. Также реформа значительно обогатила диапазон звучания оркестра. В традиции поющий нередко аккомпанировал сам себе пластинками из расщепленного бамбука и игрой на *цине*, звучание было довольно бедным и однообразным. После реформы оркестр пополнился новыми инструментами: в него вошли *эрху*, *пипа*, цимбалы, флейта, органчик-*шэн*, дудка *сона*, а также были введены западные инструменты: скрипка, контрабас, гобой, труба. Западные инструменты привлекались также в рамках компании за изучение “образцовых пьес”, с окончанием кампании часть этих инструментов перестала использоваться. Итак, мы можем сделать вывод, что реформа, по сути, полностью изменила облик, манеру исполнения и даже природу жанра *лахунь цян*. Невольно возникает вопрос: осталось ли в нем хоть что-то от традиционной формы, или он почти полностью уподобился “столичной опере”? На данном этапе зрителям и специалистам приходится довольствоваться уже только плодами многолетней реформистской деятельности.

Мероприятие в Шаньдуне может выступать хорошей иллюстрацией того, как реализуется политика государства в области культуры применительно к народной драме. Как было указано в официальном протоколе, выданном всем участникам форума в г. Цзаочжуан, “неделя драмы и научный форум призваны исследовать проблему охраны нематериальной культуры, наладить и укрепить связи, способствовать выходу новых постановок. Результатами мероприятия должны стать: выход сборника научных статей по вопросам жанра *люцинь си*, лучшее распространение этого жанра в регионе, укрепление базы существования данного вида искусства, пропаганда важности защиты нематериальной культуры, а также привлечение большего внимания к достижениям г. Цзаочжуан в области охраны культуры”. Театральным труппам была поставлена задача демонстрировать новые постановки либо на исторические темы, “соединяющие в себе художественность и идейность”, либо на сюжеты, отражающие жизнь современного Китая. Итак, мы видим, что задачи сформулированы достаточно четкие. После того, как жанр традиционной драмы *люцинь си* вошел в реестр памятников нематериальной культуры общегосударственного значения, местная власть получила определенные ассигнования из центра. Исследователи традиционной драмы из Пекина и Шаньдуна видят свою задачу в том, чтобы убедить местные власти в важности работы по охране традиционного театра и поддержке местных коллективов, что обеспечит сохранение жанра и его популярность.

Всего в качестве организаторов и координаторов было указано двадцать правительственных организаций разного уровня. Из краткой справки об организаторах этого культурного мероприятия можно понять, что направляющей силой в провинции является местная бюрократия. Получив задачу сверху, огромный аппарат чиновников (за четыре дня нам было представлено не менее 20 человек, занятых только в отделах культуры и пропаганды) начинает развивать бурную деятельность в рамках своих полномочий. Поддержка местной культуры нередко выражается в виде открытия новых туристических зон, зон охраны

культурной или экологической среды и прочих мероприятий, призванных подчеркнуть активность местных властей. Стоит, однако, критически присмотреться к подобной активной деятельности. Сохранение традиционной нематериальной культуры — будь то театр, музыка, нравы и обычаи данной местности, требует понимания и исследования природы и среды обитания этих явлений, чем, как правило, не спешит заниматься местная бюрократия, преследующая несколько другие цели. В конечном итоге данные мероприятия имеют своей целью получение ассигнований из бюджета. В последние годы сумма, выделяемая на охрану памятников нематериальной культуры, внесенных в реестр, составляет около 200 млн юаней в год, и в дальнейшем она будет значительно увеличена. Вопрос в том, помогут ли данные ассигнования сохранить жанр *люцинь си*, поскольку для этого, кроме финансирования, необходимо и поддерживать в неизменном виде культурно-историческую почву, породившую данный феномен. На эти вопросы трудно дать однозначный ответ. Очевидно одно: трудно избежать конфликта между необходимостью интенсивно развивать экономику региона (что неминуемо влечет за собой серьезные социальные изменения и даже потрясения) и традиционными условиями, которые нужны для дальнейшего существования нематериальной культуры.

Приезд специалистов, авторитетных как в научных, так и в бюрократических кругах, придал форуму всекитайский масштаб, что неоднократно подчеркивалось в речах местных начальников. Также в ходе официальных обедов и ужинов, на которых нас сопровождали вице-мэры городов и начальники отделов культуры из народного правительства, нередко заходил разговор о том, какие новые структуры, связанные с драмой *люцинь си*, можно утвердить на местах. Товарищи из Пекина, сведущие в вопросах подачи заявок и процедуре оформления, делились ценной информацией. Так, заходила речь об открытии центра исследования драмы, подчиненного министерству культуры, а также музея традиционной драмы, где были бы собраны научные материалы, исторические документы и ценные записи выступлений старых мастеров. Главный вопрос заключался в том, какие бумаги нужно оформить, и какова процедура получения разрешения от министерства, которое в связи со злоупотреблениями начало с недавних пор строже подходить по отбору заявок. В связи со всем увиденным не покидало ощущение, что многое делается только “для галочки” и отчета перед вышестоящим начальством. Важно отrapпортовать, что проведено такое-то мероприятие или организована новая структура. А каково фактическое содержание этой деятельности? Возникает впечатление, что суть охраны культуры сводится в конечном итоге только к заседаниям, зачитыванию докладов, увеличению количества чиновничьего аппарата и расходов из казны. Подобная проблема существует во всем мире. Но китайская бюрократия с ее многовековой историей имеет свое неповторимое лицо: она строго соблюдает ритуалы и церемонии, придает огромное значение иерархии, ей как никакой другой социальной прослойке в Китае присуще мастерство превознесения собеседника и умаление собственных достоинств, умение оказать услугу с ожиданием услуги в ответ.

Мэр г. Цзаочжуан г-н Чэнь Вэй поделился с гостями из Пекина следующими планами по охране культурного достояния в своем городе. В качестве важного туристического ресурса, который сможет улучшить экономику в целом не очень процветающего региона, был определен древний участок Великого канала, который соединял Ханчжоу и Пекин. Старое русло канала почти нигде не сохра-

нилось, а вот в районе города Тайэрчжуан уцелел небольшой участок, а также очень малая часть старинной застройки. В 1938 г. в этом городе состоялась крупная битва войск Гоминьдана с японцами, после массированных бомбардировок от старинного городка почти ничего не осталось. Всего вдоль Великого канала располагается 18 городов, но везде была проведена застройка исторического центра новыми зданиями, а старые были снесены. Невзирая на то, что аутентичной старины в Тайэрчжуане практически не осталось, принято решение о восстановлении части города, т.е. о постройке туристического квартала на берегу канала. Город Тайэрчжуан станет центром “культуры Великого канала, знаменитой водной артерии, соединявшей север и юг”, именно этим лозунгом он сможет привлекать туристов, а также сохранившейся старой пристанью и единственным старинным торговым судном цинской эпохи. К сожалению, таких псевдодревностей в Китае появляется все больше. В одном из “старинных” зданий будет выделено место для проживания мастерам по вырезке из бумаги, туристы смогут заказать работу у мастера, тут же будет выдаваться сертификат подлинности. Таким образом, и культурное достояние, носителем которого является именно резчик по бумаге, будет поддерживаться, и финансовое положение мастера заметно поправится. Местные власти не жалеют сил и финансов на разработку местного культурного ресурса и превращение его в средство для обогащения региона. Во вновь выстроенном “старинном” квартале планируется также организовать музей драмы *люцинъ си*. Возможно, для туристов уровень подлинности наблюдаемого не столь важен, как сознание того, что они побывали в историческом месте. Вероятно, горько вздыхать при виде “новодела” будут только историки и ценители подлинной старинной архитектуры.

Тем не менее, что-то действительно делается для поддержки культуры. Если бы не увеличение вливаний из центрального бюджета, подобную бурную активность на местах вряд ли можно было бы наблюдать: появились средства, сразу же появляются пути их траты. Еще в первые годы XXI в. средств на культуру выделялось мало, основное внимание уделялось экономическому росту. После того, как драма жанра *люцинъ си* вошла в общегосударственный реестр памятников нематериальной культуры, творческие коллективы смогли получить дополнительные ассигнования для улучшения экипировки, закупки нового звукового и осветительного оборудования, костюмов, инструментов, декораций. До этого труппы городского и уездного уровня, находящиеся на государственном содержании, были поставлены в условия жесткого выживания, когда главным источником доходов становились выступления в деревнях в сезон праздников, скудные государственные дотации далеко не покрывали всех расходов. Как следствие тяжелых материальных условий многие государственные труппы стали распадаться, что привело к гибели и исчезновению многих уникальных жанров драмы³. С улучшением материальной ситуации труппы могут уделять больше внимания репетициям, новым постановкам и повышению уровня мастерства. Уровень почти всех увиденных постановок был довольно высоким, декорации изысканны, а костюмы богато украшены. Тем не менее, автору пока не представилась возможность получить данные о том, какая конкретно часть дотаций из центра поступает непосредственно творческим коллективам.

Нельзя не признать позитивную роль местного чиновничества как организатора разного рода некоммерческих фестивалей, которые дают возможность простому зрителю увидеть выступления коллективов из разных регионов. В этот раз в течение недели на подмостках двух театров выступило семь коллек-

тивов из трех провинций — Шаньдуна, Цзянсу и Аньхой. Важно отметить, что решением правительства стоимость входного билета на эти выступления была символической — один юань. Залы на дневной и вечерний показ были полны, что свидетельствует о по-прежнему большом интересе простого народа к традиционному театру.

Выступления семи трупп оценивало жюри из чиновников и специалистов, призванное определить, насколько постановки соответствуют требованиям сохранения и развития нематериального достояния. Манера исполнения, уровень технического оснащения и подбор пьес для подобных официальных фестивалей и праздников значительно отличается от того, что играют для сельской и городской аудитории в неофициальной обстановке. Три категории зрителей — чиновники, народ и специалисты хотят видеть и видят на сцене разное. Чиновники от культуры приходят в зал, чтобы продемонстрировать результаты своей активной деятельности, показать, что культурный продукт соответствует поставленным задачам на соединение традиции и новации, что благодаря их курированию ставятся новые пьесы, экономические условия существования той или иной труппы удовлетворительны.

Простые зрители приходят в зал за эмоциями. Сюжет китайской драмы всегда крайне драматичен, пение и музыка не могут не вызвать бурю чувств. Проникновенная манера пения, ускорение и замедление отбиваемого на ударных инструментах ритма, построение сюжета по принципу “накал-охлаждение-накал” — все эти важные составляющие традиционного музыкального театра не могут не вызвать всплеска эмоций в сердцах широкой публики. Реакция зрителей показала, что они, как и прежде, более всего ценят мастерское владение голосом, его силу и умение “украсить” исполнение различными трюками — *цзичяо*, приветствуют уместную шутку и умение актера именно пением передать эмоции своего героя.

Содержание пьесы на исторический сюжет “Мо-цзы и Лу Бань”, поставленной труппой городского подчинения из Тэнчжоу (пров. Шаньдун), было призвано пропагандировать генеральную идеологическую линию на построение “гармоничного общества” (*хэсе шэжуй*), драма повествовала об идее древнекитайского философа Мо-цзы о “ненападении” (*фэйгун*). Пьеса на современный сюжет “Птичий рай” в постановке труппы уездного подчинения из г. Суйнин (пров. Цзянсу) провозглашала идею необходимости охраны окружающей среды и защиты братьев наших меньших. Две постановки о современной жизни для завоевания симпатий публики в основном опирались на шутки и юмористический сюжет, драмы на исторический сюжет носили трагический оттенок. Таким образом, современность на сцене выступает как нечто полное курьезов, несерьезное и неспособное быть возвышенно-трагическим. Это связано в первую очередь с ослаблением конфликта между традиционной моралью и чаяниями отдельной личности, который зачастую лежит в основе сюжета традиционной драмы. Отсутствие этого конфликта приводит к тому, что постановка обретает все больше признаков разговорной драмы, строится по принципам западного театра. Сюжеты из жизни старого Китая, напротив, есть соль традиционной драмы. Этот показатель немаловажен, т.к. именно тут и решается проблема приближения театра к современной жизни, написания и постановки новых сценариев на современный сюжет, чего требует от театра государство. Представляется, что подобные постановки с трудом могут конкурировать с традиционными в борьбе за зрительские симпатии.

Специалисты, исследующие театр, обращают внимание прежде всего на качество сценария и музыки, работу режиссера-постановщика, хореографию. При оценке мастерства актеров они, как правило, отталкиваются от его категории (всего их три, лучшие актеры получают звание “актера первой категории” — *цзи яньюань*), т.е. ученые опять же опираются на результаты государственной работы по регламентации достижений культуры. В этот раз первый приз получила переработанная традиционная пьеса в исполнении труппы из г. Хуайхая (пров. Цзянсу) “Пи Сюин”, названная по имени героини, главную роль в которой исполнила актриса “первой категории”, хотя, по общему мнению, высказанному во время личных обсуждений, лучше всего специфика жанра *люцинь си* была проявлена в постановке аньхойской труппы, где многие актеры также имеют высокие градации. Как отметил специалист по драме Шаньдуна г-н Ма Цзяньчжун, при оценке постановок комиссия не избирала в качестве основного критерия уровень соответствия постановки канону жанра *люцинь си*. Мы видим, что творческая индивидуальность и новаторство, проявленные режиссером-постановщиком и композитором, выступали как более важный показатель. Таким образом, драма *сицзюй* оценивается как рафинированный вид сценического искусства, аналогичный западной опере. Важно отметить, что комиссия состояла из старых авторитетных специалистов, которые сами являются активными участниками обширной работы по “огосударствлению” народного театрального искусства.

В однодневном научном форуме по проблемам драмы *люцинь си* приняли участие ученые, драматурги, режиссеры и композиторы, работающие в театре. Был затронут ряд вопросов, вызывающих всеобщую обеспокоенность. В частности, проблема новации и поддержания традиции — эти два направления порой трудно увязать при написании сценария и музыки. Но именно такого сочетания требует власть от театра, а также близости к жизни, злободневности и при этом соблюдения канона и исполнительской манеры данного жанра. Проблема аутентичности, подлинности и исторической ценности стоит остро применительно как к материальным, так и нематериальным объектам культуры. Как отметил специалист из пров. Хэнань Лю Цзинлян, потеряна связь с традицией, при работе над постановкой уже давно используются западные приемы. Народная драма привлекает широкого зрителя не глубокими идеями, а именно своей приземленностью и незамысловатостью, диалектным звучанием, знакомыми мелодиями. Профессионалы, имеющие представление о технологиях, но плохо знающие специфику того или иного жанра, нередко ставят красивые шоу, которые не затрагивают чувств зрителя.

В докладах о сохранении драмы как вида нематериальной культуры звучала озабоченность ослаблением характерных особенностей *люцинь си*, тенденцией к сближению с большими жанрами, в частности “столичной оперой” *цзинцзюй*. Было неоднократно указано, что именно местный колорит, дух, музыка и местные напевы, связь с местным диалектом и нравами данного региона (*дифан вэй*) — это и есть те черты местной драмы, которые должны стать объектом охраны, что и делает ее уникальным явлением. Специалист из шаньдунского научно-исследовательского института искусства Юй Сюэцзянь дал определение колорита жанра *люцинь си*. По его мнению, жанры, не обладающие достаточным своеобразием, более подвержены опасности растворения в больших жанрах, они нередко уподобляются столичной *цзинцзюй*. Так “изюминка” *люцинь си* — это

особая манера женского пения, когда на последней октаве голос поднимается вверх, вибрирует и многократно меняет тембр. Звучание в *люцинъ си* “ясное, живое и откровенное”, манера пения “проста внешне, но изысканна изнутри”⁴. Мелодии для арий (*цюйпай*), произошедшие от местных народных напевов, по своей тональности таковы, что лучше всего подходят для легких, шуточных и незамысловатых бытовых сцен, трагические темы подобная музыка передать в полной мере не может. Будучи связанной с местной разновидностью сказительского искусства — *хуагу* и *чжоу гуцзы*, *люцинъ си* сочетает в себе как пение, так и танец, оба эти аспекта во многих современных постановках недостаточно проявлены. В жанре *люцинъ си* воплотились и особенности исполнения бурлацких песен Великого канала, когда за солистом конец куплета подхватывает хор, а также различные витиеватые способы перехода от пения к монологу, пришедшие из сказительства. По мнению Юй Сюэцзяня, четкое понимание специфики и традиций жанра позволит профессиональным режиссерам и актерам создавать новые постановки, при этом главной их заботой должно стать именно соблюдение и воссоздание стиливых особенной *люцинъ си*.

Местные жанры драмы более остро ощущают на себе социальные и экономические изменения последних лет — ослабление интереса аудитории (в истории многие жанры исчезали или сливались с другими также в силу утраты популярности), неспособность конкурировать с массовыми средствами информации, потеря преемственности, иными словами, разрушение той исконной среды, где бытовал этот жанр. Докладчики говорили о необходимости менять устоявшийся подход к исследованию малых жанров: необходимо заниматься не только сбором и изучением старинных пьес (т.е. филологическим аспектом), но главным образом изучать историю формирования жанра и предпосылки, определившие его самобытное звучание, делать больше записей в исполнении старых мастеров, пока эти мастера еще живы.

Специалисты из Пекина Сюэ Жолинь и Бао Чэнцзе посетовали на то, что в постановках не уделяется должное внимание музыке, сочетанию длины строк стихов арий с ритмом, отбиваемым ударными, а ведь именно за счет этого актер передает эмоции при пении. Опять же недостаточное знание особенностей музыкального сопровождения каждого жанра (а также структурных особенностей построения мелодий *цюйпай*) приводит к появлению обезличенных постановок, когда даже специалисту неясна их жанровая принадлежность. Популярность жанра среди публики достигается только за счет превалирования в нем традиционных компонентов, важно чтобы у жанра было лицо — это одаренные актеры, чьи имена известны всем. По нашему мнению, все эти пробелы остро встали для государственных трупп именно как следствие отрыва от исконной народной среды, в какой театр обитал раньше, что началось именно после реформы театра в 1950-е гг. Если обратить взор в прошлое, то нетрудно заметить, что на протяжении почти целого столетия театр многократно реформировался, изменялся, а также подвергался суровой критике за феодализм, запрещался и даже уничтожался.

Участие в неделе местной драмы в Шаньдуне дало автору возможность наблюдать региональный театр в его т.н. “государственной” официальной ипостаси, призванной продемонстрировать работу и достижения местных властей. Исследователь шаньдунской драмы г-н Ма Цзяньчжун отметил, что драма, исполняемая для деревенской аудитории, не содержит ничего достойного внимания исследователя. Требования к уровню исполнения у сельской аудитории низ-

ки, вкусы их грубы. Это мнение подтверждает сложившееся у автора впечатление о том, что исследователи смотрят на драму как на “чистое искусство сцены”, объект искусствоведческого и театроведческого анализа, нередко отделяя ее от целого ряда культурологических, социальных и психологических аспектов, которые и делают китайский театр явлением отличным от театра русского и западного. Но по мнению автора, вопрос о восприятии и оценке драмы *сицзюй* широким зрителем, о выживании в современном обществе этого сложного и, тем не менее, любимого многими вида искусства, представляется достойным отдельного глубокого исследования. Именно погружение в атмосферу сельских храмовых праздников (*мяохуй*), неотъемлемой частью которых и была когда-то драма, позволит исследователю лучше узнать исконную, естественную форму этого старинного искусства. Иными словами, невзирая на уровень исполнения драмы для деревенской аудитории, необходимо учитывать эту форму ее существования, т.к. не будь подобного спроса на выступления во время храмовых праздников, многие жанры драмы давно бы прекратили свое существование.

1. Перевод категории “минь” как “народ” представляется достаточно условным, возможно не в полной мере подчеркивающим паренталистскую роль государства и положение простых людей как опекаемых и направляемых, в русской культуре понятие “народ” в большей степени ассоциируется с демонстрацией воли и коллективным поведением, зачастую отклоняющимся от намеченной государством линии.
2. *Кун Пэйпэй*. Цун “лахунь цянь” дао “люцинь си”: Дисс. ... доктора наук музыковедения. Пекин, 2007. С. 39—81.
3. В “Сборнике докладов общегосударственного обследования современного состояния жанров драмы и театральных трупп” Лю Вэньфэн применительно к ситуации в провинции Шаньси приводит следующие тревожные цифры: из 49 местных жанров, зарегистрированных в 1983 г., через 20 лет выжили только 28. См.: Цюаньго цзюйчжун цзюйтуань сяньчжуан дяоча баоци / под. ред. Лю Вэньфэн, Се Юйхуй. Пекин, 2005. С. 6.
4. В китайском искусствоведении сильна традиция снабжения явлений постизированными и метафорическими определениями, что подводит нас к проблеме “транслитерации” этих определений в искусствоведческие термины и понятия другой (в данном случае русской) культуры.

Научная жизнь

Следуя зову времени, совместными усилиями формировать новый облик китайско-российских отношений

(Выступление Посла КНР Лю Гучана на церемонии присвоения
ему звания Почетного доктора Института Дальнего Востока РАН
1 февраля 2008 года)

Уважаемый директор ИДВ РАН М.Л. Титаренко!

Уважаемый академик С.Л. Тихвинский!

Уважаемые члены Ученого совета Института Дальнего Востока!

Дамы, господа, друзья!

В настоящий момент я испытываю необычайное волнение. Избрание меня Институтом Дальнего Востока Российской академии наук в члены Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и сотрудничества в Восточной Азии и вручение мне диплома Почетного доктора ИДВ РАН — чрезвычайно высокая честь и огромный стимул. Разрешите выразить мою сердечную благодарность директору ИДВ РАН М.Л. Титаренко, членам Ученого совета Института Дальнего Востока и всем сотрудникам института. Всю свою последующую жизнь буду ценить эту высокую честь, ставшую для меня и моих коллег стимулом дальнейшего улучшения работы в интересах непрерывного развития китайско-российских отношений, удвоения усилий в целях упрочения многовековой дружбы между нашими странами.

Институт Дальнего Востока Российской академии наук — наиболее авторитетное российское научное учреждение в области изучения азиатской тематики и проблем востоковедения. Он пользуется большой известностью в России, Китае и во всем мире. На протяжении долгого времени институт принимает активное участие в содействии развитию китайско-российских отношений добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, проделал в этом направлении огромную и основательную работу, внося свой важный вклад. Пользуясь случаем, хотел бы выразить искреннюю признательность и чувство высокого уважения директору института М.Л. Титаренко и всем его сотрудникам.

Теперь позвольте мне поделиться с директором М.Л. Титаренко, членами Ученого совета института и всеми друзьями некоторыми своими соображениями по поводу состояния современных китайско-российских отношений и их будущего развития, которые выношу на суд уважаемых специалистов.

Благодаря неустанным усилиям сторон на протяжении десяти с лишним лет китайско-российские отношения неуклонно сохраняют значительную дина-

мику развития, непрерывно преодолевая новые ступени — от взаимного признания друг друга в качестве дружественных стран к развитию отношений конструктивного партнерства, от утверждения отношений партнерства и стратегического взаимодействия — к подписанию Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, от взаимного статуса стратегических партнеров к проведению в обеих странах Национальных годов. В процессе этого мы окончательно разрешили пограничные вопросы, доставшиеся в наследство от истории, что позволило ликвидировать барьеры, препятствовавшие сосуществованию двух соседних стран в мире и согласии. Мы подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, заложив прочный правовой фундамент для сохранения дружбы между двумя странами из поколения в поколение. Мы создали полноценный механизм общения, включающий регулярные встречи глав государств, парламентов и правительств, что является надежным организационным обеспечением для сотрудничества в различных областях. Мы развиваем плодотворные обмены и сотрудничество в политической, экономической, научно-технической, культурной, внешнеполитической, военной и других областях, что не только дает богатые результаты, но и способствует накоплению опыта и открытию перспектив для всестороннего расширения и углубления двустороннего сотрудничества. Мы определили цели развития отношений между двумя странами, а именно: быть партнерами в политическом сотрудничестве на принципах искренности и взаимодоверия, партнерами в торгово-экономическом сотрудничестве на принципах взаимной выгоды и обоюдного выигрыша, партнерами в научно-техническом сотрудничестве, в совместной инновационной деятельности, гармоничными и дружественными партнерами в гуманитарном сотрудничестве, партнерами в сотрудничестве в области безопасности на принципах сплоченности и взаимопомощи. Устойчивое и стремительное развитие китайско-российских отношений действенным образом стимулирует социально-экономическое развитие двух стран, приносит реальные выгоды их народам, представляет собой надежную гарантию защиты обеими странами как собственных, так и общих интересов, а также вносит важный вклад в установление многополярного мира, демократизацию международных отношений и обеспечение многообразия моделей развития.

Оглядываясь на историю развития китайско-российских отношений, мы видим, что они уже заняли позицию на старте нового исторического этапа, стоят перед лицом новой ситуации, новых задач, новых возможностей и новых вызовов. Как видим, на этом новом старте обстановка в мире и международные структуры находятся в процессе глубоких изменений и упорядочения. Роль Китая и России заметно возрастает, Международное сообщество, озадаченное вопросом “Куда движется мир?”, все чаще бросает взоры на Китай и Россию. Мы видим, что за 8 лет президентства В.В. Путина Россия осуществила исторический переход от хаоса к порядку, совокупная мощь государства быстро росла, шаги в направлении развития и подъема стали более уверенными. За 30 лет проведения политики реформ и открытости Китай добился успехов, приковывающих взоры всего мира, и нашел путь развития социализма с китайской спецификой. Всесторонний прогресс Китая и России выдвинул новые и более высокие требования к уровню двусторонних отношений и сотрудничества. Мы видим, что непрерывное углубление дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и Россией стало целенаправленным курсом правительств двух стран. Энтузиазм различных общественных кругов, ведомств и регионов обеих стран в плане расширения контактов и сотрудничества отличает невиданный подъем. Новая проблема, которую двум сторонам в настоящее время необходимо осмыслить и решать, со-

стоит в том, каким образом сохранять и развивать такой энтузиазм, превращать его в реальные действия и добиваться конкретных результатов. Мы видим, что для содействия развитию всесторонних, гармоничных и долговременных двусторонних отношений, все более актуальной становится задача расширения взаимного доверия, усиления взаимной экономической выгоды и урегулирования на основе компромиссов разногласий и проблем, возникающих в процессе сотрудничества. Мы видим, что столкнувшись с мощной динамикой развития двух крупных держав Китая и России и с их сближением, некоторые мировые силы все явственнее опасаются, что данная тенденция бросит вызов их доминирующему положению, ударит по их системе ценностей и создаст непосредственную угрозу уже полученным ими выгодам. Они делают все, чтобы сдерживать эту тенденцию.

Перед лицом этой новой благоприятной, но и сложной ситуации вопрос о том, как дальше обеспечивать ускорение и улучшение развития китайско-российских отношений, становится чрезвычайно важной темой. Оглядываясь на пройденный путь и устремляя взор в будущее, мы суммируем наш совместно накопленный опыт, который представляется весьма ценным в следующих шести аспектах.

Во-первых, необходимо поддерживать развитие и рост могущества друг друга с позиций взаимодовверия и взаимной выгоды. Как Китай, так и Россия идут по пути мирного развития. Развитие Китая принесло и приносит России благоприятные возможности. Равным образом, развитие России также принесло и приносит благоприятные возможности Китаю. Одновременное стремительное развитие двух стран не только открыло широкое пространство для их сотрудничества в различных областях, но и покончило с мифом о единственно верной западной модели, внесло свой вклад в разнообразие мира. Это неоспоримый факт. Вместе с тем, мы должны обязательно обратить внимание на то, что определенная часть людей в наших странах по-прежнему находится под влиянием различных мифов об экспансии, угрозе и сохраняет определенное беспокойство и опасения по поводу развития и усиления противоположной стороны. Нам необходимо активизировать свою работу, чтобы устранить предрассудки и недоразумения в связи с развитием партнера, углублять взаимодовверие, оказывать более активную поддержку партнеру в его развитии и демонстрировать миру твердую решимость Китая и России поддерживать друг друга на их собственном пути.

Во-вторых, углублять деловое сотрудничество на принципах взаимной выгоды и общего выигрыша. В последние годы деловое сотрудничество между Китаем и Россией в торгово-экономической, энергетической, инвестиционной и других областях получает быстрое развитие. За прошлый год объем товарооборота составил 48,1 млрд долл., и в очередной раз установил исторический рекорд. Непрерывно улучшается структура взаимной торговли, расширяется инвестиционное и технико-экономическое сотрудничество. Однако в целом объем и уровень делового сотрудничества между двумя сторонами все еще значительно отстают от их потенциала и потребностей развития. Мы должны ускорять шаги сотрудничества, чтобы товарооборот как можно раньше вышел на отметку 100 млрд долл. Мы должны как можно скорее перестать уделять внимание лишь количеству, а должны одновременно заботиться о количестве и качестве, переходить от опоры на обмен обычными товарами к одновременному упору на обмен как обычными товарами, так и товарами с высокой добавленной стоимостью, переходить от торговли к инвестициям и сотрудничеству одновременно. Вместе с тем мы должны ориентировать субъекты сотрудничества двух стран к отказу от корыстного стремления добиваться односторонних выгод, не учитывая интере-

сов партнера, и не считать, что выгода партнера означает убыток себе. Следует действенным образом претворять в жизнь принцип взаимной выгоды и общего выигрыша в сотрудничестве, по-настоящему практиковать идею “и получать, и отдавать”. Добиваясь защиты своих интересов, надо в полной мере учитывать и уважать озабоченности и интересы партнера.

В-третьих, укреплять взаимопонимание между народами двух стран, беря за основу интересы каждого человека. Межгосударственные отношения, в конечном счете, есть отношения между людьми. Укрепляется взаимопонимание между народами двух стран, соответственно, сближаются и их чувства, повышается их уровень взаимодоверия, усиливается желание развития сотрудничества, укрепляется и основа межгосударственных отношений. Поэтому продвижение взаимопонимания между двумя народами — это основа основ развития китайско-российских отношений. В этом направлении обе стороны уже проделали большую работу и приложили колоссальные усилия. Особенно под влиянием Национальных годов сердца народов Китая и России заметно стали ближе, усилились симпатии друг к другу, углубилась дружба. Однако, судя по общей ситуации в китайско-российских отношениях, нам еще предстоит выполнять нелегкую задачу и преодолеть большой путь, чтобы укрепить знания наших народов друг о друге. Мы должны и дальше всемерно активизировать гуманитарные обмены между нашими странами, в полной мере выявляя преимущества наших стран как крупных культурных держав, и наводить более широкий культурный мост. Нам следует и дальше опираться на Общество китайско-российской дружбы и Общество российско-китайской дружбы как животворную силу народной дипломатии, популяризировать идею китайско-российской дружбы во всем обществе и непрерывно приумножать отряды ее последователей. Нам необходимо всемерно готовить смену в этой области, повышать интерес и энтузиазм подрастающих поколений двух стран в целях понимания и познания партнера, чтобы передавать факел китайско-российской дружбы из поколения в поколение.

В-четвертых, укреплять сотрудничество между двумя странами в международных делах в духе стратегического партнерства. Китай и Россия, являясь постоянными членами СБ ООН и мировыми державами, несут важную ответственность за развитие международной ситуации, изменение мировой архитектуры и урегулирование крупных международных и региональных проблем. Китай и Россия находятся в одинаковой или схожей стратегической ситуации, имеют общие интересы и озабоченности, общее понимание и позиции почти по всем актуальным вопросам современного мира. Сотрудничество между Китаем и Россией на международной арене не только эффективно защищает наши собственные интересы, но и играет все более важную роль для сохранения международного мира и стабильности. Без стратегического взаимодействия между Китаем и Россией никакой важный международный вопрос не может быть урегулирован справедливо и рационально. Мы должны, исходя из коренных интересов наших государств и лежащей на наших плечах ответственности перед миром, непрерывно усиливать активность в развитии стратегического взаимодействия, чтобы она стала нашей осознанной деятельностью.

В-пятых, в духе партнерства общими усилиями отвечать на вызовы. В последнее время мне часто задают такой вопрос. Вот Запад беспокоится о быстром подъеме Китая и России и их непрерывно укрепляющемся сотрудничестве, пытается препятствовать этому процессу и сдерживать его, иницируя даже создание некоего “Союза духовных ценностей” против Китая и России. Почему бы Китаю и России, стоящими перед общими вызовами, не вступить в союз? Я отве-

чаю на этот вопрос следующим образом. На основе обобщения позитивного и негативного опыта Китай и Россия определили свои межгосударственные отношения нового типа как несоюзнические, неконфронтационные и не направленные против третьих стран. Если бы Китай и Россия вступили в союз, забурлил бы весь мир. Хотя мы и не вступили в союз, но мы друг для друга являемся главными стратегическими партнерами. Китай и Россия как пара палочек для еды. Одна палочка функционально ограничена, а две палочки взаимодействуют друг с другом, и с их помощью можно искусно брать любую пищу. Ни в коем случае нельзя из-за отсутствия нашего формального союза ограничивать наше тесное сотрудничество, как положено главным стратегическим партнерам. Сталкиваясь со всякого рода серьезными вызовами, мы должны твердо руководствоваться духом партнерства, объединять усилия и совместно противодействовать вызовам.

В-шестых, регулировать и надлежащим образом разрешать путем равноправных консультаций проблемы, возникающие в ходе сотрудничества. По мере углубления и расширения китайско-российского сотрудничества будут постоянно возникать новые вопросы и новые обстоятельства. Расхождения в интересах и мнениях — это вполне нормальное явление. Надо всячески избегать их преувеличения и политизации, а также подозрений в мотивах партнера. В этом отношении уже существует богатая практика. Если мы будем доверять друг другу, проводить равноправные консультации и придерживаться принципа взаимопонимания и уступчивости, тогда не будет неразрешимых проблем. Руководствуясь этим духом, я выражаю надежду и уверенность, что такие нынешние озабоченности двух сторон, как структура взаимной торговли, цены на энергоносители и т.д. вполне можно урегулировать надлежащим образом.

Друзья! Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао отметил в докладе на XVII Всекитайском съезде КПК, что взаимоотношения между современным Китаем и миром претерпели исторические перемены, что перспектива и судьба Китая все теснее увязаны с перспективой и судьбой мира. Китай не может развиваться в отрыве от мира, мир не может добиться процветания и стабильности без Китая. Китай будет последовательно и непоколебимо идти по пути мирного развития, последовательно и непоколебимо проводить стратегию открытости на принципах взаимной выгоды и общего выигрыша с целью содействия построению гармоничного мира, где воцарятся прочный мир и общее процветание. XVII Всекитайский съезд КПК указал направления будущего развития Китая, а также открыл прекрасную перспективу будущего развития китайско-российских отношений.

Друзья! Китай и Россия являются самыми крупными соседними странами и главными стратегическими партнерами. Развитие китайско-российских отношений жизненно сопряжено с судьбами двух стран и народов, а также тесно связано с миром и развитием во всем мире. Мы уже добились грандиозных результатов в развитии китайско-российских отношений. Это — наше общее достояние, его следует оберегать и ценить. Мы будем вместе встречать и новые вызовы в развитии китайско-российских отношений, будем рука об руку, плечом к плечу, вместе шагать вперед. Мы будем идти в ногу со временем и осваивать все новые рубежи. Совместными усилиями мы непременно создадим новую ситуацию в развитии китайско-российских отношений!

Спасибо за внимание!

IX Российско-корейский форум

29-30 мая в Москве в Дипломатической академии МИД России состоялся очередной IX Российско-корейский форум. В отличие от предыдущих он был тематическим: основными темами обсуждения российских и корейских экспертов стали проблемы энергетического сотрудничества в Северо-Восточной Азии в контексте российско-корейских отношений и вопросы развития контактов между Россией и Республикой Корея в гуманитарной сфере.

Пленарное заседание открыл ректор Дипломатической академии А.Н. Панов, подчеркнувший в своем приветствии участникам форума, что Россия поддерживает такой мировой энергетический порядок, который приносил бы пользу всем участникам международных обменов, включая РФ и РК.

Президент Корейского фонда международных обменов Им Сон Чжун в своем выступлении сделал особый акцент на значительном расширении сотрудничества между РК и РФ в сфере безопасности, экономики и культурных связей.

Актуальные проблемы геополитической ситуации в СВА и на Корейском полуострове осветил в своем выступлении заместитель министра иностранных дел России А.Н. Бородавкин. Он отметил ускорение темпов развития отношений между РФ и РК, увеличение торгового оборота между двумя странами в 2007 г. до 15 млрд долл, рост корейских инвестиций в российскую экономику до 130 млн долл, а также остановился на конструктивной роли российской дипломатии на шестисторонних переговорах и активной поддержке межкорейского диалога со стороны России.

Участников форума приветствовали также член Совета Федерации и заместитель председателя Российского национального комитета ЮНЕСКО А.С. Дзасохов, посол Республики Корея в РФ Ли Гю Хён, руководитель Ростехнадзора и сопредседатель Российско-корейской комиссии по сотрудничеству в области экономики и науки К.Б. Пуликовский, советник правительства РК Ю Чон Ха, депутат Национальной ассамблеи Республики Корея Ко Хон Гиль.

В работе форума также приняли участие с российской стороны депутат Госдумы РФ В.Р. Мединский, видные политологи и корееведы К.Н. Кулматов (Дипакадемия МИД РФ), Г.С. Яскина (ИВ РАН), А.Н. Федоровский (ИМЭМО РАН), С.С. Суслина (МГИМО(У) МИД РФ), И.И. Стеклов (МГИМО(У) МИД РФ), А.З. Жебин (ИДВ РАН), К.В. Асмолов (ИДВ РАН), А.В. Воронцов (ИВ РАН), В.И. Денисов (МГИМО(У) МИД РФ), А.Д. Цой (Президент Ассоциации научно-технических обществ корейцев СНГ), О.Ф. Жилин (Вице-президент Российского газового общества), С.Г. Смирнов (Председатель международного консорциума "Юниолимп"), Г.В. Федотов (Генеральный директор ООО "Антиклинал"), В.Ф. Ли (Дипакадемия МИД РФ) и др.

С корейской стороны в обсуждении вынесенных на форум проблем участвовали депутаты Национальной ассамблеи Ан Ген Рюль, Чон Чжин Сок, быв-

ший посол РК в РФ Ли Ин Хо, директор Центра АТР Ханьянского университета Ом Гу Хо, генеральный директор Департамента европейских и африканских исследований Института внешней политики и национальной безопасности Ко Чжэ Нам, профессор университета Хангук Квон Вон Сун, ведущий специалист Корейского института энергетики Ли Сон Гю, помощник секретаря Президента РК Ли Ге Гван, управляющий московским отделением Корейской газовой корпорации Чо Чжун Хо и др.

В ходе оживленной дискуссии были отмечены успехи в российско-корейском политическом диалоге, близость подходов двух стран к ключевым проблемам современных международных отношений, поступательный рост торгово-экономического сотрудничества.

При обсуждении энергетической тематики российские и корейские эксперты сделали особый упор на необходимости совместных усилий двух стран по обеспечению энергетической безопасности и активизации энергетической дипломатии с целью достижения баланса интересов и выработки согласованных действий в Северо-Восточной Азии и на Корейском полуострове.

Многие российские и корейские участники форума в своих выступлениях подчеркивали огромную важность расширения культурных и гуманитарных обменов между Россией и Республикой Корея, более интенсивного распространения знаний о Корее в России и о России в Корее, что будет во многом способствовать дальнейшему расширению сотрудничества во всех сферах.

При подведении итогов форума проректор Дипломатической академии по науке и международным обменам Е.П. Бажанов и президент Корейского фонда международных обменов Им Сон Чжун выразили удовлетворение тем, что форум прошел успешно, и его участники выдвинули немало интересных предложений, которые могут способствовать дальнейшему развитию российско-корейских связей и активизации многостороннего сотрудничества в Северо-Восточной Азии.

В Обществе российско-китайской дружбы

Бывшие китайские воспитанники интернационального Ивановского детского дома в Москве

По приглашению Общества российско-китайской дружбы 29 апреля с.г. в Москву для участия в мероприятиях, посвященных 75-летию Ивановского интернационального детского дома — ныне Ивановской школы-интерната имени Е.Д. Стасовой — прибыла делегация бывших китайских воспитанников Ивановского интердома в составе 16 человек во главе с Ли Доли в сопровождении представителей китайских средств массовой информации. В числе прибывших китайских гостей были: Ли Минь и Кун Дунмэй — дочь и внучка Мао Цзэдуна; Лю Сунлинь — жена сына Мао Цзэдуна Мао Аньина и другие, ныне убежденные сединой, воспитанники интердома — дети известных китайских революционеров и партийных деятелей, привезенных в Иваново в 30-е и 40-е годы прошлого столетия. Все они жили, учились в Иваново, а позже — в высших учебных заведениях Москвы и только в конце 1940-х — начале 1950-х годов вернулись в Китай.

По возвращении в КНР они принимали активное участие в жизни страны, ее становлении и развитии. Оставаясь патриотами своей страны они, тем не менее, считали и считают Советский Союз, а сегодня и Россию, своей второй родиной.

Бывшим китайским воспитанникам Ивановского интердома в нашей стране был оказан самый теплый прием.

С 30 апреля по 4 мая они были гостями Ивановской школы-интерната, где участвовали в юбилейных мероприятиях, посвященных 75-летию Ивановского интернационального детского дома. В их числе — митинг на пл. Революции, где в августе 1929 г. иваново-вознесенские рабочие приняли решение о строительстве интернационального детского дома, праздничное первомайское театрализованное шествие воспитанников, выпускников, сотрудников, ветеранов и гостей, школьный праздничный вечер, посвященный юбилею, торжественное открытие школьного фонтана с бронзовой скульптурой "Меркурий", подаренной школе выпускниками, подведение итогов международного конкурса детского рисунка "Будем жить на цветущей планете", презентация сборника стихов воспитанников интердома в актовом зале школы, презентация нового документального фильма режиссера С. Мужина "Обитель" в актовом зале школы, спортивный праздник.

Центральным мероприятием стал торжественный вечер "Встреча поколений", посвященный юбилею школы.

В юбилейных торжествах в Иваново приняли также участие представители Китайского землячества во главе с его председателем Хун Е, которые передали в дар воспитанникам школы-интерната большую партию одежды и школьных принадлежностей.

Московская программа “китайских ивановцев” началась 5 мая со встречи в Обществе российско-китайской дружбы. Состоялась исключительно теплая беседа, в ходе которой они вспоминали свои детские годы в Интердоме, отмечали большую заботу со стороны советских педагогов и воспитателей, учебу в Ивановской средней школе и вузах. Очень тепло вспоминали о своих предыдущих поездках в Москву для участия в 65-летию и 70-летию Ивановского интердома.

С особой теплотой отзывались “китайские ивановцы” о контактах, которые неизменно поддерживали с ними во время работы в Пекине Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР И.А. Рогачев и советник посольства Г.В. Куликова. Все выступавшие китайские друзья говорили, что никогда не забудут лет, проведенных в Ивановском интернациональном детском доме, и до конца своей жизни будут считать Советский Союз, а ныне Россию, своей второй родиной.

6 мая делегация бывших китайских воспитанников Ивановского интернационального детского дома была принята С.Ю. Орловой, заместителем председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ, которая сообщила китайским участникам встречи о событиях, происходящих в последнее время в России, о том, какие задачи стоят перед нашей страной, поставившей цель к 2020 г. войти в пятерку развитых стран мира.

С большим удовлетворением С.Ю. Орлова сообщила о том, что в России хорошо знают об успехах КНР за 30 лет политики открытости и реформ, что по ВВП Китай уже в этом году вышел на 1-е место в мире, обогнав США. Она пожелала членам делегации, а в их лице всему китайскому народу дальнейших успехов в строительстве Родины.

Руководитель делегации Ли Доли от имени ее членов поблагодарил С.Ю. Орлову за теплую встречу, поделился впечатлениями от пребывания на юбилейных торжествах в Иванове и пригласил ее в ходе поездки в КНР встретиться с “китайскими ивановцами” на китайской земле.

Во встрече приняли участие член Совета Федерации ФС РФ И.А. Рогачев и первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы Г.В. Куликова. Российские участники встречи единодушно поддержали пекинскую Олимпиаду и выразили уверенность в ее успешном проведении.

Во второй половине дня 6 мая делегация китайских ивановцев посетила Государственный гуманитарный центр “Преодоление” им. Н.А. Островского, где состоялась их встреча с российскими ветеранами, а также с воспитанниками Ивановского интердома из Германии, Греции, Испании, Чехии и бывшими советскими интердомовцами. Гости ознакомились с выставочной экспозицией “Семья в мире войн и революций”, присутствовали на концерте Ансамбля национальных песен и танцев из г. Павлово-Посад.

Китайские интердомовцы были гостями школы № 1948 — коллективного члена Общества российско-китайской дружбы, где участвовали в открытии “Музея Великой Отечественной войны”, встретились с ветеранами-участниками освобождения Северо-Восточного Китая.

В свой последний день пребывания в Москве накануне 9 мая — праздника Великой победы — китайские интердомовцы участвовали в приеме, который Центр китайско-русских культурных обменов и Общество российско-китайской дружбы организовали по случаю 63-й годовщины победы в Великой Отечественной войне.

Рецензии

Образ Китая в современной России.

М.: Русская панорама, 2007. 335 с.

Рецензируемая книга имеет довольно длинный подзаголовок: "Некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых". Однако он не отражает всей палитры вопросов, которые рассматриваются в восемнадцати статьях, составляющих этот сборник трудов российских, белорусских и китайских ученых.

Сборник открывается статьей академика М.Л. Титаренко "О роли российского китаеведения в развитии диалога российской и китайской цивилизации", которая задает общую тональность довольно разноплановым материалам, включенным в книгу, позволяя рассматривать их прежде всего именно в рамках диалога российской и китайской науки и культуры.

Большая часть статей (11) посвящена историографическим исследованиям, что представляется весьма положительным явлением для современного российского китаеведения. Историографическая школа в нашем китаеведении, видными представителями которой были Г.В. Ефимов и В.Н. Никифоров, к концу прошлого века заметно сдала свои позиции. Поэтому можно только приветствовать возрождение серьезного интереса к историографии среди китаеведов и публикацию таких глубоких обобщающих исследований, как статьи Р.А. Мировицкой "Российская историография советско-китайских отношений 20-х — 40-х гг. XX столетия" (С. 142—157), А.С. Ипатовой "О некоторых новых направлениях и тенденциях в исторической науке КНР (80-е годы XX — начало XXI в.)" (С. 260—274), Н.Л. Мамаевой "Новые подходы в исторической науке КНР при освещении истории Китайской Республики (1911—1949 гг.)" (С. 275—285). Каждая из названных статей заслуживает отдельного разбора, что невозможно в ограниченном формате рецензии. Однако нельзя не сказать, что в любом

случае для молодых историков-китаеведов, да и не только китаеведов, эти статьи могут быть образцом анализа отечественных и китайских исследований по ключевым проблемам, связанным с историей Китая и историей отношений между нашими странами.

Весьма интересны и содержательны и другие историографические статьи, посвященные более частным, но не менее актуальными вопросам. Это — две публикации А.Л. Верченко о взглядах ученых КНР на развитие российско-китайского торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с 90-х годов прошлого века до 2006 г., статья С.А. Горбуновой об изучении в КНР трансформации вероисповедной политики в период реформ, а также статьи политологического плана Д.А. Смирнова, изложившего точку зрения китайских политологов на причины распада СССР, и В.Ф. Бородинича о политической трансформации КНР в работах российских и китайских исследователей.

Вместе с тем нельзя не отметить, что фактически за пределами внимания российских историографов остался весьма значительный массив зарубежного китаеведения — западная синология. Только в статье А.В. Белякова об отечественной и зарубежной историографии о коррупции и организованной преступности в КНР имеется небольшой по объему раздел (С. 318—322), посвященный работам западных ученых по рассматриваемой тематике.

Создание образа России в Китае в процессе культурно-цивилизационного диалога стало предметом историографической статьи китайской исследовательницы из университета Цинхуа Ван Ци. Она обобщила результаты изучения китайскими специалистами в 2000—2006 гг. культуры России по пяти направлениям: раскрытие сущности русской культуры, исследование православия, исследование "русской идеи", анализ

русского национального характера, культурологическое толкование истории России.

В двух других статьях китайских ученых о китайско-российских отношениях особый акцент сделан на проблемах культуры и культурного сотрудничества между Китаем и Россией. Профессор Ху Сяньчжан из Университета Цинхуа убедительно аргументирует необходимость активизации китайско-российских культурных связей “как моста между Китаем и Россией” (С. 357), а доцент истфака того же Университета Чжоу Юндун полагает, что культурные связи могут сыграть важную позитивную роль в преодолении “элементов дисгармонии в китайско-российских отношениях”. Эти авторы справедливо выражают тревогу по поводу “дисбаланса в обменах между российской и китайской культурой” (С. 59) и того обстоятельства, что “знания в обеих странах друг о друге весьма поверхностны” (С. 210). Они предлагают также целый ряд мер, которые способствовали бы росту взаимопонимания между народами двух стран (С. 61, 211—212), к которым стоит прислушаться как в России, так и в Китае. Помимо историографических и культурологических статей, в сборнике значительное место занимают информационно-аналитические материалы (раздел “Общества, организации, издания”). 50-летию Общества российско-китайской дружбы, отмечавшемуся в октябре 2007 г., посвящена статья заместителя председателя Правления общества Г.В. Куликовой с подробным изложением истории этой организации и всего комплекса мероприятий, подводимых обществом по упрочению дружбы и сотрудничества между Россией и КНР.

Основные направления исследований по Китаю в ведущих российских центрах китаеведения в конце 1990-х гг. рассмотрены в статье Л.М. Гудошника и Г.А. Степановой. Заметный прогресс в российском китаеведении эти российские ученые справедливо связывают с успешным развитием КНР, расширением изучения китайского языка в России и растущим интересом в российском обществе к духовной цивилизации Китая.

К особому жанру — скорее всего к информационно-аналитическому обзору — относятся публикации И.А. Тулиной

о многотомной серии документов “ВКП(б), Коминтерн и Китай” и Т.Г. Герасимовой о продолжающемся ежегодном издании ИДВ РАН “Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура”.

И.А. Тулина выделяет наиболее существенные компоненты содержания изданного в 1994—2003 гг. Институтом Дальнего Востока РАН в сотрудничестве с Российским государственным архивом социально-политической истории и Институтом изучения Восточной Азии Свободного университета Берлина уникального собрания документов, которые дают возможность специалистам “взглянуть по-новому на историю взаимоотношений между ВКП(б), Коминтерном, КПК и Гоминьданом и помогут найти ответы на многие вопросы, возникающие у исследователей в наше время” (С. 101).

Т.Г. Герасимова подробно, в деталях характеризует выходящее с 1969 г. “единственное в своем роде” (С. 77), серийное информационно-аналитическое издание “Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура”. Разделяя приводимую Т.Г. Герасимовой оценку ежегодников по Китаю как изданий, дающих научно-обоснованную картину поэтапного развития КНР и являющихся своеобразным мониторингом социально-экономического, культурного и научно-технического развития страны, можно вместе с автором выразить и сожаление по поводу не слишком большого спроса на это издание, и надежду на то, что ежегодник станет более востребованным и научной общественностью, и широким кругом читателей.

Безусловно, подобной информационно-аналитической презентации заслуживают и другие серийные издания ИДВ РАН, например, “Китай в мировой и региональной политике”, 12 выпусков которого вышли к 2008 г.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы те направления в российско-китайском культурно-цивилизационном диалоге: историографическое, культурологическое и информационно-аналитическое — которые нашли отражение в рецензируемом сборнике, были более полно представлены в последующих изданиях ИДВ РАН.

Тихоокеанское обозрение, 2006—2007 / [под ред.: В.М. Мазырин, О.В. Новакова, П.Ю. Цветов]. М.: Ключ-С, 2007. 224 с.

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) справедливо относится к одному из интенсивно поднимающихся центров мирового развития, значение и роль которого из года в год неуклонно возрастают. Отличительной чертой региона является интенсивность интеграционных процессов как в субрегиональном, так и в общеазиатском форматах. Рост действующих в регионе объединений — яркое отражение общей тенденции к многосторонности и коллективной выработке решений. К числу таких объединений можно отнести АТЭС, ШОС, диалоговое сотрудничество России с АСЕАН, Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) и другие. Тесное и взаимовыгодное сотрудничество со странами региона в рамках АТЭС, АСЕАН и ШОС является приоритетным направлением восточной внешней политики РФ.

Опубликованные в рецензируемом альманахе «Тихоокеанское обозрение 2006—2007» аналитические статьи и официальные документы дают комплексную картину развития АТР в 2006—2007 гг.

Издание подготовлено Институтом стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова при поддержке Фонда Первого Президента России Б.Н. Ельцина. Авторами статей являются видные российские ученые. Международный характер альманаху придает участие в нем профессора Лидского университета (Англия) Й. Доша.

Интеграционные тенденции в АТР и возможности более активного включения России в дела региона подробно проанализированы в статье Е. Кутовой «Важнейшие направления и потенциал интеграции России в геополитическое пространство АТР». Раскрывая основные цели российской внешней политики в АТР (поддержание безопасности, стабильности и создание условий для экономического развития), автор полагает, что серьезной преградой для вхождения России в геополитическое пространство АТР является слаборазвитость

восточносибирских и дальневосточных ее регионов. Именно в этих регионах, как отмечено в публикации, сконцентрированы значительные запасы природных ресурсов, «к включению которых в орбиту бурно развивающегося экономического потенциала АТР проявляют растущий интерес государства региона и которые могут стать мощным интегрирующим фактором» (С. 36—37). Можно полностью согласиться с выводом автора, что именно в АТР тесно сопрягаются внутренние и внешнеполитические интересы России, поскольку без экономического прогресса не может быть прочной основы для нашей политики в этом регионе. А она напрямую зависит от социально-экономического, инфраструктурного, социокультурного и иного развития Сибири и Дальнего Востока.

Интеграционным процессам в АТР посвящена также статья С. Шипилова «Богорские цели и политико-интеграционные процессы в АТР». Достижение Богорских целей, по мнению автора, «наталкивается на ряд неопределенностей и рисков, связанных с позициями американских и азиатских стран», в основе которых лежит соперничество за реализацию «тихоокеанского», «китаецентричного» и «паназиатского» видения интеграционных процессов, за которыми стоят интересы США, Китая и Японии (С. 24). В этих условиях «перед Россией стоит важнейшая задача по выработке концепции выгодного нам интеграционного взаимодействия со странами региона» (С. 34).

В альманахе также уделено значительное место вопросам безопасности в АТР. Проблема традиционной безопасности в АТР рассмотрена в статье «Ракетно-ядерная программа КНДР и ее влияние на геополитическую ситуацию в Северо-Восточной Азии» (авторы — П. Лешаков и Ким Вон Ил). В ней подробно анализируется история ядерного кризиса на Корейском полуострове, дается взвешенная и объективная оценка событий, имевших место после ядерного испытания КНДР, вызвавшего очередной виток напряженности в Северо-Восточной Азии.

Заслуживает внимания статья английского профессора И. Доша "Концепция и решение проблем нетрадиционной безопасности в Юго-Восточной Азии". К современным нетрадиционным угрозам для стран ЮВА автор относит экологические проблемы, миграцию населения, рост преступности и проституции, незаконный оборот наркотиков, увеличение разрыва в благосостоянии и доходах внутри и между соседними областями, сепаратизм, повстанческие движения, терроризм и морское пиратство. Были предприняты различные региональные инициативы в ответ на эти нетрадиционные вызовы безопасности, но эти инициативы (например, создание Регионального антитеррористического центра ЮВА), при заинтересованности стран в координации национальных подходов к проблемам нетрадиционной безопасности, пока еще слабо реализуются на практике.

Экономический блок представлен в альманахе статьями В. Мельянцева "Параметры экономического подъема двух крупнейших азиатских стран — Индии и Китая: сравнительный анализ", И. Тимониной и Ю. Саплин-Силановицкого "Японская стратегия "соразвития" и японо-китайские экономические отношения". В этих статьях проведен содержательный сравнительный анализ экономических достижений и отношений крупнейших стран Азии: Китая, Японии, Индии и их социально-политических последствий.

В альманахе "Тихоокеанское обозрение" впервые нашла свое отражение проб-

лема культурного взаимодействия стран АТР. В статье "Культура Юго-Восточной Азии: активный обмен с внешним миром при сохранении традиционной цивилизационной общности" В. Погадаев останавливается на особенностях изобразительного искусства, архитектуры, музыки, танца, театра, кинематографии и литературы стран Юго-Восточной Азии. Автор раскрывает историю культуры, ее нынешнее состояние и приходит к выводу о том, что политика правительств стран региона направлена на сохранение всего ценного, что осталось в наследство от прошлых поколений, на недопущение негативного влияния глобализации (С. 120).

В сборник включены и официальные документы, которые представляют комплексную картину развития АТР в 2006—2007 гг. Опубликованы межправительственные двух- и многосторонние соглашения, интервью с видными политическими и государственными деятелями, справочная информация о странах, а также об отдельных лидерах и мировых исследовательских центрах по АТР.

"Тихоокеанское обозрение" — новый заметный вклад в отечественное востоковедение. Вместе с тем хотелось бы видеть на его страницах публикации не только столичных авторов, но и ученых из других научных центров России. Несомненным украшением альманаха могла бы стать "дискуссионная трибуна" по актуальным проблемам региона.

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.nauka.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной по телефону 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 20.06.2008 г. Подписано к печати 21.07.2008 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 12,3 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 774 экз. Зак. 334

Издатель: Академиздатцентр "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2008 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.